

Галина Чудинова

Ино еще побредем

Пермь, 2013

В книгу вошли произведения, написанные Г.В.Чудиновой за десять лет её пребывания в Русской Православной Старообрядческой Церкви. Основой книги является повесть “Ино еще побредем”, действие которой охватывает достаточно драматический период в жизни России с 2007-го по 2010-й годы. Герои повести – современные староверы, преодолевающие, как и их предки, всякого рода удары судьбы, испытания и искушения. Это люди глубоко верующие во Христа, высокообразованные, мужественные, волевые, наделённые любовью и сердечной добротой к ближним, но не приемлющие врагов Божиих. Повесть названа ставшими крылатыми словами Анастасии Марковны, жены и верной подруги протопопа Аввакума. Герои трёх рассказов имели и имеют реальных прототипов в жизни. Это те знакомые и собеседники автора, которые были предельно далеки от феномена старообрядчества, от подлинной веры в Бога и поэтому потерпели жестокое жизненное крушение. Герой рассказа “Поединок” в исторических реалиях середины XX века продолжил подвиг протопопа Аввакума. Путевые раздумья дадут возможность читателям мысленно побывать в тех местах, которые посетила автор книги за десять последних лет и поразмышлять над теми проблемами, что остро обозначены в данных очерках.

Целью автора книги стала попытка развенчать устоявшиеся разрушительные мифы о русской истории, поведать правду о староверах, объяснить читателям, что староверчество со времён Раскола и до наших времён было единственным хранителем неискажённого Православия.

На первой странице обложки памятник протопопу Аввакуму в селе Григорово Нижегородской губернии работы скульптора Вячеслава Клыкова.

На второй странице обложки памятный знак на предполагаемом месте сожжения протопопа Аввакума на территории городища Пустозерск.

Предисловие

Приход к староверчеству стал главным событием всей моей зрелой жизни, итогом многолетних духовных исканий. Всё это время непрестанно осмысляла я феномен старообрядчества. Прочла множество книг, среди которых хотелось бы особо отметить основательный труд Ф.Е.Мельникова “Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви” (Барнаул, 1999) и фундаментальное исследование Б.П.Кутузова “Церковная “реформа” ХУП в. как идеологическая диверсия и национальная катастрофа” (Барнаул, 2008).

Я поняла, что соборность лежала в основе всей организации русского Православия с момента его возникновения и что одним из главных преступлений никоно-алексеевской “реформы” явилось попрание этой соборности, введение единоличной власти патриарха подобно всевластию Римского папы. “Духовный регламент” Петра I окончательно превратил Церковь в “Ведомство православного исповедания”, только вдумайтесь в эту бюрократическую формулировку! Бывшие соборяне стали “безгласным стадом”. Утеря принципа соборности, как писал о том Б.П.Кутузов, общее обмирщение, падение уровня духа Церкви привели к тому, что к приходу 1917-го года Церковь лежала в расслаблении. События семнадцатого года вытекают из событий семнадцатого века. Печальные эти метаморфозы произошли именно с никонианской или новообрядческой церковью, а староверы сохранили Православие в его канонической чистоте.

По мере постижения истины за последние десять лет менялось моё мировоззрение, моё понимание трагической и величественной русской истории. Я открыла для себя подлинных её героев и священикомучеников, чему во многом способствовали мои поездки по староверческим местам России. В феврале 2005-го года, будучи на московской конференции “Старообрядчество:

история, культура, современность”, побывала я вместе с другими её участниками на автобусной экскурсии в Боровске. Впечатления были неизгладимыми! Там Виктор Иванович Осипов, главный организатор чтений, показал нам железную клетку, в которой томился священномученик Аввакум, а чуть позже спустились мы в подземелье часовни, построенной на месте гибели боярыни Морозовой и её сестры Евдокии Урусовой – наших национальных героинь. Я поняла, что моё место – с теми, кто отдал жизни за торжество подлинного Православия на русской земле. Несколько раз довелось мне побывать в Рогожской слободе – исторической резиденции староверов, – и всякий раз с благоговением осматривала я это священное место и молилась в Покровском Соборе. Размышления о судьбах подлинного и искажённого Православия легли в основу моей книги “Как нам сберечь русский народ, или Русский фундаментализм как концепция возрождения русского народа” (Пермь, 2009).

За минувшие десять лет дважды съездила я в Шамары, ставшие одним из центров староверчества на Урале, посетила Верещагинский, Очерский и Бородулинский приходы Пермского края, пообщалась со многими интереснейшими старообрядцами из разных уголков России, а летом 2009-го года познакомилась с алтайскими староверами, побывала в церквях Барнаула и высокогорной Мульты. Тогда-то и возник у меня замысел создания цикла очерков под общим названием “Рассказы о староверах”. Они были изданы в 2010-м году и быстро разошлись. Третья моя книга “Чудиновы. Хроника обретений и утрат одного рода” вышла в 2011-м году совсем небольшим, эксклюзивным тиражом. Она стала итогом горьких размышлений о изломанных судьбах моих родственников, так и не пришедших к Богу.

Книга “Ино еще побредем” создавалась с 2010-го по 2012-й годы. Год 2012-й стал для меня вдвойне значимым: в мае мне исполнилось шестьдесят пять лет, последние десять из которых я была прихожанкой Пермского прихода Русской Православной

Старообрядческой Церкви.

Свою новую книгу не случайно назвала я ставшими крылатыми словами Анастасии Марковны, жены и верной подруги протопопа Аввакума, которая сказала мужу в один из тяжелейших моментов их жизни: “Ино еще побредем”. В этих словах прозвучала глубочайшая вера в Божью помощь и поддержку, в правоту своего дела. Помимо этого в 2012-м году исполнилось 330 лет со дня мученической кончины протопопа Аввакума. Не секрет, что в общественном сознании до сих пор бытует мнение о староверах как о некоем реликтовом явлении, которое вот-вот окончательно вымрет благодаря своему фанатизму, косности, невежеству. Моей целью стала попытка развенчать устоявшиеся разрушительные мифы, поведать правду о староверах, объяснить читателям, что староверчество со времён Раскола было единственным хранителем неискажённого Православия, было подобно охраняемой Богом горящей свече на ветру. Стоит погасить её, как Россия да и весь мир погрузится во мрак.

Согласятся со мной читатели этой книги или нет, но я твёрдо исхожу из убеждения, что без возврата к старой, неискажённой, дораскольной вере русскому человеку и народу не выбраться из нынешней катастрофы, не спастись. Современный мир глобально расколот: США и Западная Европа готовы развязать третью мировую войну с православными и исламскими странами за господство “золотой сотни тысяч”. Каждая из сколько-нибудь значимых стран мира расколота и раздираема изнутри своими собственными противоречиями. В России усугубился раскол между приверженцами традиционных духовно-нравственных ценностей и безбожными либералами-западниками, готовыми защитить и оправдать любое человеческое грехопадение. Буйно расцветшие после “мирной” революции 1991-го года искусство и литература постмодернизма, точнее сказать – антиискусство, низвели

человека до уровня ниже звериного. Каждый день узнаём мы из СМИ о разного рода леденящих душу страшных преступлениях, и число их множится. Россия напоминает корабль, опасно накренившийся на один борт, готовый зачерпнуть воду и пойти ко дну. Губительный крен необходимо выправить: нам нужно иное искусство, иная литература с прорывом к подлинной вере в Бога, с яркими, сильными, героическими характерами, способными повести людей за собой, осуществить задачи новой исторической эпохи – духовно-нравственной и экономически сильной России. Книга написана в традициях русской православной литературы, её творческий метод – духовный реализм с элементами фантастики и вымысла, не противоречащими духовной реальности созданного Творцом мира.

Герои моей повести – современные староверы, преодолевающие, как и их предки, всякого рода всякого рода удары судьбы, испытания и искушения. Это люди высокообразованные, мужественные, волевые, наделённые любовью и сердечной добротой к ближним, но не приемлющие врагов Божиих. Повесть построена на антитезе между безбожным и безнравственным миром современных дельцов с их идеологией вседозволенности и подлинно православным миром староверов. Герои трёх рассказов имели и имеют реальных прототипов в жизни. Это те мои знакомые и собеседники, которые были предельно далеки от феномена старообрядчества, от подлинной веры в Бога и поэтому потерпели жестокое жизненное крушение. Герой рассказа “Поединок” в исторических реалиях середины XX века проявил такую же твёрдость и мужество в защите веры, как протопоп Аввакум. Путевые раздумья дадут возможность читателям мысленно побывать в тех местах, которые посетила я за несколько последних лет и поразмышлять над теми проблемами, что остро обозначены в данных очерках.

Галина Чудинова

Часть первая

Посвящается всем свящennemученикам, за
древлеправославную веру пострадавшим

Ино еще побредем

Повесть

Не собирайте себе сокровищ на
земле, где моль и ржа истребляют и где
воры подкапывают и крадут;

Но собирайте себе сокровища на
небе, где ни моль, ни ржа не истребляют
и где воры не подкапывают и не крадут;

Ибо, где сокровище ваше, там будет
и сердце ваше.

Еванг. от Матфея. Гл. 6. 19-21.

Я пришел – на меня, бедная, пеняет,
говоря: “долго ли мука сея, протопоп,
будет?” И я говорю: “Марковна, до
самыя до смерти!” Она же, вздохнув,
отвечала: “добро, Петрович, ино еще
побредем”.

Житие протопопы Аввакума

I

Смерть грешникам люта

Страшный, жуткий сон привиделся под утро иерею Алексию Меркушеву, служившему в ныне совсем не большом, а ранее богатом приходе села Россохи. Снилось ему, как верховой огонь под мощными порывами ветра, словно огнедышащий Змей-Горыныч, мчался к деревням, как, точно спички, вспыхивали и пылали дома, как мычала охваченная пламенем скотина, отчаянно кричали и матерились мужики, истошно выли бабы, надрывно плакали ребятишки. После дым сгустился, и отчетливо провалился в бездну. Поначалу смутно различал он в ней тени, наподобие плавающих полупрозрачных человеческих тел, потом, приглядевшись, содрогнулся: косматые бесенята и бесы с длинными хвостами, рогами и острыми когтями на шерстистых лапах сидели и стояли, образуя большой круг, в центре которого возвышались безобразные демоны с налитыми кровью глазами без зрачков. Бесенята выталкивали к их стопам трепещущие от ужаса души, весело крича: “А этому нынче что нового приготовили? В земной жизни звался он царём Алексеем Михайловичем, провёл задуманную ещё дедом его и отцом церковную “реформу”, погубил множество православного люда”. “Престол византийских императоров, о котором он так мечтал!” – хлопнул в ладоши один из демонов. Душу мигом водрузили на высоченный столб бьющей снизу расплавленной вулканической магмы. С высоты адского огня слышались ей нечеловеческие, предсмертные вопли некогда терзаемых заживо людей, они сливались с собственными её жуткими стенаниями. “А этому что? Был он не абы кем, а патриархом Никоном, посвящённым в царский план. Книжная “справа” да порча богослужебных книг – его рук дело”. “Вселенское патриаршество с кафедрой в Константинополе да со службами в наших местах!” – рывкнул другой и, напялив огненный обруч на место, где раньше была голова, потащил душу по кругу, кланяясь в разные стороны и

имитируя церковное богослужение. Ад, казалось, содрогнулся от воя, а стоящие в кругу бесы и бесенята захохотали и захлопали в косматые ладоши, точно на театральном представлении. А рядом в адских безднах маячили души царя Фёдора, царевны Софьи, Петра I, Николая I да прочих Романовых, прославившихся гонениями на староверов.

Священник проснулся от удушающего его жара, трижды мелко перекрестился щёпотью и слезящимися глазами оглядел стены своей бедной, похожей на келью спаленки. Всё было на своих местах, лишь лампада под образами быстро раскачивалась из стороны в сторону да от перегретого, с запахом серы и смрада воздуха нечем было дышать. Шатаясь, иерей встал, распахнул створку окна и пересохшими губами зашептал слова молитвы, но страх, переходящий в ужас, не покидал его. С трудом вышел он оправиться во двор, едва не сверзившись с лестницы, потом долго плескался водой над тазом у рукомойника, чувствуя, как тело его остужается после жара и покрывается холодным потом. Хлопочущая в горнице матушка Клавдия по причине слабого зрения не сразу разглядела бледное, осунувшееся лица мужа – она готовила завтрак. Вскоре на чистом обеденном столе появились маринованные огурчики с тонкими веточками укропа, блюдо молодой разварившейся картошки, шипящая на сковороде яичница-глазунья да ароматно пахнущие капустные пирожки. Трапезу дополняла чашка мёда с собственной небольшой пасеки и свежезаваренный ароматный чай. Отец Алексей шагнул, было, к столу, но сам вид и запах пищи вызвал у него чуть ли не рвоту. В поисках подрясника снова вошёл он в спальню и рухнул на постель.

– Что с тобой, батюшка? – запричитала жена. – На тебе лица нет. Давай я вызову скорую.

– Нездоровится! – глухим, каким-то чужим голосом еле вымолвил иерей. – погоди, куда не вызывай. Отлежусь маленько.

Лежа, долго ощупывал он дрожащими руками ставшее

непослушным тело и ватные ноги; иерей боялся закрыть глаза, чтобы вновь не узреть жуткие картины. Прошло около часа, прежде чем ночной кошмар чуть отпустил его. Несколько раз перекрестившись щёпотью, священник, наконец, снова с трудом встал, набросил на себя подрясник и шагнул к двери. Скорей, скорей, вертелось в его голове. Скорей рассказать про сон старосте прихода Игнату Коногорову, мужику умному, начитанному. К чему бы это? Может он что присоветует, подскажет?

Двухэтажный дом старосты был рядом, через дорогу, метрах в двухстах от церковной избы, где ночевал отец Алексей с матушкой Клавдией, постоянно наезжая в Россохи для служб и разного рода треб. Вот и нынче днём у него было назначено отпевание. Однако, выйдя из избы, отче передумал тотчас идти к Игнату, дыбы не пугать его с женой да внучками бледным, уstraшающим свои видом и направился к церкви.

Церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы стояла на самом возвышенном месте села и была видна отовсюду. Один из росохинских старожилов, ныне покойный прихожанин Александр Петухов много рассказывал батюшке об истории её строительства. Воздвигалась церковь в начале второй половины девятнадцатого века, во времена правления Александра Второго, и бабушка Петухова по отцу, ещё будучи девчонкой, месила глину для этой стройки. Строили Храм Божий всем миром, каждый двор вносил свою лепту: кто работой, кто деньгами, а кто и яйцами – раствор замешивали с добавкой яичного белка. Кирпич делали там же, где брали глину, в трёхстах метрах от ключа с чистейшей водой. Строили долго, основательно, и вот, наконец, честному миру явилась красавица-церковь. На двадцатиметровой колокольне было семь колоколов разной величины, и радующий душу звон их раздавался над всей округой. Два купола были увенчаны золочёными крестами, а свод был расписан лазурью небесного цвета. На лазури той расписаны были летающие ангелы. Иконы большие и малые были в багетных рамах с

сияющими окладами. Иконостас украшала огромная икона девы Марии с младенцем на руках и самого Христа, идущего к народу с распростёртыми руками. Подсвечники, лампы, распятия и небольшие иконы изготовлены были из серебра и бронзы – приход был богат. Настолько богат, что причащались верующие из большой золотой чаши. Церковь окружала ограда, а меж кирпичными тумбами навешаны были чугунные решётки с ажурным орнаментом. Внутри той ограды привольно росли сирень и акации. Дорожка от ограды, ступени, папёрть во всю ширину церкви и пол внутри устланы были специально отлитыми чугунными плитами. Из всех окрестных деревень и хуторов сходилась православный люд на службы. Где они теперь, эти деревни и хутора? Остались одни заброшенные, поросшие бурьяном пустыри да полузабытые названия.

Скорбно оглядел иерей свою церковь, вот уж много лет сиротливо стоящую без куполов и колокольни, снесённых безбожниками в первой половине тридцатых годов прошлого века. Вспомнил, сколько довелось ему самому потрудиться тут вместе с двумя десятками ревностных прихожан за последние пятнадцать лет, с того самого момента, как получил он назначение в почти обезлюдевший приход и как постепенно прикипел он к нему сердцем, приводя осквернённую и изувеченную церковь в божеский вид. Теперь радовала она глаз сияющей белизной покраски и побелки, новым иконостасом да образами, и даже в этом высоком одноэтажном строении с плоской крышей и большим крестом, выложенным на фасаде, всеми угадывался храм. Заново заказанные небольшие колокола вывешивались во время служб на высокой перекладине. Стоя на крыльце, залюбовался отец Алексей разноцветьем осенних красок в окрестных лесах и ощутил, как недавно пережитый ужас начал понемногу отпускать его. Взгляд его упал на дорогу: в широко распахнутые ворота Игнатова дома въезжала серебристо-серая “Тойота”. Кого ещё Бог принёс, подумал отче, не родственники

ли покойного уже приехали на отпевание? Войдя в церковь, он истово помолился на образа, только потом направился к дому старосты.

Приезжие гости, похоже, уже снова собирались в путь и о чём-то расспрашивали хозяев. В невысоком дородном мужчине с длинной окладистой бородой, в чёрном кафтане и с серебряным крестом на груди отец Алексей сразу же узнал протоиерея отца Фёдора Гилёва, благочинного староверческой епархии и известного во всём крае человека. Рядом с ним стоял высокий статный старовер в тёмной подпоясанной расшитым пояском рубашке навывпуск. Не без зависти глянул отец Алексей на могучую его фигуру, широкие плечи, красиво посаженную голову с собранными в пучок тёмно-русыми волосами. Хозяйка Василиса Маркеловна, жена Игната, круглолицая, голубоглазая и расторопная в свои шестьдесят четыре года, горячо благодарила гостей за то, что, будучи проездом, согласились они заехать в село, и благочинный исповедал её, Василису, уже несколько недель не отходящую от постели тяжело больной свекрови.

– Доброго здоровья! – учтиво поприветствовали староверы отца Алексея, сразу же признав в нём никонианинского попа.

– Доброго здоровья! – тихо ответил он, опускаясь на кухонную скамейку.

Игнат предложил гостям потрапезничать в его доме. Староверы переглянулись и хотели, было, вежливо отказаться, но тут Василиса низким поясным поклоном присоединилась к просьбе мужа. Тогда отец Фёдор решил не обижать отказом добрую хозяйку, дочь покойного священника-старообрядца, пострадавшего за древлеправославную веру и отсидевшего несколько лет в лагерях. Пока обрадованная Василиса быстро собирала угощение, благочинный познакомил иерея со своим зятем, отцом Павлом, недавно рукоположенным митрополитом в сан священника. Хозяйка между тем выставила на стол запеченную в духовке курицу, – благо, что день выдался

скромным, – картофельное пюре с маслом, разного рода салаты, нарезки, домашнюю аджику, соленья да варенья, положила дорогим гостям чистые полотенца для вытирания бороды и рук. Напряжённо внимал росохинский иерей словам староверческой молитвы и с каким-то тайным трепетом глядел на двуперстия, коими размашисто крестились гости. Потом, словно устыдившись собственных душевных колебаний, за едой негромко начал разговор:

– Вот вам, отцы, живой пример будущего единения: жена – староверка, а муж состоит в Русской Православной церкви, староста моего прихода, много лет живут они в любви да согласии, имеют четырёх взрослых детей, есть и внуки и пятеро внуков. Вам, полагаю, хорошо ведомо, что Поместный Собор 1971-го года снял клятвы со старых обрядов, признал их “яко не бывшими”, а старые обряды – равночестными и равноспасательными новым.

– Для единения необходимо покаяние, а где оно? – живо откликнулся на столь болезненную тему протоиерей. – Были заживо замучены и погублены тысячи ревнителей древнего благочестия. Есть бесспорные документы о том, как многие духовные лица официальной Церкви были причастны к этим злодеяниям. До этого казни на Руси были редки и осуществлялись только над отъявленными еретиками. Казни за двуперстие, за сохранение старых обрядов, за неподчинение Никону и царю Алексею – такого на Руси не бывало никогда. Один из старообрядческих историков так писал об этом, я запомнил текст почти дословно: “Кровь полилась рекой. пытки, казни следовали непрерывным рядом... Повсюду горели костры, сжигали людей сотнями и тысячами, резали языки, рубили головы, ломали рёбра, четвертовали. Тюремны и подземелья были переполнены. Не щадили никого, даже детей. Всё, что только могло изобрести человеческое зверство для устрашения, паники и террора, – всё было пущено в ход”. А вспомните, сколь свирепы были гонения в годы

правления царевны Софьи и Анны Иоанновны, Николая Первого, уж не говоря об антихристе в облике человеческом – Петре Первом. Лишь во времена царствования Екатерины Второй да Павла стали пересматривать отношение к древнерусскому богослужебному укладу как к еретическому. Да, Синод РПЦ в 1929-м году упразднил ужасные клятвы на старые обряды, а Собор 1971-го года решение это утвердил, и вот теперь говорят старообрядцам: давайте брататься, присоединяйтесь, чего вам ещё не хватает? А не хватает покаяния. Пролились потоки крови тех, кто был против злополучной никоно-алексеевской реформы, отравившей латинским влиянием наш церковный организм. Противников реформы, тех, кто отстаивал родное благочестие, что пришло к нам, как выяснилось позже, из Святой земли через Болгарию, стали называть раскольниками, еретиками, преступниками. Им отрубали пальцы за двуперстное крестное знамение, вырывали ноздри, четвертовали, сжигали заживо, а теперь говорят: не будем, мол, копаться в прошлом, давайте дружить.

Тут отец Алексей снова вспомнил страшный свой сон и не нашёлся, что ответить. Короткое молчание нарушил Игнат:

– Скоро привезут покойного, пойду в церковь, приготовлю чего надо.

– Кого будешь отпевать, отче? – спросил отец Фёдор.

– Жил тут у нас за речкой один мужчина в добротном собственном доме с большой усадьбой. Работал в городе, в какой-то фирме по продаже тибетских чаёв да всяких медицинских их препаратов. С женой давным-давно развёлся, сожительствовал поочерёдно с молодыми женщинами, а всем сельчанам предлагал покупать у него эти чаи и препараты: действуют де эффективно в три этапа – сперва идёт очищение, потом – восстановление организма. А уж после – полноценная жизнь, здоровье и богатство. Вот и прозвали его наши бабы “живчиком”, а ещё – “лохотроном”. В свои шестьдесят восемь лет молодился он, хорохорился, как мог:

красил в тёмный цвет седые волосы, старался выглядеть этак на сорок, а то и меньше, хотя последняя его “половина” по возрасту годилась ему во внуки. На работе себя не жалел: вставал в пять утра, а домой возвращался в семь вечера – всё хотелось ему получить от фирмы солидную прибавку к пенсии. Дней десять тому назад по дороге в город случился с ним инсульт, сняли его с автобуса, пролежал он все эти дни в коме да и умер совсем не подготовленный к смерти. Вот и “восстановился”! Сын и дочь решили похоронить его здесь, в Россохах, а усадьбу продать. Любовницу оттуда уже выдворили, остался один сторож.

– А ходил ли покойный к тебе в церковь?

– Захаживал реденько, но почитал себя православным христианином. Пожертвования на храм давал, не скупился. Бывал и на исповедях.

– И ты отпускал ему грех прелюбодеяния?

Отец Алексей низко опустил голову.

– Смерть грешникам люта! – молвил благочинный. Староверы, потрапезничав, разом поднялись из-за стола на молитву за милующих и питающих, вновь размашисто крестясь двуперстием. Отец Алексей вышел во двор проводить их в неблизкий, как он узнал, путь – в один из крупных городов на юге края, где с превеликим трудом решался опрос о строительстве новой старообрядческой церкви, – и с какою-то внутренней робостью шепнул отцу Фёдору:

– Поговорить бы с тобой надо, отче.

– Приезжай в наш кафедральный храм, поговорим.

Машина выехала за ворота.

– Ангела-хранителя вам в дорогу! – крикнула выбежавшая из дома Василиса. Иерей направился, было, к церкви, но хозяйка, обычно спокойная и кроткая женщина, вдруг остановила его, охваченная непонятным душевным волнением:

– погоди минут пять, батюшка. Прости, Христа ради, но о каком будущем единении ты говоришь? Даже при Советской власти

гонениям подвергались прежде всего староверы. Иль забыл, какие испытания довелось пережить нам? Отец мой, священноиерей Маркел Дементьевич Байдин, служил в церкви в деревне Пурга Очерского района, матушка Маремьяна пела с клирошанами, а жили они в бедном домишке, где на окнах не было даже занавесок, не было постельного белья, была одна железная кровать, на досках которой лежал войлок – так жил священник-старовер в тридцатые годы. Сперва арестовали нашего дедушку, отца Дементия, потом – его сына Савватия, а после красноармейцы в будёновках пришли за отцом. У каждого в руках винтовка с примкнутыми штыками: как же – шли в дом опаснейшего классового врага. Спустились военные в подполье, всё там штыками истыкали да ничего не нашли – ничего у нас не было. Приказали красноармейцы отцу Маркелу собираться, матушка Маремьяна, беременная, прислонившись к стенке печки, плакала навзрыд. Не пошло и месяца после ареста, как в октябре родился второй мой брат Петр. Матушка пыталась найти хоть какую-то временную работу, но ничего не получалось. Приехала она с тремя детьми в Шамары, там, чем могли, помогали нашей семье местные староверы, а весной тысяча девятьсот сорок четвёртого года вернулся из заключения отец Маркел. Вернулся совершенно больным: в тюрьме перенёс он две операции на желудке да заболел туберкулёзом лёгких. Но сразу же устроился в лесхоз на заготовку лечебной коры для госпиталей, а ночью тайно справлял требы. А как любил он своих детей! Каждого из них после бани садил на колени и расчёсывал волосёнки. Каждому приносил из леса какой-нибудь да гостинчик! Там, в Шамарах, и родилась я в сорок пятом году. После отец Маркел по настойчивым просьбам верующих прослужил два года настоятелем храма в деревне Агеевка, а в мае сорок восьмого еле-еле доехал до Шамар, где месяц спустя скончался. Матушка Маремьяна после смерти мужа пенсию не получала, ходила по домам да ночью тайком молилась у людей в горницах с

опущенными шторами. Молилась истово, читала каноны, этим и жила. Бывало и мне, студентке, посылала в конверте то трёшку, то пять рублей, и было мне это большим подспорьем. А я, грешная, была в школе пионеркой и комсомолкой, иначе не видать бы мне дороги в институт. Слава Богу, что в партию не вступила, хоть и звали меня туда. Закончила сельхозинститут в Свердловске. Работала агрономом в деревне Чикаши, там и познакомилась с Игнатом, отец его был председателем колхоза. Вскоре мы поженились, пошли у нас дети, вот и порешили мы перебраться в Россохи, где был раньше крепкий совхоз, а теперь его напрочь развалили, осталось одно липовое “ООО”. Муж к староверам всегда относился с пониманием, конфликтов на почве веры у нас не было, только каждый из нас молится в своей церкви: я езжу в город, в свой храм, он помогает тебе здесь. И все же таких семей, как наша, – раз-два и обчёлся, а я денно и ночью молю Бога, чтоб привёл он всех моих чад и домочадцев к старой вере, иначе не спастись им в вечной жизни.

И снова отец Алексей не нашёл, что ответить, а перед глазами замаячили жуткие видения из ночного его кошмара.

2

“Тойота” между тем стремительно мчалась по ровно заасфальтированной трассе. Дорога то уходила под гору, то взмывала вверх, на холмы. Справа показалась большая река, свинцово-серые воды её тускло переливались в лучах неяркого осеннего солнца. Молча любовался отец Фёдор красотой Божьего мира, погружённый в невесёлые свои думы.

– Что скажешь, батюшка? – спросил благочинного сидевший за рулём его зять. – Каким показался тебе сей никонианский поп?

За несколько лет совместной службы и родственных уз хорошо было ведомо бывшему диакону, а ныне – отцу Павлу, как умел многоопытный его тесть с первого взгляда распознать сущность любого человека.

– Понравился он мне. Пока не знаю, чем, но понравился. – Перед мысленным взором благочинного возникла невысокая худощавая фигура росохинского иерея; русая, седеющая его бородка, залысина над высоким лбом и на затылке, спадающие до плеч полуседые волосы, правильные, но мелковатые черты исконно русского лица с глубокими морщинами на лбу и щеках, добрые светло-голубые глаза, таящие в себе какую-то невысказанную душевную муку. – Чистый человек, искренний. Знать, есть промысел Божий в нынешней нашей встрече.

Благочинный снова глянул в окно: осенний лес во всём великолепии ярких красок мелькал по обеим сторонам дороги. Под порывами ветра слетали с деревьев золотисто-жёлтые и багрово красные листья, ковром устилая землю.

3

Тяжёлыми выдались переговоры с местными властями, упорно не желавшими выделить участок земли под строительство новой церкви. Поздно вечером, после долгой молитвы, открыл отец Фёдор настольную свою книгу “Житие протопопа Аввакума”, вспомнил ставшие пророческими слова: “Мы же задумались, сошедшиеся между собою; видим, яко зима хочет быти; сердце озябло и ноги задрожали”, заново осмысляя то, как повторялись после трагедии Раскола печальные события русской истории в каждое новое столетие. Мысленно виделся ему огнепальный исполин-протопоп то в железной клетке в Боровске, то в Сибири, в Даурии, а то в благоухающем райском саду, где горячо молился он за всех староверов и праведников. “На чью долю выпало больше испытаний? – словно внушал он благочинному, и отец Фёдор, укрепляя дух, принялся читать почти наизусть знакомый текст:

“Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под ребяты и под рухлишко дали две клячи, а сам и протопопица брели пеши, убивающееся о лёд. Страна варварская, иноземцы не мирные;

отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми идти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится – скользко гораздо! В иную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: “матушка-государыня, прости!” А протопопица кричит: “что ты, батенько, меня задавил?” Я пришел – на меня, бедная, пеняет, говоря: “долго ли мука сея, протопоп, будет?” И я говорю: “Марковна, до самых до смерти!” Она же, вздохнув, отвечала: “добро, Петрович, ино еще побредем”.

– Что с Софьей? Почему долго не звонит? – вдруг горько подумалось протоиерею, и в этот же миг переливчато зазвонил-затренькал мобильник в глубоком кармане его подрясника.

– Доброго здоровья, батюшка! – раздался в трубке знакомый голос, но то был не голос младшей, любимой его дочери, а всего лишь её друга и поклонника Георгия. – Что с Софьей? Где она сейчас? Почему до сих пор не приехала?

– Всему своё время, Георгий. Вернётся к нам наша Софьюшка.

– Где мне искать её, отче? Я готов выехать хоть сейчас.

– Не надо искать. Объявится сама и вернётся. Прости, Христа ради, не спрашивай больше ни о чём. Время позднее.

4

В позднее это время, глубоко задумавшись, в богато убранной своей келье сидел патриарх Московский и Всея Руси. Перебирая лежащие на инкрустированном столике бумаги, нашёл он свою речь через год после его избрания и пробежал глазами самое её начало: “Я чувствую руку Божию, поддержку народа верующего”, подумав при этом, что победа над староверами, присоединение их к Русской Православной Церкви будет огромной его заслугой перед презируемой им кремлёвской верхушкой. Недаром, подумал он, образно прозвали её в народе “кремлядь”. Алексей Второй, накатанным путём бежали его

мысли, этот одряхлевший Ридигер перед смертью присоединил-таки зарубежную церковь к московской патриархии, а он, новый патриарх, войдёт во все анналы отечественной и мировой истории ещё большим подвигом. Может, удастся тайно сговориться со староверческим митрополитом? Тогда задача намного облегчится... Но навряд ли он пойдёт на это: упорству староверов в защите подлинного православия нет равных. Как тут быть? Надо продолжать говорить людям, что самое страшное – утрата современным миром понятия греха – началось вскоре после революции, что Россия – страна исконно православная, что кризисный год был нелёгким и для церкви, и для страны, что православными называют себя семьдесят-восемьдесят процентов населения, но на деле это далеко не так, и при этом помнить о главном – воцерковлении большинства россиян и подчинении себе староверов.

5

Поздно вечером отец Алексей словно провалился в тяжёлый сон, и, едва он заснул, как покойный Александр Петухов с почти безволосым черепом, заострившимся кончиком носа и подбородком, маленькими сверкающими глазками в глубоко запавших чёрных глазницах, присев на край его постели, спросил: “А рассказывал ли я тебе, отче, как в первой половине тридцатых годов пришла в собственность Россохинского колхоза “Страна Советов” машина-полуторка? Первая из машин, которых мы раньше никогда не видали. Для нас, ребяташек, это было чудо, и мы целыми днями бегали за ней гурьбой. Иной раз забавы ради шофёр сажал нас в кузов прокатиться – тогда восторгу нашему не было предела! Однажды в летний день, тёплый и солнечный, мы, дети, развлекались в лесу: играли в прятки, палочки-чуралочки, лакомились земляникой. Погода стояла сухая, без дождей. Вдруг видим – идёт машина. Сразу же всё наше внимание – на неё! Заехав в лес, свернула машина по лесной дороге вверх,

как раз туда, где мы играли. Остановилась на поляне, в нескольких метрах от нас, и тут началась выгрузка. Чего бы ты думал, отче?

Полный кузов икон, книг, церковной утвари, мебели, исковерканной при грабеже Россохинского храма. Выгрузив всё это в кучу машина ушла, шофёр даже не оглянулся на наши крики и просьбы прокатиться. Серьёзная работа была в тот день у взрослых – знать, дьяволы и бесы справляли свой бал. Часа за три привезено было всё церковное имущество, вплоть до облицовки стен – всё, что можно было ободрать и спалить. Помню, как хотелось нам, мальчишкам, взять для игры хотя бы несколько багетных реек или золоченой фольги. Какие они были красивые! Но ... суровые дяди не разрешили, хоть были нашими деревенскими мужичками. А верховодил всей операцией уполномоченный из района – в гимнастёрке военного образца под ремень. Под его командой всё вывезенное было свалено в три кучи и подожжено. Три огромных кострища взвились вверх. В ту пору не ведал я, отче, что горело то, чему нет цены – горели труд и народные денежки, горели святыни наши... То, что не горело – бронзовые иконы да распятия, считавшиеся в народе талисманами счастья, – разбрасывалось по лесу.

Помню, как в конце того лучезарного дня, когда ещё тлели на кострищах остатки икон и книг, солнце закрылось тёмной тучей, а на землю опустилась такая тишина, что всё вокруг смолкло и поникло. Разразился страшный грозовой ливень, и после первых же раскатов грома мы, испуганные несмышлёныши, всей детской компанией убежали домой. Где теперь этот разбойник-атеист? Где те, что были пособниками его в страшном деле?”.

Это и предстояло увидеть отцу Алексию. Души уполномоченного и добровольных его помощников, жутко стenea и корчась, горели в адском пламени, вспыхнувшем от бывших церковных книг и икон. Поодаль в клубах ядовитого дыма коптились души курильщиков. Тут же, в кипящей смоле и смраде,

угадывались души бывших наркоманов да пьяниц. Особым мукам подвергались безбожники всех мастей. Бесенята продолжали свою нескончаемую игру: “А этому что? – орали они. – При жизни звался он Пётр Первый. Люто преследовал он староверов и всех, кто противился его воле. Население России сократилось при нём на одну треть. Свою законную жену Евдокию приказал он отвезти в Суздальский Покровский монастырь и там насильственно подстричь её в монахини. Сам же сожительствовал с немкой Анной Монс, тайно изменявшей ему, а после короновал свою новую супругу, Марту Скавронскую – бывшую наложницу Меншикова, как императрицу Екатерину Первую. Участвовал в дознании и пытках своего сына Алексея, а русский народ приучил к питию и табакокурению. На попойках угощал своих гостей кушаньями из волчьего, лисьего, кошачьего да мышинового мяса”. “Всешутейший собор и всепьянейшую литургию!” – изрёк кровавоглазый демон, и исчадья ада тут же принялись лить душе Петра Первого расплавленную магму в глотку и забивать свечи в гузно.

– Свят, Свят, Свят! – в содрогании и с болью сердечной проснулся иерей и решил, не медля, съездить в город к благочинному отцу Фёдору.

II Софья

Из глубин великолепной памяти Георгия, бережно хранящей в себе множество событий и всякого рода дат, из самых потаённых и сокровенных её глубин всплыла первая встреча с Софьей. Было это года три тому назад. Погожим летним днём он, молодой корреспондент краевой газеты и студент-заочник истфака, только что сдал свой последний экзамен за летнюю сессию и перешёл на выпускной курс. В приподнятом настроении, не спеша, шёл он через оживлённый университетский городок, расслабив тугой узел галстука под горлом и перебросив пиджак через плечо.

Увидев пустую скамейку, сел на неё, извлёк из кармана начатую пачку сигарет и с наслаждением закурил. Рядом, на соседней скамье, сидели две девушки, и одна из них что-то оживлённо рассказывала другой. Георгий невольно прислушался к звучному, мелодичному, невыразимо приятному голосу:

– Как я готовлюсь к экзаменам? С Божьей помощью да на практике. Вот тебе живой пример: заболела у нас в минувшем учебном году опытная учительница-стажистка, вести литературу в десятом классе было некому – поручили мне поработать там неделку. Волновалась я страшно – как-никак ещё только студентка-заочница. Долго думала, что выбрать, какое произведение? И решила взять роман “Обрыв” Ивана Александровича Гончарова. А как донести сложнейшее его содержание до современных деток, отвыкших читать классику? Думала я, думала, и тут Господь подсказал, возьми де три художественно воссозданные описания Малиновки, они-то и помогут деткам усвоить основную идею романа. Помнишь, первое из них дано в восприятии художника-любителя Бориса Райского. Перед восторженным его взором распахнулся настоящий Эдем: дом, весь окруженный живописными видами на Волгу, на широкие поля и синеющие вдали горы, сад с темными аллеями, беседкой и скамьями, цветник, как гирлянда, обвивающий дом со стороны сада, двор, полный всякой домашней птицы и живности. Рассказала я десятиклассникам, как тесно связана в романе тема рая с образом бабушки Татьяны Марковны Бережковой, живущей по законам старых христианских истин. Во всех бедах и неудачах, по её мысли, человек должен винить прежде всего себя: тех, кто раскаивается искренне в своих грехах, – Бог простит. В системе образов романа Бабушка – проповедница послушания, она убежденно считает, что молодые до поры, до времени не должны выходить из-под власти старших. – Здорово сказано – послушание! Нынешняя молодёжь даже слова такого не знает! – бросила реплику вторая девушка.

– Посмотрите, ребята, говорила я им, каким чудесным цветком ее сада является Марфенька. Она мечтает стать такой же, как Бабушка, поэтому ей не скучно в маленькой Малиновке и душа ее всегда стремится навстречу людям, чтобы помочь, утешить, приласкать. А после обратила я их внимание на то, что тема рая в романе дана в контрасте с темой обрыва, падения, ада –своего рода вертикаль ценностей и смыслов жизни. Бабушкин сад заканчивается круто спускающимся к Волге обрывом, который так страшит Марфеньку и других жителей Малиновки. Не случайно именно с обрывом связана тема страшного преступления: когда-то внизу его ревнивый муж зарезал свою жену и ее любовника и зарезался сам. Обрыв становится местом захоронения самоубийцы и местом создания легенды о встающем из могилы мертвеце, что поднимается на его край и внимательно вглядывается во тьму. На дне обрыва находится старая, замшелая беседка с провалившимися половицами и покосившимся столом, в которой, как в последнем круге ада жертвой искусителя Марка Волохова становится молодая прекрасная Вера. Летняя Малиновка – архетип Эдема, а обрыв – архетип ада, не случайно они изображены в постоянном контрасте солнечного света и тьмы.

– Ну, Соня, тебе хоть сейчас диплом выдавать можно! А я так и не прочла “Обрыв”, поленилась в своё время.

– У тебя ещё всё впереди. Классика бессмертна, вечна во все времена, а наша русская классика для нынешней молодёжи – как путеводная звезда в сумерках. Слушай дальше. Предложила я старшеклассникам сопоставить новые идеи: те, которые носились в общественном воздухе 1860-х годов и те, что представлены временем нынешним. Многие молодые люди в период создания романа понимали, что жизнь движется и жить по-старому уже нельзя. Но не осознавали они другого: вечных истин никто отменить не может, иначе человек, личность, да и всё человечество погибнут духовно. А носителями новых взглядов в

системе образов романа являются Борис Райский и Марк Волохов. Райский – художник-дилетант, страстный проповедник свободного следования страстям, идеолог свободы, которую он понимает как своеволие, поэтому он превозносит страсть над религией. Марк Волохов – практик, питающийся чужими идеями. Для него любовь – простое физическое влечение, поэтому он становится мировоззренчески близок нигилисту Базарову и “новым людям” Чернышевского. Марк не признает никаких авторитетов на земле: он вырывает страницы из старинных книг на курево, будучи ссыльным, ведёт паразитический образ жизни, входит в дома через окно, а не через дверь; пишет Райскому письмо от имени Веры с просьбой прислать ему одежду и деньги, в своем нигилизме отрицает и самого Бога. Он искренне не понимает, для чего нужно вступать в законный брак, и на слова Веры о супружеском долге и верности возражает, что страсть со временем пройдет и супруги обрекут себя на скучное, серое существование до конца дней. По его логике молодым людям лучше всецело отдаться физической страсти, а затем разойтись. Человеческое существование он принижает до животного уровня – так и сейчас мыслят большинство атеистов. Недаром Волохов постоянно сравнивается со зверем: он поднял Веру на грудь себе и опять, как зверь, помчался в беседку, унося добычу. Символично, что при первой встрече с Верой, он действует как змий-соблазнитель, предлагая ей краденое яблоко из райского бабушкиного сада.

Теперь уже и Георгий, позабыв обо всём – об экзаменах, учебе, работе, о соблазнительной брюнетке Эльвире, с которой постоянно встречался он, называя себя на американский манер её бой-френдом – жадно внимал каждому слову незнакомой девушки.

– Второе описание Малиновки, – продолжила она, – связано с пророческим сном Бабушки после “трехопадения” Веры, когда, озираясь на деревню, видела в своём страшном сне Бабушка не цветущий, благоустроенный порядок домов, а лишенный надзора

и попечения ряд полусгнивших изб – притон пьяниц, нищих, бродяг и воров. Поля лежали пустые, не возделанные, поросшие полынью, лопухом да крапивой. Сад, цветник, огороды смешались в одну сплошную кучу, спутались и поросли сорняком, почти наизусть цитировала Софья. Гончаров пророчески предсказал картину духовного распада и хозяйственного разорения, что неминуемо ждала Россию на путях атеистического соблазна.

– Непременно почитаю роман, хотя бы по диагонали! Один к одному с нашим временем! – отозвалась подруга.

– На последних уроках постаралась я поговорить с детками о православной проблеме грехопадения и искупления греха. Если бы “грехопадение” Веры было, действительно, необратимым, то не захотела бы она сразу после роковой сцены признаться в этом Райскому или Бабушке и уж, тем более, не стала бы терзать себя признанием Ивану Ивановичу. Всею душой поняла Вера, что нужно пройти эти крестные муки, и опять здесь на помощь пришла ей Бабушка, Татьяна Марковна, вспомнившая свой старый грех, свою тайную связь, в которой вовремя не покаялась, и вот за грехи её поплатилась внучка. Осознал свои ошибки и Райский: из безнадежно влюбленного превратился он в верного друга Вере. А соседский помещик Тушин, по мысли автора, настоящий хозяин на земле, предложил Вере руку и сердце, искренне желая впредь оградить её от всех невзгод и сделать счастливейшей из женщин. Символично третье описание Малиновки: после случившейся катастрофы, вновь благодатная тишина повисла над имением, но это уже новая тишина – в ней отсутствует веселая беззаботность и беспечность, былая патриархальность. На души обитателей Малиновки, как и на природу ее, легли осенняя зрелость и грусть. В Малиновке, говорила я десятиклассникам, как в капле воды, отражена вся Россия, призванная после всех пережитых гроз вступить в иной, зрелый возраст. Название романа, как объяснила я деткам,

многозначно: обрыв – не только крутой спуск к Волге, но и состояние человеческой души, утратившей веру в Бога, и пагубный путь к пропасти духовной. Не знаю, поняли ли они меня, но уроки им понравились, кое-кто даже захотел почитать роман. Дай-то Бог! Так вот, урывками, и готовлюсь я к экзаменам, работая в школе.

Тут Георгий, быстро встав со скамьи, подошёл к девушкам и театрально раскланялся. В сжатых его пальцах всё ещё дымился окурок сигареты. При виде его подруги тоже вскочили с места, и пред восхищённым взором журналиста предстала молодая красавица. Роста она была чуть выше среднего, стройная, гибкая её фигура угадывалась под длинной изящно скроенной светло-серой юбкой и плотно прилегающей к талии голубой кофточкой с длинными рукавами и высоким воротничком. Голову девушки покрывал лёгкий полупрозрачный шарф, из-под него выбивались непослушные пряди светлых, с золотистым отливом волос. Сами же волосы заплетены были в длинную, переброшенную через плечо косу, что свисала ниже талии. На Георгия удивлённо и, как показалось ему, гневно глянули большие зелёные глаза, чуть удлинённые и приподнятые вверх, к вискам и высокому лбу. Все черты необыкновенно одухотворённого её лица были точно изваяны из мрамора резцом искуснейшего мастера.

– Bravo! – восхищённо воскликнул студент-историк, едва взглянув на ничем не примечательную подругу красавицы и обращаясь к той, что звалась Софья. – Я, сидя рядом, прослушал до конца блестящую вашу лекцию и хотел бы представиться вам.

Молча глядела девушка на дымящийся окурок, и лёгкая гримаска отвращения появилась на прелестных, алых её губах, никогда, как понял он, не знавших губной помады. Георгий, спохватившись, мигом бросил злополучный окурок в урну и стал подыскивать слова извинения, но тут чудом явившаяся ему из веков минувших девушка схватила за руку свою подругу:

– Пойдём, Аня, нам пора!

- Пойдите, куда же вы? Давайте познакомимся!
- С табачками не знакомимся!

Подруги быстро пошли прочь от него, выстукивая каблучками об асфальт – пора! пора! пора! Он ринулся, было, вдогонку, но, одумавшись, сел на оставленную ими скамью и обхватил голову руками. Минуты через три вскочил, точно подброшенный вверх какой-то неведомой силой, и помчался в деканат филфака.

- Мне срочно нужен адрес девушки-заочницы по имени Софья!
- умоляюще попросил он женщину в деканате, занятую разборкой груды бумаг на своём рабочем столе. – Очень нужен!
- Адрес Софьи? – недоумённо переспросила она, нехотя оторвавшись от бумаг и глядя на него сквозь дымчатые очки.
- Это наша отличница-староверка! – услужливо подсказала молоденькая секретарша, сидевшая тут же за компьютером.
- Адресов не даём, – сухо прозвучал ответ.

2

И всё же зацепка была дана, она-то чуть позже привела Георгия к староверческому храму на южной окраине города.

- Младшая дочь протоиерея – нашего благочинного отца Фёдора Гилёва, – охотно ответил на его вопросы стоявший возле гаража и явно скучавший от недостатка собеседников сторож. Георгий предъявил ему своё удостоверение журналиста, сказав, что он де намерен написать цикл очерков о современных староверах, особенно о тех, кто подвизается успешно на ниве образования. –
- Редкостная по нынешним временам девушка, – добавил сторож.
- Красавица, умница. А как поёт на клыросе! Точно ангел небесный. Речь молвит – заслушаешься её... Говорят, что от женихов у неё нет отбоя. Достанется же какому-то счастливцу!
- Медлить нельзя! – тут же решил про себя журналист и через пару дней, взяв командировку в редакции, он уже мчался на своей издавшей виды машине в город на западе края, где жила с

родителями Софья. По дороге рука его привычно потянулась в бардачок за сигаретой, и он засмеялся, вспомнив, как вечером того памятного дня в мелкие клочья изорвал он всю пачку, дав себе клятву раз и навсегда покончить с курением, к которому приобщили его в редакции. При воспоминании о необыкновенной девушке сердце его начинало учащённо биться в каком-то томительно радостном волнении, а в услужливой памяти вдруг всплыли строки из когда-то давным-давно прочитанной комедии Шекспира “Двенадцатая ночь”:

У вашей двери шалаш я сплёл бы,
Чтобы из него звать к возлюбленной.
Слагал бы песни о верной и отвергнутой любви
И распевал бы их в глухую полночь.
Кричал бы ваше имя, чтобы эхо
“Оливия” холмам передавало.
Вы не нашли бы на земле покоя,
Пока не сжались бы...

На звонок из просторного, основательно срубленного дома вышел невысокий пожилой мужчина с благородной осанкой и длинной, почти до пояса, чёрной окладистой бородой. Одет он был в подпоясанную расшитым поясом домашнюю клетчатую рубаху, выпущенную поверх домашних же брюк. Георгий оробел под вопросительным взглядом пытливых тёмно-голубых глаз, казалось, проникающих к нему в душу.

– Я – журналист, – наконец, смущённо вымолвил он. – Хотел бы написать по заданию редакции серию очерков о современных староверах и начать с вас, отец Фёдор.

– Кто там, батенька? – серебряным колокольчиком зазвенел знакомый голос, и на крыльцо выпорхнула Софья в длинном цветастом халатике. При виде её сердце молодого историка, казалось, обмерло от счастья. И снова на Георгия глянули её изумрудно-зелёные глаза, полные нескрываемого удивления.

– Ты знакома с ним? – требовательно спросил девушку её отец.

– Нет, батенька. Я лишь однажды мельком видела его в университетском городке. Но ему нельзя входить в наш дом – он табакур.

– Я уже бросил курить!

– Вот что, парень, – предложил отец Софьи, – пойдём в наш сад, в беседку, там и потолкуем.

Они прошли через двор в небольшой ухоженный садик со множеством цветочных клумб и уселись в уютной беседке, увитой гирляндами зелени. Малиновка, вспомнился Георгию рассказ Софьи о романе Гончарова, земной рай, Эдем. Он глубоко вздохнул, точно пловец, намеренный погрузиться в неведомую глубину.

– Говори, зачем приехал? – прямо спросил отец Фёдор.

– Хочу сделать несколько статей или даже книжечку о современных староверах, – повторил заученную фразу влюблённый журналист-историк, вынимая своё корреспондентское удостоверение. – Думаю, что читателям это будет интересно.

– Давно ли заинтересовался ты нами?

– Честно говоря, совсем недавно. Но интересуюсь крепко.

– Сам-то православный? Крещён ли обливательно или с погружением в воду?

– Я не крещён и не ношу креста. Прости, отче!

– Так что же сможешь ты, – прости, Господи, нехристь, – написать о нас? Очередную ложь, как пишут уже больше трёх столетий новообрядцы да атеисты всех мастей? Вот если бы ты перво-наперво сходил на исповедь в нашу церковь, потом начал бы посещать службы, воцерковился да покрестился, тогда смог бы сказать о нас своё слово. Коли найдёшь в себе силы пойти по благому пути, тогда, Бог даст, и поговорим!

– Спасибо за добрый совет, отче.

– Спасибо мы не приемлем. Мирским говорим “благодарю”, а своим – “спаси Христос!”. И всё-таки скажи правду, зачем

приехал?

– Я полюбил Софью и хочу жениться на ней.

– Ты слышал, как она сказала, что незнакома с тобой, а моя дочь никогда не обманывала меня, не брала греха на душу.

– Да, пока она не знает, как меня звать и кто я такой. Я видел её один-единственный раз и влюбился с первого взгляда.

– Забудь о ней. Проще вырвать из сердца маленький росточек, чем ждать, когда разрастётся он в большое дерево. Она выйдет замуж только за своего, за старовера, и только по моему благословлению.

– Я готов сделать всё, чтобы стать для вас своим. Не отвергайте меня, отче!

– Много званных, да мало избранных! Труден, тернист путь к настоящей православной вере, парень, и немногие идут им.

Благочинный встал, давая понять, что разговор окончен. Поднялся с места и Георгий, чтобы без промедления ехать обратно, однако отец Фёдор попросил его задержаться на пару минут и вскоре вышел из дома с маленькой металлической иконкой в руках:

– Коли уж приехал ты сюда к нам, подарю тебе образ Святителя Христова Николы, и пусть он всегда охраняет тебя в пути.

– Спаси Христос!

Отец Фёдор улыбнулся. В этом высоком худощавом парне, стройном, темноволосом и синеглазом сразу же угадал он человека с сильным характером и не ошибся.

3

Третья встреча с Софьей состоялась где-то месяца через три, но за короткий этот срок изменился Георгий неузнаваемо. Первым делом съездил он в кафедральный храм краевого центра, купил там несколько книг по истории Раскола, календарь с молитвами, крестик, лестовку да пачку свечей. Отец Александр, настоятель храма, подробно рассказал ему, как надлежит молиться

утром и вечером, до и после каждой трапезы, какую пищу можно вкушать в постные дни и как надлежит соблюдать посты. Вечерами, после работы, допоздна читал молодой журналист одну за другой книги о трагедии Раскола, осознавая, что и раньше, когда штудировал он труды по русской истории, то всегда внутренне чувствовал правоту старообрядцев. И вот позади остался памятный день первой его исповеди, когда чистосердечно признался он доброму батюшке, что до двадцати шести лет жил без Бога в душе, курил, порой охотно смотрел в мужских компаниях порнографические фильмы, имел любовницу, стараясь при этом подражать тем, кто добился большего в жизни, неуклонно подымаясь вверх по карьерной лестнице, и только встреча с Софьей перевернула все его представления о должном и сущем. Батюшка наложил на него строгую епитимию, – по полсотни ежедневных земных поклонов Богородице, – для Георгия стала она радостной возможностью искупления грехов. Праздником обернулся для него день крещения в староверческом храме, когда впервые в жизни на него был одет натальный мужской серебряный крестик.

Нещадно гнал Георгий верную свою машину, то и дело рискуя быть остановленным гаишниками, но в счастливый тот день вовремя сбрасывал он скорость вблизи постов, а, минуя их, мчался дальше, хотя поспел на праздник Рождества Пресвятыя Богородицы только к середине службы. В комнате для переодевания быстро облачился он в сшитый по его заказу чёрный кафтан, взял в руку лестовку и вошёл в церковь, трижды истово перекрестившись у входа. Хор клирошан слаженно пел посредине церкви, и среди них сразу же сердцем почувствовал Георгий Софью. Одетая в тёмно-зелёный атласный сарафан и белую блузку с длинными рукавами, она пела вместе со всеми клирошанами, а из под белоснежного её платка свисала вниз светло-золотистая коса толщиной в ладонь. Вот хор двинулся на свои места, и атласная ткань, точно морская волна, мягко

заструилась при движениях Софьи. Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, она на мгновение оглянулась, их взоры встретились, но девушка не узнала в высоком красивом старовере с маленькой, недавно отпущенной тёмной бородкой того молодого человека, который так бесцеремонно, с окурком в руке, хотел познакомиться с ней.

– Слава тебе, Господи! – тихо шептал Георгий, совершая вместе со всеми земные поклоны и радостно внемля богослужению, что вёл отец Фёдор.

Когда служба окончилась и вставшие в длинный ряд мужчины стали один за другим подходить к кресту, протоиерей сразу же отметил среди них незнакомца. Вот стройный, статный незнакомец вплотную приблизился к нему, только тогда узнал в нём благочинный того парня-журналиста, кто ничтоже сумняшеся хотел писать о старовегах. Свершившаяся в парне перемена была столь разительна, что не могла не быть чудом. Отец Фёдор осенил Георгия крестным знамением, а преображённый журналист-историк, поцеловав распятие и руку батюшки, шагнул навстречу той, что так внезапно и чудесно изменила всю его жизнь:

– Доброго здоровья и с праздником вас, Софья!

– Доброго здоровья! Спаси Христос! Мне кажется, я где-то видела вас раньше, но где?

– Пигмалион не узнал свою Галатею!

– Так это вы? Боже мой! Какая перемена! – она улыбнулась его шутке, и уже не гнев, не разочарование, а радость блеснула в её глазах. Сердце Георгия переполнилось нахлынувшим счастьем. Впоследствии долго вспоминал все события этого счастливого дня.

– Разрешите представиться, – поклонился он девушке. – Никитин Георгий Сергеевич, журналист и студент-заочник исторического факультета. А теперь, благодаря вам, ещё и старовег. Уже не табакур и никогда им больше не стану.

– Пути Господни неисповедимы, но я искренне рада за вас.
– Милости просим отобедать в нашем доме! – подошёл к нему отец Фёдор со своею женой, почтенной матушкой Аглаидой. – Теперь, я вижу, мы можем начать наш разговор.

Георгий, не уставая в душе благодарить Бога за всё счастье этого дня, подвёз на своей машине протоиерея с его матушкой и Софью от церкви до их дома, а чуть позже узнал, что четверо старших детей благочинного, двое дочерей и двое сыновей, уже живут своими семьями и нарожали ему внуков и внучек, а младшенькой, любимице родителей Соне, предстоит закончить университет и только тогда, с благословления отца и матери, выйти замуж по любви за достойного старовера. Пусть и у нас с ней будет четверо-пятеро ребятишек, размышлялся Георгий, таких же красивых, как и она, любясь быстрыми и ловкими движениями девушки, помогавшей матери накрывать на стол. После совместной молитвы, за трапезой, отец Фёдор разговорился:

– То, что произошло с тобой, нельзя не назвать чудом. И я хочу поведать тебе ещё о нескольких чудесах, свершившихся по воле Божьей. Родом мы оба с матушкой из Нижегородской губернии, а служить священником впервые довелось мне в Восточной Сибири. Там-то и познакомился я с уставщиком Василием Трофимовичем Вихровым тоже уроженцем нижегородской земли, человеком удивительной судьбы, трижды избежавшем расстрела и прожившего до девяносто пяти лет. Вот какую историю рассказал он мне однажды: “В 1929-м году началась коллективизация, стали закрывать церкви, и в Великий четверток, чтобы сорвать Пасхальную службу, приказано было всех головщиков, старост, священников, дьяконов арестовать и отвести в Нижний Новгород, в тюрьму. Собрали нас, сидим в Арзамасе, в тюрьме, да думаем-гадаем, за что нас арестовали. Ранним утром в пятницу, пока ещё город спал, выгнали нас конвоиры и повели в Нижний Новгород. Когда стало светать,

дошли мы до реки Серёжи, и вдруг начальник конвоя истеричным голосом закричал: “Этап, стой! Конвой – в штыки! Кто из арестованных хочет пройти в Нижний по мосту, снимайте кресты и вешайте ко мне на руку. Кто не хочет по мосту, Бог вам в помощь, идите через реку!” “Как через реку?! – думаю я. – Весна ведь, лёд уже слабенький, кое-где уже вода на лёд вышла. Река хоть и невеликая, но, если измочишься, не дойдёшь до Нижнего, замёрзнешь! Это верная смерть!”. Некоторые из нас заколебались, упали на колени, стали молить о пощаде, один дьякон подошёл к начальнику, снял свой крест и у всех на виду повесил его на руку чекиста. Тут я не выдержал, перекрестился размашисто, повернулся к реке и запел: “Волною морскою...”. Все повернулись ко мне, кто на коленях был – поднялся, и целый хор подхватил ирмос. Запели мы страстные ирмосы из канона, что поются перед Пасхой. Тут мне как Господь открыл – увидел я тропочку, натоптанную по льду: кто-то не хотел зимой по мосту ходить, вот и протоптал её. Продолжая петь, пошёл я по тропинке, тут все гуськом за мной потянулись на противоположный берег. Когда первые из нас были уже на другом берегу, а хвост – на середине реки, оглянулся я и увидел, как один из конвойных подбежал к начальнику, выхватил у него крест, надел на себя, сорвал с трусливого дьякона скуфью, взамен напялил ему шлем, сунул ему винтовку и бросился к реке – догонять ушедший этап. Начальник конвоя такого вынести уже не мог, стал ругаться, стрелять в воздух, заматерился и, потеряв всякую рассудительность, бросился прямо по реке вдогонку. Конвой – за ним. Когда добежали они до середины реки, лёд не выдержал, проломился, и все оказались в полынье. Не стали мы ждать конца развязки и разошлись, кто куда. Пришёл я в Нижний уже к Пасхальной службе, промолился всю службу, а утром рассказал обо всём отцу Иоанну. Дал он мне денег, сказав: “Уноси ноги!” Сел я в поезд и отправился в Томск, к владыке Тихону, а тот сказал, что и у них беспокойно да посоветовал перебраться в Сибирь”. Так оказался Василий

Трофимович в 1929-м году в Минусинске. Разве не напоминает это тебе времена гонений на первохристиан в Древнем Риме и такую же стойкость и веру в Бога, какая была у них?

И ещё одно чудо произошло с родным моим дядей по матери, Николаем Михайловичем Григорьевым, который с начала войны работал на Горьковском автозаводе, а с мая 1942-го года был призван в армию и обучался в разведывательно-диверсионной школе. Всю войну прошёл в составе разведывательного батальона, имел множество наград, но каждый раз перед тем, как идти в разведку, всегда молился Святителю Николу. Была у него такая маленькая иконка, он уединялся и молился на неё. Однажды политрук выследил его за молитвой, подкрался сзади, схватил эту иконку и говорит: “Что, Григорьев, попался, пошли к командиру!”. Пришли они, и думает мой дядя, что не иначе, как в штрафной батальон его отправят, не расстреляют же за иконку, хотя всякое могло быть. Зашли они в блиндаж, швыряет этот замполит иконку на стол командира и кричит: “Вот кого посылаем за линию фронта, вот этого богомола, ну какая же на него надежда!”. В этот момент, как рассказывал мне дядя, вдруг влетела в блиндаж шальная разрывная пуля да и снесла политруку полголовы. Упал он на пол, весь залитый кровью, а командир с моим дядей оторопели, стояли бледные, не шелохнувшись, пока в блиндаж не забежали солдаты. Приказал им командир тело вынести, а сам осторожно взял иконку, вытер ладонью, поцеловал и протянул моему дяде, тихо сказав при этом: “Григорьев, продолжай исполнять порученное дело”.

– Вот о чём надо писать, отчет! – воскликнул Георгий и, тут же достав из кармана маленький путевой блокнот и ручку, стал быстро делать пометки на бумаге, сетуя про себя, что не захватил диктофон. Софья, неспешно допивая чашку чая, одобритительно кивнула ему головой.

– А теперь расскажу тебе о силе девяностого псалма, который в народе известен по первым словам его: “Живыи в помощи...”.

Один из пожилых моих исповедников служил в Отечественную на военном аэродроме да постоянно читал в уме “Живыи в помощи...”. Почти ежедневно делала на аэродром налёты вражеская авиация, и во время бомбёжек все старались спрятаться, кто куда. И вот бежит будущий мой исповедник во время одной из таких бомбёжек, пытаюсь найти укрытие, и про себя девяностый псалом читает, молится. Вдруг слышит: “Беги сюда! Быстрее!”. Оборачивается – из блиндажа ему товарищи рукой машут, зовут к себе. “И тут будто сила неведомая меня в противоположную сторону толкнула, – говорил он мне впоследствии, – побежал я в сторону от блиндажа и лёг в канаву. Когда улетели враги, вылез. Смотрю, а на месте блиндажа воронка – никого в живых не осталось”. Другой мой старичок-исповедник возил в молодые годы на гужевой повозке разные грузы на передовую. Однажды пришлось ему подвезти нескольких офицеров и солдат, и, подъезжая к линии фронта, попали они под обстрел снайперов. Место было открытое – спрятаться негде. В считанные минуты все попутчики были убиты. “Один я еду, – рассказывал он мне, утирая слёзы горьких воспоминаний, – и “Живыи в помощи...” читаю”.

– Подобные истории, отче, наверняка, передавались из уст в уста во многих семьях христиан-староверов, теперь настало время записать их, сохранить для потомства, – добавил к сказанному Георгий. – Ведь мы не знаем, какие испытания готовит нам жизнь. Если молитва спасала людей от смерти, то она поможет и нам не пасть духом в тяжёлых ситуациях.

Тот памятный обед завершился общей молитвой в чистой, уютной домашней кухне, и Софья вышла за ворота проводить Георгия.

– Вы и вправду хотите написать об этом? – спросила она. – Батенька таких историй знает множество, память у него феноменальная.

– Непременно напишу, – пообещал молодой журналист. – И

позвольте мне время от времени приезжать к вам, молиться вместе с вами да подробно записывать все его рассказы.

Их взгляды встретились и молча, с какой-то тайной робостью, мелькнула в них надежда на будущее счастье – безмерное, бесконечное и безграничное...

– Ангела Хранителя вам в дорогу, – тихо прошептала Софья.

– Ангел – это ты, милая, – мысленно ответил ей Георгий, садясь в машину.

III

Скорби и испытания

Ласковым майским днём две тысячи восьмого года Софья в ожидании рейса на Москву медленно бродила по зданию аэровокзала, внимательно рассматривая всё его внутреннее убранство: летать ей не доводилось давным-давно, разве что в детские годы, когда родители её вместе с пятью детьми перебирались из Сибири на Урал. В этот-то момент и увидел её Вадим Соболев, единственный сын одного из самых высокопоставленных столичных чиновников, прилетавший в провинцию вместе со своей кузиной Светланой поразвлечься с местной золотой молодёжью, прокатиться на элитном прогулочном пароходе по Каме да пострелять в заповедных охотничьих угодьях одного из министров.

– Глянь, Светка, – крепко сжал он руку двоюродной сестры, – какая необычная красotka пасётся тут. Подойди к ней и узнай, кто такая, что здесь делает.

– Что я, нанялась тебе в услужение? Зачем тебе она? Да и одета как-то не по-современному: длинная юбка, кофта, платок на голове. Сдаётся мне, что она верующая, православная.

Вадим, не любивший долгих разговоров, молча достал из внутреннего кармана бумажник, искусно сделанный из лучших сортов импортной кожи, и протянул кузине несколько купюр. Та без всяких возражений схватила их и спрятала в своей сумочке.

Полупрезрительно усмехнувшись знакомой ему с детства Светкиной жадности, он коротко отдал команду:

– Действуй! Но только успешно.

Хитроватая Светка прицельно оглянулась вокруг и в одном из киосков, торгующих бижутерией, увидела полупрозрачные женские шарфы, мигом купила один из них, сбегала в туалет, смыла вызывающе яркую помаду с губ и румяна со щёк, повязала на голову шарф и постаралась придать более строгий вид своему элегантному костюму. Только тогда приблизилась она к красивой незнакомке и нарочито вежливо спросила её:

– Прошу прощения, я вижу – вы встречаете кого-то из родных? Нельзя ли сделать несколько снимков вашей встречи? Я сотрудничаю с одним из московских журналов, ваша фотография украсила бы номер.

Не без любопытства посмотрела Софья на худощавую модно одетую девицу, действительно, чем-то напоминающую модель на обложках выставленных во всех киосках журналов, но шарф на голове и нарочито скромный вид девицы побудили её вежливо ответить:

– Нет, я ближайшим самолётом вылетаю в Москву.

– Какое удачное совпадение! И мы с двоюродным братом вылетаем этим же рейсом. За нами придёт машина в аэропорт, мы может подвезти вас.

– Вы православная?

– Да, конечно, – изворачивалась, как могла, Светка. – И звать меня так же, как жену нашего будущего президента – Светлана. А на службы я хожу в Храм Христа Спасителя.

– Как стало вам известно имя жены будущего президента?

– Мы, журналисты, всё знаем.

– Но навряд ли знаете вы место, куда я еду, – улыбнулась Софья. – Это Рогожский посёлок, историческая резиденция старообрядцев. Я – староверка, а звать меня Софья.

– И как долго собираетесь вы пробывать в столице?

– Недолго. Я еду на консультации с лучшими специалистами по знаменному пению, хочу наладить в нашем приходе работу воскресной школы, тут-то и пригодится мне уникальный опыт москвичей.

– Как интересно! Расскажите подробнее! – наигранно восклицала Светка, не давая угаснуть начавшемуся разговору.

– Приходилось ли Вам хоть раз в жизни слышать знаменное пение? Или задуматься над тем, с чем связан упадок нынешней певческой культуры? Современная шоу-индустрия предлагает огромный выбор исполнителей на любой вкус, но вкус этот формируется в зависимости от рынка. Вы, как журналист, прекрасно знаете, что аудиотехника сегодня доступна практически каждому, результаты же её внедрения в России плачевны. Вы, наверняка, видели, как огромная часть молодых людей шествует по улицам с “бананами” в ушах, а первое их движение по приходе домой – нажать кнопку телевизора или музыкального центра. Новейшие технические средства совершенно отучили людей петь, – с горечью проговорила Софья.

– У нас возникло общество потребления с пассивным восприятием готовых стандартов. К тому же каждый человек живёт в своей маленькой ячейке, где нет места песне. Наши предки считали занятия церковным пением важными и обязательными. Умение петь по крюкам было одним из признаков элементарной грамотности, в старообрядческих школах оно преподавалось наряду с навыками чтения и письма. Я убеждённо полагаю, что сегодня нам надо быть наследниками духовности и культуры Святой Руси. Музыка призвана сопровождать досуг, расслаблять, услаждать слух и развлекать разум, а у церковного пения совершенно иная задача: оторвать ум от земли и возвести к небесному, сосредоточить его. Иными словами – не позволить душе быть ленивой. Поэтому богослужбное пение музыкой не называли.

– Здорово сказано! Позвольте пригласить вас с исполнением

духовных песнопений в одну из лучших музыкальных школ столицы. А я сделаю об этом фоторепортаж.

Софья отрицательно покачала головой:

– Вообще-то я – учитель русского языка и литературы, мне самой ещё предстоит учиться искусству пения, так что простите ради Бога.

Диктор объявила посадку на самолёт. Подойдя к Вадиму, Светка прошептала ему на ухо несколько слов, и тот стал одним из первых в очереди, а при входе в салон отдал краткое распоряжение стюардессе – так, что его место оказалось рядом с местом Софьи. Вадим заметил, как при наборе высоты девушка перекрестилась двуперстием и тихо прошептала: “Господи, благослови!”. Необыкновенный аромат чистоты, исходивший от неё, казался ему лучше запахов самых изысканных французских духов.

– Вадим Соболев, – представился молодой бонвиван провинциальной красавице. – Консультант в одном из министерств. Прошу вас, выслушайте меня внимательно и поверьте мне. Вы любите путешествовать? Я могу предложить вам тур в любой уголок земного шара, вы увидите Италию и Испанию, Англию и Францию, Багамские острова. А, может, вы предпочитаете отдых на Эгейском море, красоту которого, как говорят все, побывавшие там, трудно передать словами? Все расходы я беру на себя, всюду вам будет предоставлен одноместный номер в лучшем пятизвёздочном отеле.

– Это с какой же стати? – холодно ответила Софья. – Вы, что, всем предлагаете подобные туры?

– Не всем, а только вам. Вы – необыкновенная девушка.

Девушка сделала попытку отстегнуть ремень и встать с сидения, но Вадим твёрдо удержал её:

– Нельзя. Мы ещё не набрали высоту. Подумайте над моим предложением. Я не шучу.

Так же, должно быть, подумала Софья, искушал дьявол

Исуса, вознеся его на высокую гору и открывая передним все царства мира, со словами: “Если поклонись мне – всё твоё!” И отвечал ему Иус: “Отойди от меня, Сатана, ибо написано: “Господу Богу поклоняйся и ему одному служи”. Тут дочь протоиерея вспомнила о том, что осенью предстоит сыграть её свадьбу с Георгием, перед мысленным её взором пробежали все события минувшего года: частые приезды её любимого в небольшой их город, его долгие беседы, а подчас и жаркие споры с его отцом, её знакомство с овдовевшей матерью Георгия, сразу же проникшейся симпатией к будущей своей невестке, дипломы с отличием, которые получили они оба, успешно закончив филологический и исторический факультеты университета. Обоих ждала любимая работа, семейное счастье да укрепление своих приходов. Неприязненно глянула она на сидевшего рядом с ней крепкого самоуверенного парня и отвернулась к окну.

Незадолго до захода на посадку самолёт вдруг стал резко проваливаться в воздушные ямы, непривыкшая к полётам Софья побледнела и ощутила головокружение и слабость. Вадим только того и ждал: незаметно высыпав в чашечку с минеральной водой сильную дозу импортного психотропного порошка, вызывающего глубокий сон, он предложил девушке выпить её. Вода показалась Софье непривычной на вкус, но принесла некоторое облегчение. Посадка прошла успешно, но ослабевшая Софья не смогла подняться с кресла, будучи в состоянии глубокого сна-обморока. – Помогите, моей девушке стало плохо! – обратился Вадим к двум выходящим из самолёта рослым мужчинам, подкрепляя свою просьбу денежными купюрами. Те, взяв девушку на руки, отнесли её к роскошной машине, стоявшей их перед зданием аэропорта, и помогли Вадиму положить её на заднее сидение. Вадим протянул Светке ещё несколько купюр:

– Доберёшься к себе на такси.

– Зачем она тебе, Вадька? Чего ты опять затеваешь? Одумайся, пока не поздно – могут быть неприятности.

– У меня – не могут! Увидишь, она мне ещё спасибо скажет за ту жизнь, которую я ей предложу.

– Домой! – коротко приказал он водителю, отдавая распоряжения по мобильному телефону.

Водитель, давно привыкший ничему не удивляться и хорошо знавший крутой нрав своего молодого хозяина, молча привёз его вместе со спящей девушкой к одному из самых элитных домов Москвы, а чуть позже, взяв Софью на руки, донёс её до квартиры. Уложив спящую красавицу на кровать, Вадим удовлетворённо окинул взглядом своё жильё: прислуга постаралась – к его приезду оно оказалось свежееубранным и сверкало всем великолепием обстановки. Бутылки с марочным французским шампанским и лучшими сортами вин возвышались в гостинной на столе, уставленном всевозможной снедью, на кухне из духовки доносились необыкновенно вкусные ароматы недавно приготовленных блюд. Большая ванная комната с ванной джакузи, казалось, сияла белизной, приглашая в свои объятья, в стальных шкафчиках переливались всеми цветами радуги шампуни, гели, кремы, рядом стопками были уложены чистые махровые полотенца. Хорошо бы лечь вместе с ней в ванну, как в фильме “Красотка”, подумал Вадим. А почему бы нет? Вдруг неожиданно раздался звонок мобильного. Не сразу сообразил столичный ловелас, что доносился он из брошенной на кресло сумки девушки, а, сообразив, открыл сумку и выключил телефон. Присев на край постели, он залюбовался спящей девушкой, точно охотник добытой им редкостной дичью. Потом стал быстро раздевать Софью, вспомнив, что действие снотворного скоро должно закончиться. Девушка глухо застонала и забилась в его руках, обнажённая она была ещё прекрасней, разве что на тонкой её шее был серебряный крестик на цепочке да вокруг талии обвивалась толстая белая нитка-поясок. Сниму с неё эту дурь, сразу же решил Вадим, пусть поскорей отвыкает; отныне я, один из хозяев жизни, буду для неё царь и бог; и, быстро сбегав на

кухню, он перерезал острым ножичком поясok и перестриг кусачками цепочку, шваркнув крестик на пол, потом сбросил с себя одежду, и руки его жадно заскользили по чистой, нежной коже.

Софья вскрикнула от внезапной боли и ужаса, ощутив на себе тяжесть чужого тела и увидев перед собой ставшее ненавистным ей холёное с мелкими чертами лицо её спутника по самолёту. А тот, не давая ей возможности шевельнуться, продолжал причинять ей боль, пока не откинулся в сторону, тяжело дыша. Пружиной взвилась Софья с постели, увидав, как на белоснежной простыни расплылось красное кровавое пятно. – Господи, Иисусе Христе Сыне Божии, помилуй мя, грешную, – простонала она, прикрывая брошенной одеждой свою наготу, и, сотворив крестное знамение, оглянулась по сторонам. – Где я? – Тебе стало плохо в самолёте, – подал голос Вадим, заворачиваясь в простынь, точно патриций в тогу. – Вот я и привёз тебя к себе домой, а чтобы привести в чувство, вынужден был прибегнуть к такой мере.

Ужас, боль, гнев и отчаяние плескались в изумрудно-зелёных глазах Софьи:

– За что? За что ты, походя, поломал мою жизнь? Что плохого я тебе сделала? Мерзавец! Или ты не боишься, что Господь может наказать тебя за это!?

– Успокойся, Софья! Забудь все эти сказки про богов, придуманные юриdivыми и неудачниками. Ты понравилась мне, и теперь для тебя начнётся новая жизнь. У тебя будет всё, что ты захочешь: квартира в Москве, машина с водителем, меха, драгоценности, возможность посмотреть весь мир. Множество женщин будут завидовать тебе. Прими ванну и успокойся, а дальше секс будет приятным – получишь наслаждение.

Бросившись в ванную комнату с охапкой одежды в руках, Софья через две-три минуты предстала перед Вадимом уже одетой, с бледным от страдания лицом и тёмными тенями под

глазами.

– Сейчас же выпусти меня отсюда, иначе я выброшусь в окно! Я не могу больше видеть тебя! Не могу!

– погоди! – нахмурился Вадим, наспех натягивая одежду. – Возьми мою визитку, а это положи к себе в сумку, пригодится. Он попытался, было, сунуть ей в руку тиснённую золотом визитную карточку и толстую пачку денег, но Софья гневно швырнула её на пол. Доллары, евро, тысячные и пяти тысячные рублёвые купюры разлетелись по прихожей, образовав на полу пёстрый бумажный ковер.

– Водитель отвезёт тебя, куда надо.

Выведя Софью из подъезда на улицу, Вадим привычно махнул рукой в сторону стоявшей неподалеку машины, но девушка уже стремглав мчалась к ближайшей автобусной остановке. Ему ничего не оставалось, как вернуться обратно в квартиру, молча прошагать по денежному ковра, залпом выпить большую рюмку коньяка и швырнуть её в сервант, весело отозвавшийся звоном разбитого стекла. Тяжёлыми шагами вошёл Вадим в спальню, чтобы выспаться после всех приключений и авантур этого дня, но тут что-то блеснуло перед ним на полу. Нагнувшись, он поднял серебряный крестик Софьи, положил его в шкатулку, рухнул на постель и тотчас заснул.

2

Внимательно прочтя полученное от Георгия письмо о возможной реституции бывшего церковного имущества староверов, отец Фёдор сразу же понял, откуда и куда дует ветер, кто льёт воду на мельницу Русской Православной Церкви. Реституция в условиях олигархического режима грозила обернуться для староверов только новым церковным расколом с новообрядцами, рейдерским захватом староверческой собственности да возможными криминальными погромами. Тут же безотлагательно решил он позвонить в Москву, на Рогожку, с

настоятельной просьбой как можно скорее укрепить юридический отдел митрополии да правдиво информировать румынских христиан о церковных делах в России, не допустить очередных вражеских козней. Но, едва протянул он руку к телефону, как раздался звонок с Рогожки. Звонила комендантша общежития в Духовном училище:

– Батюшка, отец Фёдор! Срочно приезжай к нам! Вчера под вечер Софья еле добралась до Рогожки и свалилась в беспамятстве, в жару. Вызывали скорую – врачи говорят, что у неё сильнейший стресс и даже опасаются за её жизнь. Пришлось отвезти её в больницу. Она всё время зовёт тебя с матушкой. Прости, Христа ради, за худую весть, но приезжай!

Удар был силён страшной своей неожиданностью. Встав перед иконой Святого Пантелеимона Целителя, протоиерей ощутил, как по щекам и бороде его потекли слёзы. Он плакал и молился, молился и плакал, а в памяти то и дело всплывала его любимица, маленькая Сонечка, обвивавшая его шею своими ручонками и лепетавшая: “Батенька, милый!”. Однако, терять время было нельзя, он позвонил на вокзал, справился о наличии мест на Москву, только тогда сообщил о случившемся жене.

– И я с тобой, отец! Поедем вместе – куда иголка, туда и нитка. Будем вдвоём спасать нашу Софьюшку.

3

Болью отозвался в сердцах родителей вид исхудавшей, осунувшейся дочери, беспокойно мечущейся на больничной койке. Словно почувствовав появление самых близких людей, Софья открыла глаза, показавшиеся огромными на её лице, и тяжёлый стон вырвался из её уст.

– Мы здесь, доченька, – осенила её крестным знамением матушка Аглаида. – Мы с тобой. Но как испугала ты нас с отцом своим недугом, а в Москву, помню, собиралась такой здоровой и весёлой. Что с тобой приключилось, родная наша?

Тихим прерывающимся шёпотом поведала Софья присевшим у её постели родителям про то, что случилось с ней, закончив печальную исповедь словами:

– Я, я одна во всём виновата, что не распознала вовремя бесов в человеческом обличье. Теперь я навсегда потеряла Геру и опозорила вас. Мне хочется умереть...

– А как же мы с матерью? – тихо молвил благочинный. – О нас ты подумала? Как сможем мы жить дальше, если тебя не будет?

Частые слёзы потекли по бледным щекам Софьи, отец Фёдор молча стал осушать их вынутым из кармана платком.

– Вот что, отец, – решительно заявила матушка, – оставлять её ни в больнице, ни в Москве нельзя. А вдруг тот негодяй решит, что мы заявим в милицию и в суд, да предадим дело огласке? Наймёт убийц, чтобы избавиться от Софьюшки, скрыть своё преступление: у таких, как он, всегда всё схвачено, и никакой суд, кроме Божьего, их не изобличит. Давай-ка отвезём её в Нижегородскую область, в Мурашкино, к твоей родственнице Евдокии, благо, что у неё большая изба из двух половин. Я поживу там с ней, пока она поправится, а ты продолжишь свои дела. Сколько ещё церковей надо построить, сколько предстоит открыть приходов в крае, и там без тебя не обойтись.

– Помощница моя во спасении, как Настасья Марковна у Аввакума, – впервые улыбнулся благочинный за вымотавшие его силы последние двое суток, – совет ты дала благой, ему и последуем.

IV

Пути Господни неисповедимы

К тридцати четырём годам Стивен Эдвард Грейсон считался в разведывательном управлении Соединённых Штатов Америки одним из лучших специалистов по России. Ему поручали самые ответственные задания, и справлялся он с ними блестяще. Высокий, кареглазый и белозубый Стивен, по мнению его шефов из ЦРУ, имел вполне славянскую внешность, по-русски говорил не только без малейшего акцента, но даже порой с присущим той или иной местности говором – аканьем или оканьем, к тому же прекрасно знал культуру, историю и современность страны. Из Москвы, куда без особого труда сумел он войти в самые высокопоставленные чиновничьи круги, вскоре перебросили его в Саров, где снова ему сопутствовала удача и где быстро получилось у него завербовать несколько ценнейших агентов. По глубочайшему его убеждению, Россия была страной обречённой: коррупция, преступность, алкоголизм, наркомания, всеобщее безверие и нищета народа достигли в ней такой небывалой величины, что уже ничто не могло её спасти – это была гниющая и разлагающаяся масса. В недалёком будущем огромная эта территория станет американской колонией, думалось Стивену, с населением около сорока миллионов человек, – а то и меньше, – необходимых для обслуживания нефтяных и газовых потоков да будущих своих хозяев. И он делал всё возможное и невозможное, чтобы как можно скорей приблизить это будущее.

Известие, что он рассекречен и будет вот-вот взят агентами ФСБ застало его врасплох, однако, Стивен так твёрдо верил в свою фортуна, в свою восходящую звезду, что только усмехнулся возможной опасности и молниеносно принял решение укрыться на год в таком тихом местечке, где никому не пришло бы в голову искать его. Развернув карту Нижегородской области, он углубился в пристальное её изучение – взгляд его упал на слово “Мурашкино”. Исконно староверческие места, вспомнил он текст

одного из учебников по русской истории и, не медля, стал собираться в дорогу, зная, что шеф из ЦРУ и на сей раз одобрит его, Стивена, решение.

В Мурашкино первым делом заглянул американец в старинный староверческий храм во время службы, посмотрел, как выглядели местные мужчины и женщины, тут же купил себе скромную домотканую рубаху, вышитый поясок, лестовку, пачку свечей, календарь и “Псалтырь”. Стоя справа недалеко от входа, он увидал, как прихожане повели и понесли своих детей к причастию под стройное, слаженное пение: “Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите...”. Среди них была молодая красавица с полуторагодовалым ребёнком на руках. Зелёный сарафан из переливчатой атласной ткани и белоснежный платок на голове лишь ярче подчёркивали необыкновенно одухотворённую её красоту. Лицо красавицы было бледно и печально, нижняя алая губка чуть прикушена. Ребёнок, хорошенький мальчик, тесно прижимался к ней, что-то весело лепеча на детском своём языке. С трудом отведя взгляд от прекрасной незнакомки, Стивен шёпотом стал расспрашивать у женщин, что стояли у порога в храм, не сдаёт ли кто-то из староверов жилья, и, записав несколько адресов, отправился в обход.

Идеальным вариантом для удачливого шпиона могла бы стать предложенная ему пустующая однокомнатная квартира, но какое-то внутреннее чутьё побудило его дальше продолжить поиск, дойти до окраины городка и при виде большого, из двух половин состоящего дома, спросить хозяйку его, Евдокию. На звонок вышла пожилая хозяйка, не без удивления посмотревшая на пришельца:

– Дали мой адрес, говоришь? У меня уже живёт родственница с ребёнком, а родители её больше никого пускать не велели. Сам-то ты кто будешь?

Максимально полное вживание в новый образ, мысленно

приказал себе Стивен:

– Степан Семёнович Шадрин, программист. Покойные родители мои были староверами, а сам я, грешным делом, отошёл от веры и теперь вот намерен вернуться к ней. Взял на работе большой отпуск без содержания, хочу пожить в вашем тихом городке, отдохнуть душой, помолиться.

– Кто же будет содержать тебя?

– Я, матушка, неплохо заработал на составлении программ для разного рода научных центров, в деньгах теперь не нуждаюсь.

– А мы с Софьей и Данькой хоть и нуждаемся, да пустить тебя, парень, я не могу. Не обессудь.

Стивен вознамерился, было, уйти, как вдруг увидел приближающуюся к дому молодую женщину, что катила коляску с ребёнком. Зоркие его глаза сразу узнали в неё виденную в церкви красавицу.

– Пусти меня, матушка, хоть ненадолго, хоть на недельку, ведь у тебя одна половина дома пустует. Я тебе хорошо заплачу, – он вынул из кармана несколько тысячерублёвых купюр. – Возьми их для своей родственницы да для церкви, помолись за меня, а когда и вместе помолимся. При первом же твоём замечании я уйду, а пока что могу помочь тебе по хозяйству.

Евдокия задумалась. Софья, вначале жившая у неё вместе с матушкой Аглаидой, родила внебрачного ребёнка и, как могла, старалась искупить невольный свой грех. Мальчик был окрещён её отцом, протоиереем Фёдором, назван Даниилом, и вскоре матушка вернулась к мужу на Урал. Родители постоянно высылали Софье денежные переводы, но часть этих денег она отправляла им обратно, а часть жертвовала на церковь, неукоснительно соблюдая все посты и живя в строжайшей экономии. Деньги же были позарез нужны и на питание мальчика, и для самой Софьи, о здоровье которой неустанно пеклась Евдокия.

– Ладно, будь по-твоему, – со вздохом согласилась она. – Поживи

с месяц в другой половине. Возьму с тебя тысячи три, не много это будет?

– Только-то? – искренне удивился Стивен, давно постигший алчность продажных русских чиновников, готовых за деньги сделать всё, что угодно. Европа и Америка была для многих из них желанным местом, землёй обетованной, и американец всячески укреплял их в нечистых этих помыслах. Евдокия провела его в новое жильё. Вновь не без удивления оглядел шпион предельно скромную обстановку двух комнаток и маленькой кухоньки, иконы и лампадки в передних углах да царящую повсюду чистую, опрятную бедность. После бесчисленных вечеринок, устроенных им для работников ядерного центра в Сарове, после обильных попок, в ходе которых он всегда оставался трезвым и вытягивал из своих гостей ценнейшую информацию, тихий этот уголок показался ему землёй обетованной, сулившей ему долгожданный отдых.

Поздним утром следующего дня Стивен встал у раскрытого окна, потягиваясь после глубокого и безмятежного сна, каким он давным-давно не спал. С улицы доносились голоса двух сидящих на скамейке женщин, потом одна из них звучным, мелодичным голосом стала читать другой отрывок из книги:

– Морозову с Урусовой перевели в страшную темницу – пятисаженную земляную яму, где началось медленное угасание двух женщин, слабых телом, но сильных духом. Мучениц изнуляли не только голод и жажда, но и зловоние, и грязь, и холод, и бесчисленное множество вшей. Первой умерла младшая сестра Евдокия. В предсмертный час она звала Феодору:

– Госпожа, мать и сестра! Я изнемогла и чую, что приблизилась к смерти, отпусти меня к Владыке моему! Молю тебя, госпожа, по закону христианскому отпой мне отходную. Что помнишь, то и говори, а что я вспомню то сама проговорю...

И так в темноте они молились отходную, мученица мученицу отпевала в темнице, и узница над узницей проливала

слёзы. А утром 11 сентября 1675-го года бездыханное тело княгини Урусовой подняли из ямы, обвинили рогожей и похоронили на дворе острога. Инокня Феодора осталась одна...

Однажды, совсем изнемогши от голода и жажды, она подозвала стрельца, сторожившего тюрьму, и попросила его со слезами:

– Раб Христов! Есть ли у тебя отец и мать в живых или представились? И если живы – помолимся о них и о тебе, а если умерли – помянем их. Умилосердись, раб Христов! Зело изнемогла я от голода и хочу есть, помилуй меня, дай калачика...

– Нет, госпожа, боюсь!

– Ну, хлеба...

– Не смею!

– Ну, немножко сухариков...

– Не смею!

– Если не смеешь, то принеси хоть яблочко или огурчик...

– Не смею! – прошептал стрелец и мученица, вздохнув, сказала:

– Добро, чадо, Благословен Бог наш, Изволивший так! Если, как ты сказал, это невозможно, молю тебя, сотвори последнюю любовь – убогое мой тело, рогожею покрыв, неразлучно положи близь любезной моей сестры!

Святая Феодора ненадолго пережила сестру. Почувствовав приближение смерти, она вновь призвала стражника.

– Раб Христов! Молю тебя, сходи на реку и вымой мою сорочку, ибо хочет Господь принять меня от сей жизни неподобно мне в нечистой одежде возлечь в недра матери своей земли.

Стрелец взял сорочку, спрятал под полою красного кафтана и, придя на реку, выстирал. Стирал, а сам горько плакал...

Студеной ночью с 1 на 2 ноября 1675-го года и для блаженной Феодоры в затхлом мраке страшной земляной тюрьмы раздался призывный тихий голос Спасителя: “Дерзай, дочь, вера твоя спасла тебя!”. В эту ночь она умерла, преставившись от тьмы сей жизни в немеркнущий Божественный

свет и от глубокой ямы – в Царствие Небесное.

– Вот кто служит нам вечным примером, Евдокия, – продолжил тот же мелодичный голос. – Батенька мой превыше всех почитает протопопа Аввакума, а я – боярыню Морозову и княгиню Урусову. Вдумайся, ведь это – лица-символы, спасшие православную веру. А теперь я хочу сходить в местную школу, узнаю, не найдутся ли там для меня часы русского языка и литературы.

– Рано тебе работать, Софьюшка! Данька маленький да и сама ты ещё не окрепла.

– Не хочу больше жить на родительские деньги. Батеньке они нужны для воздвижения новых церквей, а я должна зарабатывать на жизнь сама.

– Вчера я пустила во вторую половину жилья, он заплатил вперёд. Говорит, что сам из староверов.

– Зачем ты это сделала, Евдокия? Мужчина в доме – новые пересуды. А мне теперь во всяком постороннем мнится бес в человеческом облике.

– Полно, моя красавица, я постараюсь побыстрее выпроводить его.

Голоса стихли, женщины удалились в дом. Вышедший через час на улицу Стивен застал одну сидевшую на скамеечке хозяйку. В стареньких очках, водружённых на нос, она бойко перебирала спицами – вязала детские шерстяные носочки.

– Как спалось тебе, Стёпа, на новом месте?

– Благодарствую, матушка. Как у Христа за пазухой. Пойду посмотрю город. А где муж молодой женщины, что живёт у тебя? Отец её ребёнка?

– Нет у неё мужа, – нехотя сказала Евдокия. – Сильничал её один гад в Москве, и родила она Даньку. А отец её – один из лучших протоиереев по всей России, вот и попустил Господь, досталось их семье от козней лукавого. Теперь все они неустанно молятся о спасении.

Едва ли не впервые в душе Стивена шевельнулось не

злорадство при известии об очередной беде разучившегося нормально жить русского человека, а сочувствие к молодой красавице.

– Завтра у нас будет крестный ход в Григорово, на родину Аввакума. И тебе, коли хочешь вернуться к истокам, не мешало бы сходить.

– Непременно пойду, матушка! Благодарствую, что сказала.

2

В пути паломники растянулись почти на километр. Софья, поначалу бодро катившая коляску с Данькой, задержалась, чтобы напоить его, и начала постепенно отставать, но тут её догнал приятный внешне мужчина с ослепительной белозубой улыбкой. Одет незнакомец был в дорожные брюки и подпоясанную рубашку навыпуск, через плечо его была перекинута походная сумка.

– Я – ваш сосед по дому, новый квартирант матушки Евдокии. Разрешите представиться – Степан Семёнович Шадрин. Можете звать меня просто Стёпой. А ещё разрешите помочь вам, – учтиво предложил он и, не дожидаясь ответа, правой рукой ловко подхватил мальчика, посадив его себе на плечо, а левой покатил коляску.

– Пойдите, Степан Семёнович! – обеспокоено воскликнула Софья. – Ребёнок не привык к чужим, сейчас он заплачет.

Но сын её, на удивление, не заплакал – он радостно озирался вокруг, крутя головёнкой, а незнакомец с натренированной спортивной фигурой легко нёс малолетнего Даньку, точно пушинку. Неведомый ранее покой переполнил душу Стивена, давно не было ему так хорошо.

У

Кризис

– Я убью его! – в ярости воскликнул Георгий, узнав от отца Фёдора про то, что случилось с Софьей. – Найду и убью! Зачем мерзавцу жить? Чтобы ломать ещё чьи-то судьбы?

– Тем самым ты только погубишь свою душу, – с тихой печалью ответил протоиерей. – Бороться надо не с человеком, а с его грехами, так повелел нам Господь.

– Помню, как Софья цитировала мне Достоевского: “Если Бога нет, то всё позволено!”. Отче, как же быть с теми, для кого нет Бога? Прощать им любые преступления?

– Делать всё возможное и невозможное для того, чтобы выбирали они для себя не смерть души и тела, а жизнь вечную.

Прошло более двух лет с момента этого разговора. Родители Софьи, уступая просьбам дочери, по-прежнему скрывали от Георгия место её нахождения. Молитвы да неустанный труд сделали для молодого журналиста единственным средством спасения от терзавших его душевных мук. То и дело уезжал он в длительные командировки, и из под пера его являлись читателям острейшие статьи о том, как остановилось производство на старинных уральских заводах, как никто до сих пор не собирается выплачивать бывшим их работникам миллионные долги по зарплате, как разваливаются и разворовываются остатки бывших колхозов и совхозов, а витрины магазинов заполняются недоброкачественными импортными продуктами, как стремительно нарастает в образовании американизация школ, где все женщины-учительницы, начиная с директрис, одеты в брюки, а ученицы – в джинсы, а учитель становится бесправным поставщиком “образовательных услуг”, точно это парикмахерские услуги или услуги по ремонту обуви, а не сложный процесс становления души ребёнка.

Случались в его смятенном внутреннем мире и отрадные моменты, когда читал он взятые с собой в поездки недавно

вышедшие книги о трагедии Раскола. Очень понравилась молодому историку взятая в церковной библиотеке книга Аллы Глинчиковой “Раскол, или срыв русской реформации”. Тут же сделал он несколько записей в своём рабочем блокноте: “Автор усмотрела в Расколе самое главное – не только обрядовую реформу или форму социального протеста, но полную духовную переориентацию, отказ руководства страны от национального курса развития в угоду так называемому Греко-западному, а позже – имперскому проекту. Под пером автора старообрядчество явилось носителем свободного, творческого народного духа, а никонианство – как чуждая народности казённо-государственная традиция, опирающаяся на чиновную практичность государственной машины”.

– Вера внутренняя, спасённая, своя родная, идущая из глубины народной души, и вера навязанная, – размышлял журналист-историк. – Права Глинчикова: реформа царя Алексея, патриарха Никона, а позже – Петра Первого и прочих Романовых – стала русской церковной секуляризацией, привела к полному духовному обмирщению. Трагическая эта “реформа” нанесла непоправимый урон не только церкви, но и перспективам развития русского общества. Вместо постепенного превращения теократического государства в гражданское стало оно превращаться в феодально-имперское, чиновничье, позже – в тоталитарное, а ныне выродилось в бюрократически-олигархический режим.

– Если хотим мы достичь русской идеи спасения, надобно всем миром, всем народом возвращаться к старой вере, – неотступно думал Георгий. – Что может быть проще?

Однако, воплотить в жизнь простой этот способ оказалось архисложно.

– Мы православные, нам старая вера не нужна, – отвечали Георгию сотрудники редакции, когда заводил он с ними разговор о староверчестве. Сами же они при этом воцерковлёнными

людьми не были: не соблюдали никаких постов, не молились ежедневно, не посещали церковные службы, не ходили на исповеди к своим духовникам.

– А мы, староверы, по-вашему, кто? Католики? Иудеи? Мусульмане? И что же такое, в вашем представлении, старая вера? – вопрошал их Георгий.

– Это другая вера, отжившая, несовременная, что-то вроде секты. Словом, тупиковое направление, как у героев очерка Василия Пескова “Таёжный тупик”.

– Так то были староверы-беспоповцы, и путь их, действительно, был тупиковым. А наша бережно унаследованная от древней Руси и сохранённая вера – это и есть настоящее, неискажённое, нееретическое православие.

– Нет уж, мы будем придерживаться веры отцов. Она создала российское государство.

– А что, по-вашему, сейчас разрушает его? Почему вымирает русский народ со скоростью миллиона человек в год? Киевский князь Владимир отказался от веры отцов, принял православие, встал на сторону истины, так последуйте его мудрому примеру.

Убеждать в своей правоте коллег по работе было трудно, но никогда не уходил Георгий от острых споров и дискуссий. Вновь и вновь доказывал он, что Русская Православная Церковь – структура безнадежно прогнившая на всех уровнях, не только в верхах. Уже после Раскола середины семнадцатого века стала она, по существу, церковью еретической: её подмяла под себя антинародная государственная верхушка, и печальная эта ситуация продолжается по сей день. Церковь Христова должна защищать своих чад от врагов внешних и внутренних, именно это делал Преподобный Сергей Радонежский, посылая Родиона Пересвета и Александра Ослябю на Куликовскую битву и благословляя князя Дмитрия на победу в ней; именно так поступал патриарх Гермоген, рассылая по всей Руси грамоты с призывом покончить с польским нашествием, и его призыв был услышан

русским воинством во главе с Козьмой Мининым и Дмитрием Пожарским. В семнадцатом веке протопоп Аввакум, боярыня Морозова, Евдокия Урусова, протопоп Иоанн Неронов, епископ Павел Коломенский и другие священномученики предпочли мученическую смерть отступничеству от веры.

– Подумайте, – убеждал он своих слушателей, – почему в произведениях А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого, Н.А.Некрасова, А.П.Чехова, И.А.Бунина и других великих русских писателей девятнадцатого века появляются резко негативные образы служителей официальной церкви? Я уже не говорю о писателях демократической ориентации, типа Ф.М.Решетникова или соцреалистах начала века двадцатого. В “Тихом Доне” изображён переболевший сифилисом поп Виссарион. Каково это? Нет, не случайно в конце девятнадцатого – начале двадцатого века русский народ отвернулся от такой церкви и поддался уговорам бесов-атеистов”.

Прогремевшее во всех СМИ сообщение о пожаре в пермском ночном кафе-клубе “Хромая лошадь” застало Георгия в командировке, но едва вернулся он в родной город, как тут же решил написать статью для журнала “Пермская трагедия глазами старовера”: “Лишь на четвёртый день довелось мне побывать на месте трагедии. Вход в злополучное кафе – низкую, уродливую пристройку к многоэтажному жилому дому – охраняли молодые милиционеры, а перед ними на парапете “Сквера уральских добровольцев” лежали груды живых цветов: хризантем, роз, гвоздик. Особенно много цветов было на дороге, ведущей к кафе, между рядами букетов стояли зажженные свечи и фотографии погибших, в основном, – молодых девушек и парней. За четыре дня страшный счет жертв увеличился – от ста десяти до ста двадцати пяти человек, и это ещё не предел... Чуть позже просмотрел я газеты. Пермский спецвыпуск “Комсомолки” от 7 декабря начинался с броского заголовка “Китайский фейерверк за 150 рублей убил 112 человек”, далее в ней подробно излагалась

хроника событий, рассказанная тридцатичетырёхлетним пермяком Александром Поповым, который подрядился на вечеринку оператором: “Планировалось грандиозное шоу, посвящённое восьмилетию клуба. Был даже приглашён какой-то дорогуший испаноязычный певец”. Съёмка запечатлела нарядных, весёлых посетителей, сидящих за столиками, они ели суши, запивая их вином и водкой, а на танцполе перед сценой под музыку диджея Андрэ зажигательно плясала разогревочная группа: атлетичные парни в чёрных брюках и девчонки в красных купальниках.

Вместе с гостями, артистами, обслуживающим персоналом в ночном клубе находилось триста с лишним человек, хотя рассчитан он был не более, чем на пятьдесят. Никто из присутствовавших даже не вспомнил о том, что заканчивалась первая неделя Рождественского поста, а роковая для многих пятница четвёртого декабря была к тому же Днём Введения в Храм Пресвятыя Богородицы. Но, как говорится, незнание законов не освобождает от ответственности за их нарушения, а неверие в Бога не освобождает всех нас от гнева Божия. Человеку не дано знать, где и как встретит он свой последний час и минуты: все мы под Богом ходим, а о ночном клубе в центре Перми давно уже ходила дурная слава.

Вскоре после трагедии в Интернете стали появляться следующие комментарии: “Реальной причиной стала бесконтрольная жажда наживы. Потолок в таком месте не должен быть пластиковым и вспыхивать за две минуты весь целиком. Поджечь его могли и не пиротехники, а просто по пьяни или из хулиганских побуждений. По пятому Санкт-Петербургскому каналу сказали, что в таких заведениях на пятьдесят посетителей должен приходиться один эвакуационный выход. Вспомните теперь хоть один клуб или кинотеатр в Перми, где из большого зала есть такое число выходов? Или хотя бы два? Современная предпринимательская “элита” думает только о том, как срубить

бабло, купить себе тачку покруче и снять в очередной “Лошади” тёлку помоложе. Вот Вам и результат. И нравы в этих заведениях – аналогичные нравам их хозяев. Блядские конкурсы, шутки ниже пояса, быдлярчи номера. А те, кто ходит в подобные заведения – сам делает свой выбор. Почитайте ветку про “Хромую лошадь” в культуре. Иначе как местом группового съема это заведение никто в последнее время и не называл. Одним притоном стало меньше. Может хоть кого-то это заставит задуматься. Какие вообще могут быть застолья в пост? Жертвы были просто неизбежны. И никакие “по полной” не помогут, пока люди сам не одумаются и не начнут голосовать ногами против такого досуга и таких притонов-клубов”.

– Вобьём гвоздь в гроб кризиса! – такие “весёлые” шуточки раздавались в клубе. После исполнения молодыми людьми в белых костюмах нижнего брейка на сцене раздался два глухих хлопка, и к потолку поднялись снопы искр. Вскоре загорелся обитый тростником потолок. На спасение у людей было три минуты двадцать две секунды, но мало кто сразу осознал весь ужас происшедшего.

– Дамы и господа! Мы горим, все из клуба, – спокойно объявил ведущий праздника, и люди бросились к единственному выходу. Создалась давка, началась паника, первыми бежали охранники. Часть персонала бросилась к черному ходу, не предупредив остальных, что он существует. Те, кто оказались в хвосте, теряли сознание от угарного газа и падали на пол.

“Сгоревшие в ночи” – под таким заголовком вышла во вторник восьмого декабря краевая газета “Звезда”: “Месиво обломков, застывшие потеки пластика, рёбра потолочной арматуры, свисающие с них кишки кабелей. Словно внутренности огромного трупа...”. Таким в считанные часы после трагедии увидел то, что осталось от “Хромой лошади” спецкор “Звезды” Аркадий Константинов. В газете говорилось, что “к полудню эпицентр трагедии переместился к краевому бюро

судебно-медицинской экспертизы на Старцева, 61, где родственники и близкие опознавали погибших. Зал со стенами, покрытыми белым кафелем. Отливающие холодной сталью прозекторские столы и каталки. Ряды тел. Большинство покрыты ожогами, ввевшейся в кожу копотью. На некоторых – ссадины, огромные гематомы. Одежда разорвана в клочья. Люди погибали не только от ожогов и удушья. Их топтала, давила, била о стены паническая толпа”.

В “Комсомолке” от восьмого декабря говорилось о том, как Пермь простилась с первыми погибшими: “На Северном кладбище для погибших отвели отдельный участок. К лютому холоду добавился ветер. Семнадцать свежевырытых ям густо парили – земля ещё не промёрзла, копалась легко... Мать первой похороненной в этот день – Юли Вишневской – сказала на прощание страшные слова: “Лежи, доченька! Жила ты весело...”.

“Жизнь в кайф!” – таким стал девиз обеспеченной молодёжи в постсоветскую, полуколониально-криминальную эпоху. Сынки олигархов могли на взятых напрокат супердорогих иномарках устроить гонки в окрестностях Женевы, и один из них на бешеной скорости травмировал старика-немца. За восемнадцать лет выросло целое поколение моральных уродов, полагающим, что им всё позволено. Примером для них послужила каста олигархов, коррумпированных чиновников и дельцов, для которых никакие законы не писаны и не существуют. В руках их находится вся экономика и финансы, все ведущие телеканалы, все государственные посты. Одним из таких дельцов – тридцатишестилетний владелец клуба “Хромая лошадь” Анатолий Зак, вошёл в список самых богатых пермяков. Ему принадлежит сеть магазинов “Чкаловский”, пресловутый клуб и многое другое. По слухам, Зак имеет двойное гражданство – российско-израильское, что отнюдь не послужило помехой для членства его в экономическом совете при губернаторе в 2004-м году. Мало того, он курировал вопросы профессионального

искусства! А каким стало искусство в Пермском крае при Заке и министре культуры Борисе Мильграме можно судить по выставкам в помещении бывшего речного вокзала – звезда, выложенная из окурков, скабрезные, матерные надписи на “творениях” авангардистов. Подлинное искусство в Перми затиралось, умышленно не финансировалось, зато отовсюду лились потоки пошлости, на которых и воспитывалась молодёжь. Не раз требовали пермские писатели отставки Мильграма, но их голоса так и не были услышаны властями.

Журналисты раскопали, что Зак получил 600-миллионный кредит Сбербанк на строительство торгового центра в районе троллейбусного депо, но стройка “замёрзла” на стартовой стадии, зато в Испании вырос принадлежащий ему роскошный особняк. Туда же уходили и “лошадиные” доходы – до трёх миллионов рублей ежемесячно. Это ли не “бал” коррупции в Перми?!

Трудно представить себе более социально уродливое общество, нежели постсоветская Россия, где не действуют ни законы, ни нравственные нормы, где сохранилась лишь видимость нормальной жизни, но скоро исчезнет и она. Ситуация эта складывалась на протяжении более чем трёхсот с половиной лет, со времён Раскола середины семнадцатого века, но все последствия её в полной мере проявились лишь сейчас. Александр Проханов, редактор газеты “Завтра”, так сказал об этом: “Мы страна, девиз которой прозвучал в ночном клубе Перми: “Дамы и господа, мы горим!” Мы горим везде – и в экономике, и на Северном Кавказе, и в клубах, и на дорогах, и в министерствах”. Безбожие и безответственность привели к тому, что “дневная”, нормальная жизнь давно уже подменилась аномальной, “ночной” с её шкалой антиценностей. Кто из погибших и находящихся при смерти посетителей “Хромой лошади” сходил в библиотеку и прочёл прекрасную, пророческую повесть одного из лучших писателей России Бориса Екимова “Предполагаем жить”? Почти все её герои, погнавшись за

удовольствиями и материальными благами, предполагали жить, но жизни их преждевременно оборвались. “Человеческая жизнь слишком коротка, и надо прожить её пристойно”, – призывает писатель. Достойная земная жизнь открывает нам путь к жизни вечной, но много ли сделало старшее поколение для того, чтобы молодёжь выбрала путь не к ночным клубам, а к Храмам?

Что касается “мозгов и совести”, то их не было и нет не только у владельцев клубов, но и кое у кого повыше. Бесовское заведение под соответствующим его духу названием “Хромая лошадь” находится в трёхстах метрах от здания администрации Пермского края, от кабинета его губернатора, разрушившего в крае здравоохранение, культуру, образование и многое другое. А рыба, как известно, с головы гниёт, или “каков поп, таков и приход”. Трагедия в ночном клубе стала, по словам одного из ведущих пермских писателей, “восьмым делом” ненавистного народу губернатора, за которым могут последовать ещё многие другие ЧП, если вовремя не убрать с поста главу края. И, как бы не мотались по России премьер с президентом, стремясь устранить или минимизировать последствия очередных трагедий, усилия их будут тщетны без выявления глубинных причин великой русской катастрофы – Раскола и его последствий. И только окормляемое дораскольной Православной церковью всенародное движение за очищение нашего отечества от скверны, только верующие, волевые, культурные и созидающие люди, объединившись, способны спасти Россию от нынешних и грядущих пожаров и потрясений”.

– Нет, Гоша, такой текст нигде не примут, – поставил диагноз главный редактор. Прочтя статью, он мрачно закурил сигарету, пуская ядовитые клубы дыма едва ли не в лицо давно отвыкшему от курева Георгию. – Написано круто, но это не напечатают. Пусть полежит в архиве редакции до лучших времён.

УІ

Стезя проповедника

Благочинный отец Фёдор встретил отца Алексея у ворот кафедрального собора и не сразу узнал в худом, измождённом и постаревшем человеке того священника-новообрядца, с которым довелось ему случайно встретиться полгода назад.

– Всё это время я проболел, батюшка, – горестно сказал ему иерей.
– Даже лечился у психиатров да мало помогло. Снились мне такие жуткие сны, что не приведи Господь. Только сейчас смог выбраться к тебе.

– Хочешь ли посмотреть нашу церковь, отче? Только здесь крестятся двуперстием. Это истинное перстосложение, переданное нам самим Господом нашим. Запомни, что двуперстным крестным знамением осеняли себя все христиане от времён Иисуса Христа, так молились апостолы, святитель Никола Чудотворец, Василий Великий, святой Иоанн Златоуст и другие святые. Так молились все на Руси до раскольничьего, а правильной сказать – разбойничьего Собора 1666-го года. Одному из моих друзей довелось побывать в Риме, в храме верховного апостола Петра, где ещё в первые века христианства была установлена бронзовая его статуя. Так вот, правая рука Петра изображена благословляющею двуперстно. Это ли не доказательство, что именно так молились и благословляли все истинные последователи Христа?

– Знаю, что в чужой храм со своим уставом не ходят. Перекрещусь по вашему.

С неизъяснимым внутренним благоговением долго рассматривал росохинский иерей внутреннее убранство недавно возведённого староверческого собора: новый алтарь, искусно изукрашенный ажурной резьбой по дереву, чистый голубой шатёр-купол со свисающим вниз паникадиллом, старинные иконы и книги, – пока отец Фёдор не пригласил его в нижнее помещение, в трапезную, где дежурившие в церкви

женщины накормили обоих батюшек вкусным обедом. За чаем решил отец Алексей поделиться с благочинным сокровенными своими мыслями:

– Рушится православная вера, батюшка! Снится мне, что горит страна наша российская: то тут, то там вспыхивают пожары, дотла выгорают поля и деревни. Одна осталась надежда на Афон, там ещё сохранилось православие, туда надо посылать паломников.

Отец Фёдор покачал головой:

– Нет, отче, это не так. Давно сложилось в России впечатление, что Афон – это почти сказочный остров, населённый праведниками, что богоугодными делами его молитвенников, отшельников да затворников держится православная ойкумена, а то и весь мир. Однако, крестятся на Афоне шёпотью, вот и стал современный Афон чем-то вроде страшного духовного локомотива, который тянет за собой вниз прежде всего Грецию. Тянет он вниз и сопредельные страны с исповеданием восточного православия: Сербию, Болгарию и даже Россию. Ты помнишь, что по давней традиции у верующих этих стран было безграничное доверие к религиозному авторитету Афона. Вспомни, когда возникали споры или недоразумения, часто ждали, что скажет Афон?

– Воистину, так. Мы всегда ждали, что скажет Афон.

– А сегодня древний авторитет Афона, поверь, играет роковую роль. Внешне всё выглядит замечательно: в афонских монастырях проводятся длиннющие, в том числе ночные, службы – по восемь-двенадцать часов. Строго, как я слышал, соблюдается богослужебный и бытовой монастырские уставы. Конечно, всё это производит большое впечатление на приезжих, особенно на гостей из России и иных стран – тех, где исковерканная и сокращённая служба давно стала привычным явлением. Но внешние впечатления, поверь мне, ошибочны. Большинство афонских монастырей признают равночестными как старый, так и новый календарные стили. Вот тебе пример: в Греции монах

по разрешению игумена может отслужить службу Рождества в новостильном храме, а, вернувшись на Афон, второй раз разговляется и празднует Рождество по старому стилю – это ли не пародия?

Отец Алексей, внимательно слушая протопопа, сокрушённо качал головой, не зная, что возразить.

– Но это ещё не всё, отче. Все афонские монастыри, кроме обители Эсфигмену, поминают в своих молитвах Вселенского патриарха Варфоломея, который давно находится в молитвенном и евхаристическом общении с Римским папой. Прочие монастыри готовы признать любую духовную власть. Слышал ли ты, что многие церковные деятели Афона обвинены в финансовых и земельных махинациях? Во всех монастырях построены многозвёздочные гостиницы, оборудованы люкс-номера, лифты на три-четыре этажа и многое другое. Главная же беда афонских монастырей – это пребывание в евхаристическом общении с еретиками. В алтаре храма нельзя оставаться на перепутье. Если ты вошёл в алтарь, то ты или с Богом, или с Денницей. Апостасия – постепенное крушение греческой церкви всегда было тесно связана с сильным католическим влиянием. Начато это было ещё иезуитами, курс на уничтожение православия рассчитан был на века. Если верить пророчествам, то с окончательным принятием ереси Афон погибнет, а сама гора уйдёт под воду. По завету Богородицы конец Афона почувствует каждый, кто будет творить волю Сына Божия. Сейчас по Афону свободно гуляют латинские монахи. Народно-церковное благочестие в Греции медленно, но верно угасает, упала, как я слышал, и личная нравственность духовенства.

– Так на что же нам надеяться? Где искать спасение?

– Только в нашей староверческой церкви. Мы сейчас – как свеча на ветру, погаснет свечка – наступит полная тьма и конец света.

– Расскажи ещё что-нибудь о своей службе. С какими людьми доводилось тебе встречаться?

–Расскажу я тебе, отче, про первый свой Великий пост. Постановили меня в священники, и на Троицу в 1979-м году оказался я в Сибири, где был, практически, единственным священником-старовером. Красноярский край вплоть до Алтая стал для меня громадной общиной. На третьей неделе Великого поста пригласили меня в Новокузнецк, а в советские времена, сам знаешь, чтобы священнику куда-то поехать, особенно за пределы края, нужно было такое количество согласований в горсовете, райисполкоме, крайисполкоме, что, бывало, и пост может закончиться, и Пасха пройдёт. Бывало и так, что разрешения на переезд могли не дать, вот и приходилось действовать без разрешений, на свой страх и риск. Однако, мы, старообрядцы, к этому привычные. Ещё в царские времена многие поколения священников ездили тайно окормлять свою паству, вот и я решил совершить поездку негласно. Довезли нас до Абакана, где мы с Денисом Ивановичем Даниловым сели в поезд, а все мои священнические принадлежности были в чемоданчике у Данилова. Ехали мы в разных купе и со стороны как будто не знали друг друга. Легли спать, утром подъехали к Новокузнецку. Женщина, которая нас встречала, знала Дениса Ивановича, но они обменялись только взглядами. Потом женщина повернулась, пошла, Данилов – за ней, а я шёл за ними на некотором расстоянии. Проходя мимо одной из автомашин, женщина на секунду остановилась, давая понять, что нам надо в неё сесть, а сама тут же пошла на автобусную остановку. Сели мы в машину и поехали в домовую церковь Новокузнецка, опять же подъехали не к самому двухквартирному одноэтажному дому, а где-то за квартал от него. Там встретила нас другая женщина, мы опять пошли за ней на определённом расстоянии. Остановившись у калитки, она показала нам вход в церковный дом и прошла дальше по улице. Зашли мы в дом через калитку, там человек двадцать христиан уже ждали нас. С дороги попотчевали нас чаем, и буквально сразу же после начали мы

моление, потом стал я принимать исповедь.

Помню, что разделились все исповедники на десять групп, по двадцать человек в каждой, одна группа уходила, на её место приходила другая – всё это растянулось где-то до четырёх часов утра. У меня уже глаза слипались, слёзы текли от усталости, вдруг на исповедь вваливается маленькое, согнутое существо, подходит ко мне и хриплым голосом спрашивает: “А меня, батюшка, примешь?” Я отвечаю, что приму, а сам пытаюсь в полумраке разглядеть согбенную старушку со странным, надтреснутым голосом. Она и говорит мне: “Да, батюшка, сейчас вот я такая, а, поверишь ли, была красавицей, первой девкой на деревне. Но непослушная была, строптивая, отца, мать не послушала, дядя родной не благословил – и всё равно ушла в город. Пошла устраиваться на фабрику, а меня все расспрашивают, кто я да откуда. Однако, приняли, стала я ученицей, и пришло время мне разряд получать, тут женщина-комсорг мне и говорит: “Чтобы разряд повыше получить, ты, пожалуй, крестик сними да брось его. Откажись от Бога. Зачем тебе Бог, если мы тебе всё даём?” Я сдуру сняла крестик, бросила его, он только звякнул, и больше я его никогда не видела. Поступила я на рабфак, приходит время в комсомол вступать, у меня спрашивают, есть ли контрреволюционеры в родне? Кто же, вспомнила я, как не дядька родной, ведь он меня в город не хотел пускать, вот от злодей и есть! А ты напиши на него, мне опять говорят. Я сдуру написала, приняли меня в комсомол. Позже узнала, что дядя на следствии умер, что уж там с ним сделали, не знаю. Это я уж из письма узнала, пока ещё с деревенскими родственниками переписывалась. Дальше – больше, загуляла я с молодым человеком, забеременела, рожать собралась, а он мне заявляет: “Ты что, дура? У нас впереди такая жизнь, а ты ребёнка рожать надумала, зачем это нужно?” Побоялась я аборт делать, срок уже был большой, родила дочку. А комсорг мне говорит: “Ты, Паша, возьми-ка ребёночка и пойдём на вокзал, положим его на лавку,

кто-нибудь и подберёт, а ты будешь свободна, как птица!” Я, дурная, опять послушалась и пошла, положила ребёночка, а жалко-то как! Вышла из вокзала сама не своя, стою, плачу, а комсорг мне говорит: “Пойдём, бутылочку купим, выпьем за освобождение!” Оттолкнула я её, побежала обратно забрать мою доченьку ненаглядную, ан нет её уже на лавке. Бегаю, спрашиваю у всех на вокзале – никто не видел, никто не знает. Вышла я вся расстроенная и говорю: “Ладно, пойдём, выпьем!” Купили мы бутылку водки, зашли в общежитие, выпили по стакану, а у меня внутри всё кипит... Взяла я молоток – и по голове её, насмерть убила. Бросила молоток – и в бега, с тех пор и брожу по стране советской. Где попрошайничаю, где ворую, где люди пожалеют, а где, как собачонку, прогонят – вот так и до восьмидесяти лет дожила. Простишь ли ты мне, батюшка, мои грехи?”. Содрогнулся я и говорю: “Бог тебя простит, Парасковья!” “А епитимью мне какую дашь?” “А ты, Парасковья, епитимью уже всю жизнь несла”. Она поклонилась мне низко и исчезла, будто её и не было. Вот какую историю довелось мне выслушать в первый свой Великий пост.

Поведаю тебе ещё одну историю о матушке Диоре, в миру – Домне Григорьевне, что родилась в 1890-м году в Томской области, в месте, называемом Нарынская тайга. В 1905-м году, как рассказывала мне матушка Диора, мать её умерла во время родов, брат умер от надсады, сестра после бани выпила холодного молока и тоже представилась. В живых остались Домна и младшая сестра Ульяна. Отец решил жениться второй раз, и тогда-то попросила Домна у отца разрешения уйти в монастырь, который был недалеко от их заимки. И вот с 1905-го года стала Домна жить в монастыре, три года была она послушницей, а после приняла постриг и стала инокиней Диорой. Гражданская война прошла где-то далеко и никак не затронула монастырь, затерявшийся глубоко в тайге, когда же началась коллективизация и разрушение церквей, то страшное это бедствие настигло и

обитель. Все восемнадцать инокинь были арестованы и вместе со священноиноком отправлены в Томск. Во время тяжёлого пути матушка игуменья, священноинок и пожилые инокини умерли: дорога шла по северу Томской области, по местам очень суровым, вот и дошли до города только молодые инокини. В Томске загрузили их в товарняк вместе с другими священнослужителями да отправили в Амурскую область, в город Свободный. Оттуда этапом по тайге погнали их в лагерь, где они должны были отбывать свой срок – а дали всем по десять лет.

Представь себе такую картину: зима, мороз, заключённые подходят к лагерю и видят – по обеим сторонам от входа возвышаются горы трупов, занесённые снегом. У одного рука торчит, у другого – нога, у третьего – голова высовывается. Многие пали духом, проходя сквозь эти завалы тел. Кто-то за сердце схватился, кого-то инсульт разбил. Добрая половина этапа входила в лагерь уже сломленной, такими живыми мертвецами. Лагерь ещё только-только отстраивался, условия ожидали заключённых тяжелейшие: жили в брезентовых палатках, в центре которых стояла небольшая “буржуйка”. А на улице – морозы за сорок. К утру те, кто занимали места у печки, оставались в живых, а те, кто засыпали поближе к выходу, замерзали. С рассветом из каждой палатки выносили окоченевшие тела и укладывали за воротами. Кормили скверно, многие страдали дистрофией, однако женщины наряду с мужчинами и деревья валили, и сучья рубили, и бараки ставили.

В один из таких морозных дней матушка Диора так обессилела, что упала без сознания. Таких в лагере быстро оттащивали и укладывали на горы трупов, где они, будучи живыми, вскоре замерзали. А вот матушке Диоре, как она считала, повезло. Когда забросили её на эту гору, то сверху навалили ещё несколько тел, которые и не дали её замёрзнуть насмерть. Отлежавшись, матушка Диора пришла в себя, выбралась из-под трупов, огляделась: темно, кругом тайга. Куда идти? Только в

лагерь: до ближайшего поселения двести километров. Давай стучаться в ворота, часовой стал её прогонять: “Ты кто такая? Иди подальше отсюда!”. Замерзающая женщина продолжала стучать в ворота: “Я из лагеря! Позови начальника!”. Добилась, чтобы пустили её обратно в лагерь.

Пробыла матушка Диора в лагере девять лет, на десятом году взял её начальник лагеря для ухода за своими детьми, и ещё три года после окончания срока не отпускал он матушку Диору. Слушая её рассказ, я удивлялся и думал, какая же христианская любовь, какая же сила духа были у хрупкой этой женщины, если она четыре года растила детей начальника, согревая их теплом своей души, а всю его семью – молитвой. Для многих современных людей это непонятно: как это так, молиться за душегуба? Отомстить бы надо, передушить его детей да сбежать, напакостить бы ему!

Вот от кого избавлялась советская власть с момента своего становления. От людей, бывших носителями христианской любви, не помышлявших о сотворении зла для своей страны. Их уничтожали сотнями тысяч, миллионами. Я познакомился с матушкой Диорой в 1980-м году, когда было ей уже девяносто лет. Казалось бы, в этом возрасте надо требовать к себе внимания, ухода, а нет! Отмолившись иноческое правило, спешила она к другим женщинам, чтобы помочь им. Принести хлеба, покормить их да просто посидеть рядом, чтобы поутешить и проповедывать слово Божие. Она даже организовала в Минусинске небольшой монастырь-скит. Какая верность Богу, верность церкви Божией! Сегодня вот таких людей не хватает обществу, людей, встающих на святую молитву, подающих руку помощи, подвигающих человека к Богу!

О нынешних своих испытаниях, связанных с материальными да всякого рода бюрократическими препонами по воздвижению новых церквей отец Фёдор решил промолчать. А ещё в глубине его души постоянно жила боль и тревога за

Софью и внука, появившегося на свет без брака и законного отца, но этой болью благочинный не хотел делиться ни с кем, ограждая от неё даже свою молитвенницу-жену. С глубоким почтением глядел росохинский иерей на своего собеседника, зная, что ни в какой другой староверческой епархии за последние двадцать пять лет, что прожил отец Фёдор с семьёй в Пермском крае, не построено так много церквей и не открыто столько новых приходов. Могучий и мудрый проповедник сидел перед ним, стараясь облегчить и его, Алексея, страдания.

– Приму я, батюшка, вашу веру, – наконец, смиренно вымолвил отец Алексей. – Авось, тогда Господь избавит меня от страшных сновидений.

– Сны твои – пророческие! Не каждому даёт зреть их Господь, но путь спасения избрал ты верный!

УП

Огненное лето

– Женился бы ты, Вадька! – уже несколько раз за последнее время уговаривал сына Соболев-старший. – Чует моё сердце: грядут большие перемены в правительстве Москвы, уж слишком зарвался наш пахан Лужков со своей олигархшей, скоро должны их сместить. Женись, пока я ещё в силе, выбери себе богатую невесту.

Вадим вспомнил, как года три тому назад довелось ему присутствовать на вечеринке у Киры Пластининой, пятнадцатилетней дочери Сергея Пластинина, совладельца фирмы “Вимм-Билль-Данн”. Приколом для всех собравшихся стал приезд в Москву самой известной в мире наследницы Пэрис Хилтон, что долгое время проматывала деньги с уверенностью, что в любом случае получит свою долю в семейном бизнесе. Но, однако, глава рода – дед Пэрис Бэррон Хилтон – за неслыханное мотовство лишил внучку причитающегося ей наследства в шестьдесят миллионов долларов, и бедняжка Пэрис оказалась на

мели. Вот и согласилась она всего-навсего за два миллиона баксов выступить “на разогреве” у Пластининой: то-то ликовали самые избалованные роскошью дочери миллиардеров – Настя Потанина да Анька Анисимова – знай наших, новых русских, самые видные американки теперь перед нами выпясывают! Анька – “принцесса эмигрантов, воротила рынка недвижимости”, как называли её американские газеты, уже несколько лет за отцовские деньги скупала дорогую недвижимость – пентхаус в Майами за пять миллионов баксов, квартиру в Нью-Йорке за одиннадцать миллионов. Что ж, Василий Анисимов мог позволить это своей дочери: своё состояние нажил он в алюминиевом бизнесе в девяностых годах, а позже приумножил его, став совладельцем метхолдинга “Газметалл”. Всю эту “золотую молодёжь” и всех новоявленных “принцесс” знал Вадим не понаслышке: не раз проводил он вечера и ночи в бурных их компаниях. А то ещё есть играющая в независимость Дашка Жукова, что собралась замуж за разведённого Абрамовича, или наследница нефтяного магната Алсу Сафина, отец которой, Ралиф Сафин, стоял у истоков создания “Лукойла” и вряд ли когда-либо отказывал дочурке. В этом-то кругу предлагал ему отец выбрать себе невесту, но в последнее время всё чаще снилась Вадиму ночами Софья, а недавно явилась она ему во сне мадонной с младенцем на руках, гневно и укоризненно глядя на него изумрудно-зелёными глазами.

– Женись, Вадька, – всё настойчивей наседали отец. – Я не вечен, а тебе, дураку, надо думать о завтрашнем дне.

– Надоели мне эти увешанные бриллиантами живые куклы и манекены, а вдруг ещё попадёт потаскуха, вроде дочери бывшего мэра? – парировал Вадим.

– Не женишься вовремя – пойдёшь по миру! Будешь жить в нищете – на десять тысяч рублей в месяц. Сейчас, небось, на один завтрак тратишь больше?

– Ладно, батя, уговорил! Мне тут надо сгонять по делам на недельку в Пермь, тогда и буду жениться.

Даже выносливого Георгия вымотало небывало жаркое лето 2010-го года. Разъезжая по командировкам, постоянно делал он пометки в своём путевом блокноте:

23.06.2010. Больше месяца не было дождей в Башкирии и Ульяновской области, там на корню гибнет весь урожай зерновых. От жары трескается земля в Поволжье.

15.07.2010. Объявлено чрезвычайное положение в центральных областях России – пересыхают колодцы, речки и водоёмы. Неурожай нынешнего года обернётся миллиардными убытками. В стране, по сообщениям официальных СМИ, уже погибла одна пятая всех посевных культур, а на самом деле – гораздо больше.

19.07.2010. В Москве на улице Разина сгорел реставрационный центр имени И.Габаря, точное количество ущерба ещё не подсчитано. Москвичи страдают от почти сорокаградусной жары, радио и телевидение то и дело приносит вести о разного рода ЧП.

27.07.2010. В Москве ад – жара, смог, запах горящих торфяников.

30.07.2010. Десятки деревень сгорели от верхового огня в Воронежской и на юге Нижегородской областей, есть человеческие жертвы. Горят сотни гектаров лесов. Нынче в Нижегородские земли прибыли Владимир Путин с Сергеем Шойгу, утешали, как могли, отчаявшихся от горя людей, обещали в кратчайшие сроки построить новое жильё и помочь материально. А о чём же думал правящий режим в начале и середине девяностых годов, разрушая всю систему охраны лесов, всё лесное хозяйство? Да и до сей поры он не восстановил его... А теперь мы видим олигархизм с “человеческим лицом”! Президент и ближайшее его окружение делают хорошую мину при плохой игре...

3

В это страшное для России лето договорился уже бывший отец Алексей о новой встрече с благочинным, чтобы выслушать его суждение о всём происходящем:

– Жара, засуха и пожары – это гнев Господень, расплата за все наши грехи, – твёрдо ответил ему протоиерей. – Посмотри окрест: из ста женщин или девушек только одна носит платье или юбку, остальные – в штанах, брюках, джинсах. А староверческая церковь строго предписывает не носить женщинам мужской одежды, как и мужчинам – женской. Из ста мужчин лишь один не курит, не пьёт, не сквернословит, не говоря о прочих, более тяжких грехах. Не зря говорил наш митрополит на Всемирном Русском Народном Соборе, что Россия только тогда сможет исполнить своё мировое предназначение, когда обретёт необходимую духовную устойчивость. А что мы сейчас наблюдаем?

– Прямо противоположное, – глубоко и горестно вздохнул Алексей Меркушев. – Глубочайший нравственный кризис. Грех подаётся как эталон поведения.

– Воистину так, – продолжил о.Фёдор. – Небывалых размеров достигла откровенная пропаганда всех видов разврата И, представь себе, как преподносится насилие над духовным здоровьем? Под флагом защиты прав человека, его свободы. Вот ведь как искушает невоцерковлённых людей враг рода человеческого! Сейчас надлежит нам спасти молодёжь: не имеет она достаточного опыта борьбы против натиска обнаглевшего греха. Известно ль тебе, что Россия вышла на первое место в мире по табакокурению, а на Западе ведётся против него война? Так что, Алексей, винить во всём надо не внешних врагов, а начинать с себя, с собственного покаяния. Все наши главные беды начались с Раскола. Без него не было и революции 1917-го года. Чего мы хотим в ближайшем будущем? Зашёл я недавно к зятю, смотрю – транслируют по телевидению выступление президента

перед детьми погорельцев, все дети – в шортах да коротеньких штанишонках – шпарят ему речёвки, а он их хвалит – молодцы, дескать, круто! Им бы всем ужаснуться, содрогнуться происшедшему да пойти в храм, а нет – шорты да речёвки вместо молитв.

– Видел я на днях, батюшка, новый страшный сон, – поспешил поделиться Алексей. – По грехам нашим послал на Землю Господь невиданные раньше катаклизмы – холод в тропиках, жара на полюсах, смерчи, цунами, торнадо, землетрясения, пожары. Снилось мне, что после страшных бед года две тысячи двенадцатого да последующих лихих годин семь областей останется от России: в Сибири да на Дальнем Востоке будут хозяйничать китайцы, японцы и американцы, в Поволжье жить будут одни тюркские народы, на Северном Кавказе начнутся междоусобные войны и резня. Но семь областей вместе с Уралом стоять будут прочно, спасёт их старая вера, охранит сам Господь. Не зря был тебе дан промысел свыше – как можно скорей строить храмы да создавать приходы, спасать русских людей. А ещё видел я священную гору Сион, вершину которой венчает небесный Иерусалим.

Внимательно, затаив дыхание, слушал его отец Фёдор, потом добавил к услышанному:

– Святые апостолы не раз говорили, что церковь не на земле только, но и на небе. Пребывая здесь, на грешной земле, были они там через соединение с Господом Христом. Вспомни, что Феодор Студит, Максим Исповедник и многие другие, в вечной жизни просиявшие, готовы были остаться одни во вселенной со святым исповеданием веры, но ни за что, ни при каких обстоятельствах не соединиться с неправомыслием большинства. Святые эти не боялись остаться вне земной Церкви: они мыслили себя в единстве с Церковью небесной. Подумай сам, что обозначается словом “вселенская”? Вовсе не количественная величина Церкви. Её можно мыслить суженой до одной деревни,

до десятка, сотни верующих, и она всё равно останется вселенской, ибо будет носителем мировой вселенской истины. Такой была, есть и будет наша староверческая церковь “яже во все века и во все времена”. Представь, как горячо молятся сейчас в раю за Россию души всех мучеников, за древнее благочестие пострадавших: души священномученика Аввакума и его помощники во спасение Настасьи Марковны, душа отсидевшего годы в лагерях епископа Геронтия и даже земляка нашего священника Иоанна Кудрина. Вместе с семьёй вынужден был он в годы гражданской войны отступать с белой армией до Харбина, а оттуда уехать в Австралию, где продолжал он молиться за многострадальный наш народ и где нашёл он своё упокоение. Если с Божьей помощью да молитвами праведников очистимся мы, спасёмся от грехов, тогда восстановим землю нашу русскую. – А как люто терзаются в аду души грешников, – добавил бывший иерей. – Несколько раз видел я в своих снах страшные мучения души Петра Первого.

– Иного и не могло быть. Он посягнул на многовековой уклад русского человека, с упорством маньяка глумился над его внешностью, одеждой, верой. Он прививал своему народу блуд, алкогольную и табачную зависимость, мнимый “успех” его вырос на костях, за счёт чудовищного перенапряжения жизненных сил народа, безжалостного калечения его души, а сейчас пожинаем мы результаты его “реформ”. Если праведный князь Александр Невский, наш святой, полководец и государственный деятель, подвигнул ход нашей истории лет на триста вперёд, то Петр Первый отбросил нас лет на триста назад. А для правящей верхушки и всех приспешников её он до сих пор остаётся “Великий”: не зря поставили ему чудовищно уродливый памятник в Москве, обошедший казне в миллиарды. И ещё посмотри вот на что – Господь стал прерывать жизни тех, кто вольно или невольно клеветает на староверов: 20 ноября года 2009-го рука неизвестного убийцы внезапно оборвала жизнь священника-

новообрядца, о.Даниила Сысоева, назвавшего священномученика Аввакума “буйно-помешанным”, говорившего в своих статьях и проповедях, что староверы, поддерживая Разина и Пугачева, были предателями России да к тому постоянно занимались блудом. Господь не потерпел такого поношения верных своих чад. Вышла года два назад и в нашем крае книга Евдокии Туровой “Кержаки” обернувшаяся настоящей пародией на староверов. И что же? Года полтора назад скоропостижно скончалась Евдокия, врачи даже не могли поставить диагноз её болезни.

– Хочу я, батюшка, раз уж свёл нас Господь, помогать тебе в благих твоих делах, – смиренно попросил Алексей.

– Поначалу спасись сам, постигни суть старой веры да приведи к ней всех своих близких – это уже будет доброй мне помощью, – сердечно отозвался отец Фёдор.

УШ

Возвращение

В Мурашкино и Григорово Стивен Грейсон открыл для себя другой русский народ и другую Россию. Евдокия не раз рассказывала ему, что когда вставал вопрос о том, что сохранить в первую очередь: православную веру во всей её чистоте и глубине или материальные блага, староверы, как правило, всегда выбирали веру. Когда в очередной раз подвергались они гонениям, то забирали то, что нельзя было оставить – иконы и книги – и, оставляя осиротевшие стены храмов и домов, уходили туда, где была у них возможность оставаться православными христианами. Уходили за границу, на края империи, в лесную глушь, но не теряли веры в Христа. А сейчас многие из них возвращаются обратно в Россию – из Турции, Румынии, Южной Америки, стран Балтии.

Перед мысленным взором Стивена часто вставал увиденный им в Григорово памятник протопопу Аввакуму: на

высоком постаменте протопоп- исполин, стоя во весь рост, высоко подымал вверх правую руку с двуперстием, точно призывая всех следовать его примеру. Софья объяснила ему, что автором памятника был выдающийся скульптор Вячеслав Михайлович Клыков, народный художник и подлинный патриот России, которого всегда привлекали яркие, самобытные натуры русских борцов за правду и писателей: протопопы Аввакума, Александра Пушкина, Василия Шукшина. Открытые Стивеном подлинные русские – староверы – не стремились к стяжанию благ материальных, напротив: они готовы были поделиться с ближним всем, чем имели. Они молились и созидали, день за днём укрепляя свои общины. А Софья? Она стала для Стивена эталоном русской женщины. Ночами американец вынашивал планы, как уговорить её уехать вместе с ним в Штаты, где он женился бы на ней и воспитывал Даньку, но в душе понимал, что встретит твёрдый отказ. Софья держалась отчуждённо и крайне редко вступала в разговоры с ним, а Стивен старался быть незаменимым для двух женщин: легко освоил он все огородные и надомные работы, таскал большими вёдрами воду из колодца, приносил полные сумки продуктов и игрушек для Даньки, упорно не желая расстаться со своей мечтой – завоевать сердце Софьи. – Потеряла я, старая, где-то свою лестовку, сходи-ка в другую половину к Стёпе, там в комодѣ должна быть ещё одна, принеси её мне, – попросила Евдокия Софью, когда Стивен в очередной раз отправился за покупками.

Софья нехотя вошла в половину жильца, открыла верхний ящик комода и рядом с лестовкой увидела небольшую книжку с несколькими закладками. Взяв её в руки, с удивлением обнаружила она избранные рассказы и стихи Редьярда Киплинга, изданные на английском языке в Калифорнии. Бегло читавшая по-английски Софья просмотрела названия отмеченных закладками текстов: “Саис мисс Йол”, “Несите бремя белых”, а одна из стихотворных строк была подчёркнута – “Не там, где летит

эскадрон, место твоё, шпион...”. Тут внезапная догадка мелькнула в её сознании, она подняла голову от книги и встретила взглядом с вошедшим в комнату Стивеном. Тот, увидав окаменевшее её лицо, сразу понял, в чём дело:

– Кто вы, Степан Семёнович? – тихим твёрдым голосом спросила Софья.

– Уже не тот, кем был раньше, – ответил Стивен. – И, поверьте, изменения во мне произошли только благодаря вам.

– Уезжайте отсюда немедленно! Иначе я позвоню – сами знаете, куда.

– А вы не хотите вместе с сыном поехать со мной в Америку и жить до конца своих дней, ни в чём не нуждаясь? Я обещаю вам это и сдержу своё слово.

– Даю вам полчаса на сборы!

Ещё с полгода тому назад разоблачённый Стивен мог бы без труда убрать со своего пути двух женщин с ребёнком, инсценировав пожар дома, но теперь ни при каких обстоятельствах не мог он этого сделать.

– Я уеду, Софья, навсегда сохранив в душе память о вас.

Не прошло и получаса, как Стивен Эдвард Грейсон уже вышагивал в сторону автостанции, а побледневшая Софья, сидя на скамейке, думала о том, как хорошо было бы вернуться домой, обнять родителей да узнать, по-прежнему ли готов Георгий стать её опорой в жизни. Она набрала номер мобильного телефона отца Фёдора.

2

– Прости, Христа ради, батюшка, – позвонил Георгий на домашний телефон благочинному, – но чует моё сердце, что Софье нужна моя помощь. Если не скажешь её адреса, я буду объезжать на машине все староверческие приходы России и в одном из них найду её. А начну с Нижегородской области, откуда вы с матушкой родом.

- На всё воля Божья, Гоша! Софья только что звонила мне, она собралась возвращаться домой и спрашивала про тебя.
- Её адрес?
- Записывай.
- Выезжаю сегодня же!
- С Богом, сынок! И привези нам нашу Софьюшку.

3

С радостно-печальным чувством ехал Георгий по нижегородской земле, где в воздухе всё ещё стоял запах гари от недавно полыхавших лесов и деревень. Он задумался о том, какой же будет его встреча с Софьей, и вдруг увидел стремительно летящую ему навстречу дорогую иномарку. Еле успел он отвернуть в сторону со словами “Живыи в помощи вышняго...”, как сзади раздался дикий скрежет и шум – водитель не справился с управлением, машина оказалась в кювете.

– Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного, – прошептал Георгий. Мигом притормозив, выскочил он из своей машины и бросился на помощь. С трудом удалось ему открыть искореженную дверцу и вытащить на обочину дороги молодого мужчину с холёным лицом, чем-то похожим внешне на Владислава Суркова. Дорогая его рубашка была залита кровью, лицо искажено от невыносимой боли.

– Кто ты? – с трудом произнёс незнакомец, и тонкая струйка крови потекла из его рта.

– Журналист из Перми.

– А я... я ехал в Пермь. Там живёт одна староверка, звать её Софья. Я виноват перед ней, хотел попросить прощения... Возьми в кармане рубашки крестик... Если вдруг встретишь, отдай ей.

Мгновенно поняв, кто перед ним, Георгий быстро достал из нагрудного кармана рубашки маленький серебряный крестик и сделал это вовремя: к месту аварии уже мчались две машины гаишников.

– Готов! – воскликнул капитан патрульно-постовой службы, склонившись над телом молодого мужчины. Другой тем временем искал документы умершего и, раскрыв паспорт, многозначительно изрёк: “Однако! Вадим Соболев! Не сын ли это того самого Соболева, который... сам понимаешь, какой занимает пост?”

Дав необходимые показания и оставив гаишникам свой адрес, Георгий быстро поехал дальше. Он думал о том, что причинивший ему столько страданий Вадим, выехав в путь без молитвы и иконки, навряд ли помышлял о смерти, предполагал и дальше хорошо жить, но ни один грех не остаётся безнаказанным: Господь явил свою волю.

4

– Я знала, что ты приедешь за мной, чувствовала это сердцем, – призналась ему вышедшая из избы Софья. Грусть угадывалась в прекрасных чертах её лица, но от этого она казалась только строже и милее. Маленький Данька, держась за длинную её юбку, с любопытством глядел на Георгия.

Георгий молча обнял Софью и осторожно поцеловал в щёку. Они сели на скамейку, им надо было так много сказать друг другу. – По пути к тебе я стал невольным свидетелем дорожной аварии – превысив скорость, разбился на своей машине Вадим Соболев. Он ехал в Пермь, хотел попросить у тебя прощения. Просил передать вот это.

Софья тотчас узнала свой серебряный крестик, подаренный ей отцом.

– Мой крестик вернулся ко мне, Гера! Это добрая примета, – улыбнулась она. И вдруг снова опечалилась. – А ты не будешь упрекать меня в случившемся?

– Никогда. Разве в финале романа “Обрыв” собирался упрекать Иван Иванович Тушин Веру? Я до сих пор помню твой рассказ-лекцию в университетском городке: в Малиновке после всех бурь

и потрясений теперь наступила золотая осень...

Спустя сутки, сердечно попрощавшись с Евдокией, они уже ехали обратно в родные пенаты. Софья сидела рядом с Георгием, маленький Данька сладко спал на заднем сидении машины.

– Я записала ему отцовское отчество – Фёдорович, – оглянулась на спящего сына Софья.

– Нет, он будет Даниил Георгиевич Никитин. И у нас с тобой ещё будут дети. Вдвоём мы, с Божьей помощью, выдержим всё, моя милая, любые новые испытания. Что скажешь?

– То, что сказала Настасья Марковна Аввакуму: “Ино еще побредем!”.

Послесловие

Жанр моего произведения определила бы я как “экспериментальная повесть”: назвал же в начале XX века Джеймс Джойс экспериментальным свой роман “Улисс”. В текст я включила публикации из нескольких выпусков газет “Старовер Верхокамья” и “Югокамская сторона” – это воспоминания о реально происшедших событиях с изменёнными именами их героев; отрывок из книги Дмитрия Урушева “Возьми крест свой” /Барнаул, 2009/ – о кончине боярыни Морозовой и княгини Урусовой; материалы из журнала “Церковь” /выпуск 8-9, 2010/ о том, что такое церковь, о знаменном пении на Руси, о современной ситуации с Афоном /“Обратная сторона святой горы”/, о признании старых обрядов равночестными и равноспасительными новым, о кончине о.Даниила Сысоева. Помимо этого, в основу сюжета было положено интересное исследование романа И.А. Гончарова “Обрыв”, проделанное Рязанцевой Натальей Николаевной, учительницей русского языка и литературы Култаевской средней школы Пермского района. Читателям не следует искать реальных прототипов образов Георгия, Софьи, Вадима и Стивена – они вымышлены, как и весь сюжет, но всё, о чём идёт речь в повести, вполне могло произойти

в реальности. Если Лев Николаевич Толстой великолепно знал жизнь высшего света, то современный класс олигархов, ставший в России своего рода кастой, для автора повести совершенно недоступен, да и цели, смыслы и ценности жизни у нас абсолютно разные. Изобразить детально представителей этого класса мне не удалось, была сделана лишь небольшая попытка. Стремление заглянуть в запредельное стоило мне многих бессонных ночей и тоже обернулось определённой художественной незавершённостью. Нетрудно заметить, что центральные образы произведения являются своего рода рупорами авторских идей, как это было в западноевропейской литературе эпохи Просвещения, но сейчас в православном просвещении остро нуждается всё наше тяжело больное общество.

При создании повести мною двигала твёрдая убеждённость в правоте старой, подлинно православной веры, мысль о неотвратимости наказаний за любые грехи и стремление показать читателям единственно верный путь к спасению себя и России.

Яко на мя упова

Рассказ в лицах

Виктория: “В страшные минуты, когда один за другим прозвучали те роковые выстрелы в гараже, я находилась в утробе матери, и до моего появления на свет оставалось ещё два с половиной месяца. Будучи ещё не рождённым младенцем, я, конечно, тогда не могла знать, что моего отца больше нет в живых. А как он ждал меня! Как радовался беременности моей матери! Какие грандиозные планы строил на будущее! И сам выбрал мне имя “Виктория”, что означает “победа”.

Фaina: “В пятницу третьего декабря года две тысячи десятого, вернувшись вечером из Перми, я включила телевизор и стала смотреть местные новости. Был канун Введения в Церковь

Пресвятая Богородица, годовщина трагедии в злополучном заведении под названием “Хромая лошадь”, и по экрану медленно поплыли застывшие лица покалеченных женщин. Зазвучали горестные слова их родственников, что на лечение в лучших клиниках Европы потребуются миллионы рублей, а их нет... Но тут, чтобы хоть чем-то да порадовать зрителей, сюжет круто поменялся: я увидела, как в органном зале филармонии сам губернатор Илья Шавкунов стал поздравлять лучших людей края с присвоением им почётных званий. “Звание “Почётный гражданин Пермского края” присваивается Барановой Раисе Ивановне – руководителю краевого Фонда мира – за её огромный вклад в дело созидания, за многолетнюю работу на посту главы Фонда”, – прозвучал его нарочито бодрый голос, и тут я встрепенулась, привскочила с дивана и впилась глазами в экран. Так и есть! То была она, Раиса Баранова, но исхудавшая до неузнаваемости, с волосами, выкрашенными в угольно чёрный цвет, с морщинами на вытянувшемся лице, в траурно-чёрном костюме с голубым шарфом на шее. Черты её лица выражали нескрываемое торжество, за которым таилась, однако, скрытая мука. “Несмотря на возраст, я постараюсь достойно продолжать своё дело!”, – процедила она в ответ, а я бросилась к телефону и набрала нужный мне номер своей приятельницы.

– Слыхала новость, Зина?

– Какую?

– Бараниху только что наградили званием “Почётный гражданин Пермского края”! Сие означает, что плакали все твои судебные дела!

– Зайди ко мне в гости – обсудим.

– Всенепременно зайду.

Владимир: “Третий год, как под большим крестом тлеют мои кости на новом югокамском кладбище. Правда, нынче родители отгрохали мне неслабый памятник, да что в том проку? Лучше б молились за грешную мою душу! О-о-о... какие терзания

претерпевает она в аду, если б они только знали! Каково ей то “бурлить” в огне страсти, то “сушиться” на раскалённых крючьях, то взирать на жуткие страдания деда в адских глубинах? Сполна ответила душа за всё: и за блудную мою жизнь, и за... О-о-о... неужели ни мать, ни отец, ни Валентина, ни Виконька, когда вырастет, не станут молиться за меня?”.

Зинаида: “А ведь поначалу всё складывалось так хорошо, так удачно! Володя с Леной оказались соседями по подъезду, ну и сошлись, стали жить, как теперь это водится, гражданским браком. А мать у Елены оказалась не абы кто, а председатель краевого Фонда мира да к тому же – искуснейшая кулинарка. “Путь к сердцу мужчины лежит через желудок!” – постоянно внушала она единственной своей дочери и учила её готовить разные блюда – одно другого вкусней. Так вот и прикормили они моего сыночка, попался он на их крючок... Но и мы, Ковальчуки, не лыком шиты, думала я. Да и надумала отдать им свою трёхкомнатную квартиру в высотном доме, что на площади Дружбы. Дальше – больше: помогла приобрести самую что ни есть современную обстановку, машину, гараж, а себе купила двухкомнатную квартирку на проспекте Революции – недалеко от них. Заказов на проектирование домов, офисов, автостоянок в те времена у меня было хоть отбавляй – деньги так и шли в руки. Часто обсуждала я с сыном, как лучше всего распорядиться ими, а он, умная головушка – весь в мать – отвечал так: “Вкладываем только в недвижимость – иначе сгорят!”. Вот и обзавелась я ещё одной двухкомнатной квартирой в Юго-Камске – благо, что сама проектировала этот дом, купили мы с сыном помещение под кафе-мороженое в доме напротив цирка, ещё один гараж и квартиру в Перми, большой участок земли под застройку да кое-что по мелочам. А потом сыночек мой единственный с невесткой так увлеклись куплей-продажей недвижимости, что сами стали ворочать делами. “Когда же, Володька, оформишь ты с ней брак, станешь жить по закону?” – спрашивала я сына и слышала в ответ:

“Как только родит она мне сына или дочь, как только – так и сразу! Иначе кому достанется всё нажитое нами добро?”.

Елена: Никогда бы не призналась я Вовке, что врачи сразу же обнаружили у меня неизлечимое бесплодие. Всегда тонко намекала ему, что причина – в нём. А брать ребёнка из детдома – это не для меня. В детдомах нынче одни дебилы – дети алкоголиков, отказники. Лучше будем жить, как жили: для себя, в своё удовольствие.

Фаина: Помню, как восхитила меня Зинаида Борисовна Ковальчук при первом нашем знакомстве. А познакомились мы в автобусе, возвращаясь к концу недели с работы домой. Автобус из Перми до Юго-Камска обычно шёл более часа – времени на разговоры хватало. Часто места наши оказывались рядом, так, слово за слово, мы и познакомились. Казалось, нет предмета, в котором бы она не разбиралась досконально: проектирование и строительство зданий, подвод коммуникаций, ремонтные работы, оформление документов, виды на жительство, проценты по банковским вкладам, выгодные покупки и всё такое прочее. Постепенно мы подружились. Однажды она пригласила меня к себе в гости, но не в пустующую югокамскую квартиру, а в собственный добротный дом с большим огородом. Там-то и довелось повстречаться мне с Раисой Барановой. Тогда в свои шестьдесят семь лет выглядела она отнюдь не молодящейся старухой, а ухоженной респектабельной дамой. Зина представила меня как преподавателя института, к тому же как староверку с собственными, оригинальными воззрениями на окружающую действительность и, наконец, как человека пишущего. Острый оценивающий взгляд Барановой был подобен пронзившему меня рентгеновскому лучу. Слово “староверка”, по видимому, покорило её: несколько секунд она колебалась, дипломатично выбирая нужную линию поведения, затем широко улыбнулась, обнажая свои великолепные протезированные зубы, и пригласила нас с Зиной за стол – отведать только что

приготовленную ею уху и рыбные расстегаи. С её слов тут же узнала я, что заядлые рыбаки – Николай, муж Зины, и Володя, её сын и зять Раисы Ивановны, – весь вчерашний день самозабвенно удили с лодки на Каме, вернулись с богатейшим уловом и нынче, охваченные азартом, снова отправились на рыбалку. Уха из разных сортов рыб была бесподобной на вкус, расстегаи оказались отменными. Мы запивали рыбные блюда домашним Зининым вином, Раиса Ивановна щедро потчевала нас и рассказами об огромной своей работе в Фонде мира, а я, одновременно кушая и слушая, пыталась понять, с каким человеком на сей раз свела меня судьба. “Функционерка, предельно тщеславна, отчасти лжива, неискренняя”, – ставил диагноз мой внутренний голос. – “Зато какая искусная кулинарка!” – возражала я ему, – “Мне бы научиться так готовить, авось, нашла бы путь к сердцу мужчины?”. После этого довелось мне ещё пару раз встретиться с ней уже в пермской Зининой квартире, и опять Раиса Ивановна угощала нас дивными своими деликатесами.

Зинаида: “Несчастья мои начались с того августовского дня, когда Раиса объявила об очередном своём приезде, а я, готовясь к встрече, полезла в голбец и стала подымать по лесенке трёхлитровую банку домашнего вина, до которого так охоча моя сватья. Банка вдруг раскололась, и острый, как нож, крупный осколок стекла почти до кости располосовал кисть моей левой руки. Кровь хлынула ручьём, я завизжала от боли – муж, перетянув мне руку полотенцем, тут же вызвал скорую. Было несколько операций, но рука так и не восстановилась: ладонь осталась плоской, пальцы почти перестали гнуться. А потом Тобика, любимого нашего пса, насмерть сбила машина...”

Фаина: “Зинины несчастья, о которых узнала я опять-таки в автобусе, глубоко тронули меня:

– Не нужно было доставать вино и готовиться к мясной трапезе в строгий Успенский пост.

– Посты соблюдают единицы, вроде тебя, а мне надо было

принимать сватью да кормить мужа. Выдумали же – постная пища даже без подсолнечного масла! Да от меня сбежал бы мужик: он любит покушать.

– Так ты не хочешь даже в зрелые годы прийти к Богу?

– Всю жизнь без него жила и теперь обойдусь”.

Владимир: Почти пятнадцать лет прожил я с Ленкой, а детей у нас не было. Она намекала, что причина – во мне, я в душе надеялся на какое-то чудо... Всё чаще стал я уезжать на рыбалку: только там, на природе, у реки, находил я душевное успокоение. Однажды рыбачил я на Чусовой да припозднился, попросился ночевать на соседнюю дачу, там-то и познакомился с Валентиной. Понравилась она мне сразу. Стал навещать к ней всё чаще – не клонет ли на мою удочку эта золотая рыбка!? И ведь клюнула! Как хорошо было нам вдвоём... А когда узнал я, что она понесла и ожидает от меня ребёнка, счастьем моём не было предела! Поздно понял я, дурак, что Ленка подло обманывала меня все эти годы, да и решил крупно поговорить с ней и расстаться навсегда.

Елена: “Виктория! Победа! Победа над ложью, моим “бесплодием”! Ты, стерва, обманывала меня все эти годы да вышло не по твоему! У меня будет дочь Вика, Виктория, а ты ищи себе другого дурака! Деньги и нажитое совместно имущество разделю с тобой по справедливости, а сейчас убирайся из моей квартиры!”. Услышав такое от Вовки, я была в шоке: а как же я!? Жить мы стали вдвоём с матерью, она тоже тяжело перенесла случившееся. А я? Я даже перестала есть разные её вкусности, дни и ночи напролёт обдумывала план мщения, не зря же прочла я сотни детективов за свою жизнь...

Файна: “Я несла на дачу только что купленные саженцы клубники, когда вдруг увидела десятки машин возле нашей новообрядческой церкви.

– Кого хоронят? – спросила я у одной из местных женщин, подходя поближе.

- Какого-то пермского мужика. Отец его живёт здесь, мать работает в городе. Не то Коваль, не то Ковальчук.
- А что с ним случилось?
- Говорят, застрелили в собственном гараже.
- Кто застрелил?
- А уж это надо узнать у следователя!

Еле протиснулась я сквозь толпу людей, стоявших в церкви с зажжёнными свечами и трижды перекрестилась двуперстием, увидав лежащего в гробу сорокалетнего красавца-мужчину. Лицо Зинаиды было распухшим от слёз, она не замечала никого вокруг, глядела только на мёртвого сына. Потрясённая увиденным, я вышла из церкви: моё присутствие там совсем не требовалось. Весь этот день не могла я думать ни о чём другом, как о смерти единственного Зининого сына, а вечером спросила мать, чем, на её взгляд, вызвана такая череда несчастий: изувеченная рука, задавленная собака, а теперь – застреленный сын.

– Отец Зинаиды, Борис Пермьяков, в годы войны распоряжался выдачей хлебных карточек, – услышала я от матери. – Ну и стал присваивать их себе да спекулировать в Перми. На письма оставшихся без карточек женщин никаких ответов не было, а опускали они их в местный почтовый ящик. Только одна бабёнка побойчее догадалась съездить в город и там опустить письмо: как так – сын воюет на фронте, а мать сидит голодная? Ей пришёл ответ, что карточки вам положены, выдать их должен был Пермьяков. Тут-то Бориса и разоблачили, но от тюрьмы он отвертелся: были у него и деньги, и связи. Помню, уже после войны пришёл он в магазин, а там – большущая очередь за продуктами. Он, хромо́й чёрт, лезет вперёд без очереди: я де ветеран! Тут все бабы как заорали: “Вор ты, а не ветеран!” – он еле ноги унёс ...”.

Вот и карает их семью Господь, подумала я тогда. Борис Пермьяков отнимал у людей последний хлеб, Бог забрал у его дочери единственного сына”.

Следователь: “Дохлое дела, чует моё сердце, с убийством этого Ковальчука. Я уже четвёртый по счёту веду его да буду не последний... А версия отрабатывается одна и та же – заказное убийство, других нет. Удивляюсь, как мать его, умная женщина, сразу этого не поняла... Здесь, в деле, даны её свидетельские показания: весь день в среду третьего сентября 2008-го года безуспешно звонила она своему сыну на его сотовый телефон: мобильник не отвечал. К полудню, почуяв неладное, позвонила в милицию. Прибыл наряд, она повела их к гаражу. И гараж то недалеко от дома, на бульваре Гагарина, а место глухое – край оврага – для убийства подходящее... Дверь оказалась не запертой, только прикрытой снаружи. Парень лежал возле машины в лужице крови – на теле были обнаружены два пулевых отверстия. Наши оперативники, дошлые ребята, жалея его мать, что чуть с ума не сошла от горя, стали быстро разматывать дело. Узнали, что парень недавно ушёл от своей гражданской жены и стал жить с другой бабой, ожидавшей от него ребёнка. Картинка стала прозрачной. Восстановили записи всех разговоров Елены Барановой, узнали, что в тот день она под каким-то предлогом вызвала Ковальчука к гаражу, а там его уже поджидал её одноклассник вместе со своим знакомым – киллером. Ленуху хотели взять под стражу, да куда там? Сразу начались звонки из вышестоящих инстанций, давление на следствие. Взяли с неё подписку о невыезде, а потом и её отменили. Уже третий год тянется вся эта канитель. Куда только не писала жалобы Зинаида Борисовна! Теперь собирается писать в Верховный суд, а что толку? Бараниха-старшая крепко повязана с местной верхушкой: они не дадут в обиду её дочь. Плетью обуха не перешибёшь! Дохлое, гиблое дело...”

Виктория: “Бабушка постоянно говорит мне, что я – вылитый папа: те же глаза, те же черты лица, те же привычки. Папа! Я повторяю это слово, едва ли не чаще, чем “мама”. Большая папина фотография висит над моей кроватью, я смотрю на неё

постоянно. Бабушка любит меня безумно: говорит, что я – единственная её надежда в этом мире. А однажды вместе с ней в нашу квартиру пришла какая-то незнакомая тётя и спросила меня:

– Как тебя зовут?

– Вика Ковальчук.

– Сколько тебе лет?

Я показала на пальчиках два годика.

– Для двухлетнего ребёнка развитие весьма неплохое, – сказала тётя моей бабушке.

– Мы с Валентиной занимаемся с ней постоянно, – лицо бабушки порозовело от гордости. – Потом отдам её в лучший платный детский сад и в лучшую школу. Слава Богу, сын нам кое-что оставил, да и у меня много недвижимости. Она не останется нищей, не будет ни в чём нуждаться.

– Надо дать ей не рыбу, а удочку! – возразила тётя. – Не баловать, не осыпать подарками, а привести к Богу, научить жить и действовать самостоятельно. Только тогда будет прок. Только тогда выживет она в этом мире. И ещё дам совет: меняй эту квартиру на другую, подальше отсюда. Леди Макбет пермского разлива может не ограничиться одной смертью...”.

Елена: “Ну, что Зинаида Борисовна, чья взяла? Третий год пытаешься ты обличить меня и найти убийцу Вовки, да только руки у тебя коротки. А теперь, когда мать стала почётным гражданином Пермского края, дело твоё и вовсе гиблое. Жалуйся хоть в Верховный суд, хоть в Страстбургский – не поможет! Хорошо бы убрать и Вовкино отродье, да не всё сразу... Виктория! Победа! Показала я вам победу и покажу ещё!”.

Фаина: “Я пришла к Зине на следующий же день после услышанной мною новости, и в который уж раз меня больно поразил вид моей приятельницы: она осунулась, похудела, лицо её избороздили глубокие морщины.

– Да, я сильно сдала за эти два с небольшим года, – призналась

она мне. – Катаракта, остеохондроз, головные боли, головокружение, но я не сдаюсь, Фая, вчера мы с адвокатом отправили письмо в Верховный суд и посмотри, что я себе купила!

На её постели лежал большой кожаный матрац с металлическими бляшками, тонким шнуром он был подключён к электричеству, и бляшки постепенно нагревались.

– Южнокорейское производство, – похвасталась Зина. – Стоит тридцать три тысячи, лечит от всех недугов! Теперь буду спать на нём и вылечусь, доведу до конца все свои дела.

– Опять уповаешь ты не на Бога, а на южнокорейское “чудо”, – с горечью сказала я ей. – Купи “Псалтырь”, прочти псалом девяностый, там прямо сказано: “Яко на мя упова, и избавлю и, покрыю и, яко позна имя Моё. Воззовет ко мне и услышу и. С ним есмь в скорби, изму и, и прослаблю его. Долготу дний исполню и, и явлю ему спасение Моё”.

Владимир: Виконька, ангел мой! Знаю я, что эта стерва не оставит тебя в покое! Мать! Молись за наши грешные души, деда и мою... О-о-о! Если бы муки моей души были услышаны...

Декабрь 2010. Юго-Камск

На сороковой день

“Зачем мне Бог, когда я и сам неплох”, – всякий раз думал я, входя в квартиру Людмилы Павловны и натываясь взглядом на средней величины восьмиконечный крест. Он висел на белой дверце старого платяного шкафа метрах в пяти от входа и сразу же бросался мне в глаза. Второй точно такой же крест был помещён изнутри на верхней части входной двери.

– Зачем Вам два одинаковых креста? – спросил я однажды.

– Это староверческие кресты, Арнольд, – с тихой гордостью ответила она. – Когда я вхожу в свой дом, то бишь в квартиру, то трижды совершаю крестное знамение на тот, что напротив, произнося с умилением молитву мытаря: “Боже, милостив буди

мне грешной. Создавши мя, Господи, и помилуй мя. Без числа согреших, Господи, помилуй и прости мя грешную”. А когда выхожу из дому, молюсь на тот, что на двери.

– И помогает? – не без иронии поинтересовался я.

– Ещё как! Запомни, Арик, что каждый наш день подобен плаванью по бурному морю, и человеку не дано знать, будет ли он жив или утонет. Потому-то и надо каждый день начинать с молитвы, носить нательный крестик, всюду ходить и ездить с иконкой.

Иконки были в каждой из двух по старомодному уютных, сплошь заставленных книгами комнатах Людмилы Павловны, а одна была и на кухне.

– Неудачница! – думал я, садясь за обновление антивирусной программы в её уже давно устаревшем компьютере. – Вот и придумала себе для утешения Бога.

И всё же какая-то особая атмосфера этой квартиры – книги, картины, иконы – действовала на меня благотворно: всякий раз мне хотелось расслабиться и отдохнуть от вечной своей суеты да времени на расслабление не было. Приезжая на выходные дни в ставший пенсионным посёлок, где года три тому назад остановилась работа на обанкроченном новыми собственниками заводе, я, как мог, стремился совместить необходимое с полезным: навещал свою мать и родителей жены, помогая им по хозяйству, а после объезжал на машине своих друзей и знакомых, обслуживая по сходной цене их домашние компьютеры да ноутбуки. С Людмилы Павловны я много не брал: она была моей родственницей, дочерью моего приёмного отца от его неудачного первого брака. Бездетная, незамужняя, в недавнем прошлом – преподаватель института, а ныне пенсионерка, она находила утешение лишь в мире литературы да в церкви.

И вот я, татарин по отцу и русский по матери, воспитанный вместе с младшим братом Равилем вторым мужем моей матери Павлом Степановичем Вершининым, инвалидом войны и

ветераном труда, повзрослев, решил вместе с братом взять его фамилию. А что, разве плохо звучит Арнольд Павлович Вершинин, думал я, держа при этом в уме удачливого Арнольда Шварцнеггера. Вершинин! Красивая фамилия, путь к вершинам. Очередной моей вершиной, мечтал я, станет приобретение новой мощной машины с большим кузовом и вместительным багажником. Такой, на которой в отпуск можно будет поехать в любой уголок России. Следующий шаг – оформление нового загранпаспорта и поездки по всему миру. Для поднятия своего престижа и заработка я, ведущий инженер научно-исследовательского проектного института, стал допоздна засиживаться на работе, а ночами сидел над обновлением компьютерных программ.

Я постоянно не высыпался и временами чувствовал гнетущую тяжесть в голове, но не обращал на это внимания: впереди десять дней новогодних каникул – высплюсь, отдохну. Тридцать первого декабря я с женой и дочкой приехал в посёлок, где прошло моё детство, поздравил с Новым годом мать, тестя и тёщу и снова укатил с семьёй в город, прихватив с собой своего дядю, родного брата матери, многие годы жившего в Мурманске. Новый год я встречал с семьёй и дядей в своей просторной городской квартире, мечтая лишь об отдыхе. Дядька подначивал меня, уговаривал выпить с ним ещё и ещё, однако единственный бокал шампанского сделал мою голову чугунно тяжёлой. Промаявшись весь первый день Нового года, поздно вечером повёз я дядьку на вокзал, посадил его в ночной поезд, вернулся обратно, поставил машину в гараж, со свинцово тяжёлой головой поднялся в свою квартиру, разделся, вошёл в туалет и ощутил приступ рвоты. На шум из спальни вышла заспанная Рамиля, моя жена, спросила, что со мной, не стало ли мне плохо от съеденной вчера рыбы, посоветовала очистить желудок и поскорее лечь спать.

Рамиля ушла досматривать предутренние сны, моё тело

сотряс ещё один приступ, и вдруг голова моя точно раскололась изнутри от невыносимой боли, и я упал ничком на холодный кафельный пол возле унитаза. Ни отчаянного крика выпавшейся жены, ни голосов санитаров, ни шума скорой, мчащей меня в больницу, ни убийственно краткого диагноза врача “Обширный инсульт!” я уже не слышал. Четыре дня пролежал я в коме и умер шестого января две тысячи двенадцатого года, в последний день Рождественского поста, в канун Рождества Христова.

“Нехристь! Нехристь! Нехристь!” – первое, что услышала и поняла моя душа, влекомая в густом тумане прозрачными крылатыми существами. – “Куда его направить? В страну радости?”. И вскоре трепещущей от страха моей душе предстала некая знойная местность, где в адском шуме, сполохах ярчайших красок и удушающего зловония томились сотни миллионов печальных душ. “Гляди!” – изрекло одно из крылатых существ, и душа моя узрела Индию с её переполненными людскими потоками городскими улицами, где мужчины и женщины без всякого стыда справляли естественную нужду на обочинах дорог, выбрасывали мусор, кости и пепел от сожжённых мёртвых тел в Ганг, поклонялись бесчисленным языческим богам и радовались каждому дню жизни, стремясь сделать его как можно ярче, шумнее и суетливей.

– А, может, в страну дракона? – предложило другое существо, и душа моя содрогнулась при виде гигантского огнедышащего дракона, в раскрытую пасть которого устремлялись сонмы объятых ужасом душ, в разные времена населявшие Китай.

– Нет! – возразило третье существо. – Пока что место этой души здесь!

И исстрадавшаяся, измученная моя душа очутилась на некоем подобии зелёной лужайки, где среди журчания вод утешительной музыкой вдруг зазвучали слова молитвы. “Гляди!” – услышала душа и тотчас узрела внутреннее убранство городской староверческой церкви с иконостасом, украшенным искусной

резьбой по дереву. При жизни много раз проезжал я на машине мимо неё, и ни разу не приходила мне в голову мысль войти туда, а теперь было поздно... Возле икон склонилась в земном поклоне побледневшая от только что полученного известия о моей смерти Людмила Павловна, а рядом с ней две женщины староверки по её просьбе поочерёдно читали канон мученику Уару – о спасении душ некрещеных и не веривших в Бога людей. – Ты здесь, Арнольд? – донёсся тихий удивлённый шелест, и души всех умерших Вершининых, каждый из которых прожил посвоему славную и памятную жизнь, слетелись к моей душе, сразу воспрянувшей от такого соседства.

– Избави от бед раба своего, святые мучениче Уару, яко вси побозе к тебе прибегаем! Ты помолишься о нас Христа Бога нашего! Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй! – несколько дней подряд утром и вечером читала Людмила Павловна спасительную для души моей молитву, но потом вдруг стала забывать непривычные для себя её слова и молилась только за ушедших в иной мир Вершининых. И крылатые посланцы высших сил повлекли мою душу узреть на страшные мучения тех, кто ныне населял потусторонний исламский мир, кто при жизни обдирали кожу с живых советских парней, попавших в афганский плен к душманам, подвергал их нечеловеческим пыткам.

– Только не сюда! – умоляла посланцев моя душа. – Ведь при жизни я не делал людям ничего плохого, старался всем помочь. А сколько людей – родных, соседей, знакомых – пришло проводить меня в последний путь! Да и умер я внезапно в сорок семь лет, оставив жену и любимую дочь Розочку. За что мне всё это?

– За что? – переспросил один из посланцев и позволил моей душе на несколько мгновений узреть прошлое. Душа узрела, как моя мать с таким русским пушкинским именем Татьяна была смолоду охоча до блуда, сперва изменяла она своему первому мужу Рамису, геологу, трагически погибшему во время поисковых

работ на Севере, потом, уже выйдя замуж за Павла Степановича Вершинина, бывшего лет на двадцать пять старше её, стала наставлять ему ветвистые рога с другом рода Вершининых – Андреем Тороповым. “Бог её достанет!”, – узнав про это, в сердцах сказала жена Андрея Полина Ивановна. И вот, сразу поняла измученная моя душа, Бог, наконец-то, достал мою мать, так и не пришедшую к нему и не окрестившую меня с братом. А ведь Павел Степанович вырастил нас с Равилем как родных сыновей, поднял на ноги, помог получить образование... Моей смертью достал Господь мою мать за неискуплённые её грехи, за блуд, а заодно достал и меня... Если бы можно было прожить жизнь иначе, с Богом!

– Есть ли хоть малая надежда на спасение? На вечное пребывание рядом с Вершиниными? – скорбно взывала к посланцам моя душа.

– Всё решится на сороковой день, – последовал ответ, – когда душа твоя предстанет перед Богом. Если в этот день святому мучениче Уару снова будет прочитана молитва по тебе...

– Если! А вдруг нет! Ведь я был так самонадеян и самоуверен в земной своей жизни: зачем мне Бог, когда я и сам неплох! Каким же идиотом был я! Мне остаётся являться во сне к несчастной моей матери и умолять её пойти в ту единственную в большом городе церковь, что способна помочь нам. Однако, надежда умирает последней: Людмила Павловна – человек добрый, она не может не вспомнить обо мне на сороковой день.

12 февраля 2012 г. пос. Юго-Камск

Жизнь по “Анастасии”

– Перед посадкой незамоченные семечки минут девять держу я во рту, потом кладу из между ладонями и держу ещё секунд тридцать, стоя босиком на той грядке, куда собираюсь посадить их. Затем открываю ладони, подношу их ко рту, выдыхаю на семена воздух из лёгких, держу их открытыми полминуты на солнце и только после этого сажу в землю. Поливаю только через

трое суток.

– А чем же это лучше обычной посадки?

– Разве вы не знаете, что каждое семечко вбирает в себя информацию о человеке? Оно будет отбирать из Космоса и Земли необходимую энергию именно для этого конкретного человека.

Услышав необычный этот разговор в уютном помещении нашей поселковой библиотеки, я невольно отвела взор от стенда с книжными новинками и не без любопытства посмотрела на собеседниц. Одна из них была знакомая мне читательница, другая – моих лет женщина – розовощёкая, скуластая, с узенькими глазами и каким-то блаженным выражением лица. Поймав мой удивлённый взгляд, она жестом пригласила меня подойти поближе и показала книгу, которую держала в своих руках как некое сокровище.

– Владимир Мегре. “Анастасия”, – глянула я на обложку.

– Не читали? – спросила незнакомка.

– Слыхать слыхала, а прочесть как-то не довелось: жила другими интересами. Да и стоит ли овчинка выделки?

– Ещё как стоит! Для меня это настольная книга, моя Библия. Я перечитывала её десятки раз и всё не могу оторваться, каждый раз открываю для себя что-то новое.

Из библиотеки мы вышли вместе и по дороге к центру посёлка быстро познакомились. Юлия, так звали горячую поклонницу “Анастасии”, поведала мне, что как только году в девяносто восьмом прочли они с мужем первые две книги Мегре, сразу же решили, что надо срочно менять сознание – жить только на лоне природы. Как водится, стали искать единомышленников. Нашли несколько семей, каждая из которых приобрела по Казанскому тракту километрах в семи от Камы по гектару земли, благо, что в те времена земля стоила недорого. И стали все садить на своих участках кедр. А вдруг они вымахают в высоту да зазвеният! Без сожаления продали Юлия с мужем свою городскую квартиру и для начала купили дом в посёлке. Не абы где, а на

окраине, на берегу речки. Посадку на огороде стали делать в точности по книге. Ели только то, что даёт человеку природа и добровольно отдают животные – яйца и молоко. Мяса – ни-ни! От рыбы тоже отказались, ведь рыбка сама человеку на стол не прыгнет!

– Почитайте “Анастасию”, – упрашивала меня Юлия. – Не пожалеете!

Мы расстались возле почты, а на следующий день перед мысленным моим взором вдруг предстала порывистая её фигура в поношенном пальто из искусственного меха, прямые пряди светло-рыжих волос, выбивающиеся из-под вязанной шапочки, и таинственно-блаженное выражение лица. Я зашла в библиотеку и взяла “Анастасию”.

– Кто вы, Владимир Мегре? – сразу же возник у меня первый вопрос при чтении книги.

В сведениях “Об авторе” говорилось, что Владимир Мегре родился 23 июля 1950-го года. Где он родился, в какой семье вырос, какое получил образование – об этом ни слова! “Биография” его сразу началась аж с поста президента Межрегиональной Ассоциации предпринимателей Сибири: “В 1994-95 годах организовал за свой счёт две крупномасштабные торговые экспедиции по реке Обь на речных судах по маршруту Новосибирск – Салехард – Новосибирск”. Далее речь шла о некоем чуде: привёз он из экспедиций то, что было невозможно оценить в денежном эквиваленте. В ряде центральных газет он опубликовал сенсационные материалы, вызвавшие широкие читательские отклики и комментарии учёных.

Чудеса начались со встречи автора книги на одной из речных стоянок с двумя местными стариками, которые упрашивали Мегре дать им человек пятьдесят, чтобы спилить Звенящий Кедр, распилить его на более мелкие кусочки и раздать всем, кто пожелает излечиться от многих заболеваний. Один из стариков для вящей убедительности показал висящий у него на груди на

верёвочке отшлифованный за многие годы кусочек кедра. Не православный крестик, тут же отметила я про себя, а языческий амулет. Как выяснилось позже, таёжные старики оказались дедушкой и прадедушкой Анастасии. Чудеса продолжились, когда во время второй экспедиции, год спустя, повествователя ожидала на берегу женщина, одетая в старенькую телогрейку и длинную юбку, обутая в глубокие резиновые калоши. То была сама Анастасия. Она предложила Владимиру показать ему Звонящий Кедр и поведала, что их семья из поколения в поколение живёт в кедровом лесу на протяжении тысячелетий: “Мы прошли, углубившись в лес километров на пять, когда она сняла с себя телогрейку, платок, длинную юбку и положила их в дупло дерева, оставшись в коротком, лёгком платице. Я был поражён увиденным. Если бы верил в чудеса, то отнёс бы происшедшее к разряду перевоплощения. Передо мной предстала очень молодая женщина с длинными золотистыми волосами и великолепнейшей фигурой. Её красота была необычна”. Такой вот языческой богиней в коротком платице явилась читателям главная героиня книги. Домом её оказалась небольшая аккуратная поляна со цветами среди величественных кедровых деревьев, а сама Анастасия живущая в лесу без жилища, почти без одежды и без всяких запасов продуктов питания, была, как объяснила она удивлённому мужчине, человеком иной цивилизации, неотъемлемой частью Природы. В доказательство “она щёлкнула пальцами, и рядом оказалась белочка, которая прыгнула ей на руку. Анастасия поднесла мордочку зверька ко рту, и белочка передала ей из своего рта зерно кедрового ореха”.

Читая книгу, не переставала я думать об оставшихся неизвестными авторах проекта, что по полной программе смоделировали свою лесную супербогиню: “Она обладает колоссальной памятью... Она концентрирует в себе жизненный опыт множества людей прошлого и настоящего. Делает это она на расстоянии с помощью невидимого луча, и те, кому она

оказывает помощь в виде подсказки решения или исцеляет, даже не подозревают о её помощи”.

– Какова же цель проекта? – размышляла я, и вот наткнулась на рассуждения Анастасии о Боге: “Бог – это межпланетный разум, интеллект. Он находится не в единой массе. Половина его во нематериальном мире, Вселенной. Это комплекс всех энергий. Вторая половина частичками рассредоточена на Земле. В каждом человеке. Тёмные силы стремятся блокировать эти частички”.

Прочтя эту ересь, тут же произнесла я “Символ веры” – слова святых отец Первого Вселенского собора: “Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа Сына Божия, Единородного, иже от Отца рожденного прежде всех век... И в Духа Святаго, Господа истинного и Животворящего, иже от Отца исходящего, иже со Отцем и Сыном споклоняема и сславима, глаголавшего пророки...”. После столь откровенно еретической трактовки Бога дальнейшие события книги уже перестали удивлять меня: и “цирковое представление” Анастасии с лесными зверями на поляне, и та лёгкость, с какой отдалась она Владимиру, чтобы по его мысленной просьбе родить от него сына, и “философские” её беседы о страшном вреде технократической цивилизации.

Мне вспомнилось, как в сентябре 2009-го года я возвращалась в поезде домой из Краснодарского края. Моими путевыми собеседниками стала супружеская пара: высокий широкоплечий Дмитрий с его женой – худенькой, голубоглазой и рыжеволосой Станиславой. Узнав о том, что я – староверка, они тут же повели речь о втором пришествии Христа и поведали мне, что Христос уже, якобы, пришёл на нашу грешную Землю. При виде моей недоумённой реакции супруги сообщили, что ранее он носил имя Сергея Торопова, художника-любителя, неоднократно бывшего в их родном Геленджике, а лет восемь тому назад взял он себе имя Виссарион, под которым теперь

известен тысячам людей.

Дмитрий мигом показал мне на экране своего мобильного несколько фотографий Виссариона, круглолицего мужчины лет пятидесяти от роду, который своими длинными, до плеч, волосами и благообразным выражением лица, действительно, косил под Христа. Изумлению моему, воистину, не было предела...

– А знаете ли Вы, – продолжал Дмитрий, – что нашу страну, как и весь мир, постигнет природная катастрофа. О ней уже написана книга ученого А.Н.Дмитриева “Огненное пересоздание климата Земли”. Там, где была суша, будут моря, а на месте океанов возникнут новые материки. Многие жители Западной Европы уже скупают земли в наиболее безопасных частях планеты.

– Самое безопасное место, – вступила в разговор Станислава, – это предгорья южных Саян в Курагинском районе Красноярского края. Там, в деревнях Петропавловка, Черемшанка, Тюхтата, Гуляевка, Можарка уже возникло большое экопоселение. Нас более пяти тысяч человек, включая иностранцев, и все мы вегетарианцы. Восемнадцатого августа мы отмечаем свой ежегодный праздник в Петропавловке, и Учитель, живущий в горах у озера Тиберкуль, спускается к нам, а четырнадцатого января мы празднуем день рождения Учителя. Скоро мы продадим свой дом в Геленджике и окончательно поселимся в Саянах. Хотите спастись – присоединяйтесь к нам!

– А как же Священное Писание и Священное Предание? Церковь и иконы? – удивленно вопрошала я.

– Нами официально зарегистрирована “Церковь последнего завета”, а “Последний завет” написал сам Виссарион, – пояснил Дмитрий. – Никаких икон и молитв у нас нет, церковью является дом с портретами Учителя. Я прожил несколько месяцев в Петропавловке и отдохнул от всей мирской суеты: там были общие трапезы, общие работы под руководством старших, общие празднества и развлечения.

Мне тут же вспомнилась знаменитая “Утопия” Томаса Мора, общие работы утопийцев под присмотром сифогрантов и их нехитрые увеселения. “Русский человек – человек идеи, – подумалось мне. – Будучи охваченный идеей очередного лжепророка, он готов отдать во имя её осуществления всё своё имущество и даже жизнь. Давно ли сошло на нет учение Порфирия Иванова с его заповедями “Детка”, закалкой-тренировкой и предельным упрощением самой сущности человека?! А ведь Иванов, ничтоже сумняшеся, тоже провозглашал своё появление не иначе, как второе пришествие Христа и обещал людям бессмертную жизнь на земле: “Люди в Господа верили как в Бога, а он сам к ним на Землю пришёл// Смерть как таковую изгонит и жизнь во славу введёт...”. Кризис в России ускорил очередное брожение умов: Дмитрий, как выяснилось из разговора, остался без работы и жил на скудные заработки жены-экскурсовода, вот и потянуло супругов в Саянскую общину Виссариона.

– Одумайтесь! – от души посоветовала я тогда своим дорожным попутчикам. – Не спешите продавать дом и имущество, дабы содержать очередного “мессию” и его штат. Придите к подлинному Христу”.

Возвращая “Анастасию” в библиотеку, я увидела, что продолжением её стала целая дюжина книжонок, читать и тратить время на которые у меня не возникло ни малейшей охоты. Я поняла, что Владимир Мегре, точнее, те, кто стоят за этим псевдонимом, как и покойный Порфирий Иванов, и Виссарион – это одного поля ягоды. Вольной или невольной их целью было разрушение фундаментальных основ Православия, духовная дезориентация русского человека, стремление увести его от подлинного спасения. Когда в начале девяностых годов двадцатого века марксистско-ленинская философия рухнула в массовом сознании, опустевшую идеологическую нишу мигом заполнили труды Елены Блаватской, “Живая этика” Рерихов,

“Дианетика” Рона Хаббарда и прочие лжеучения, от коих едва ли не ломились полки книжных магазинов. Как тут было не вспомнить “Нагорную проповедь”, где прямо сказано: “Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри они – волки хищные. По делам их узнаете их”.

Вторая моя встреча с Юлией состоялась в помещении бывшей заводской, а ныне арендуемой частником столовой, куда зашла я за вкусной выпечкой местных кондитеров. Юлия заказывала пироги, чтобы вместе с соседями скромно отметить девятый день со времени кончины её сына. Оказалось, что неделю назад живший в Перми младший её сын, двадцатитрёхлетний парень, будучи в нетрезвом состоянии, выбросился с балкона восьмого этажа общежития, куда попал он на вечеринку к своим друзьям. Да и со старшим сыном ситуация складывалась непростая: он перебивался случайными заработками и сожительствовал с пьющей женщиной. Лицо несчастной матери было печально отрешённым:

– Эх, не посадили оба они вовремя свои вишенки. Тогда светлые силы через эти деревца создали бы им пространство любви, как говорила о том Анастасия.

– Поймите, Юлия, – твёрдо возразила я, – что книги Мегре – это специально сработанный проект, лишаящий человека спасения во Христе.

– Что же плохого в посадке кедров, в любви к растениям и земле, в простой пище, в пророщенных зёрнах, которые едим мы с мужем вместо мяса?

– В самих этих действиях ничего плохого нет, а вот для авторов проекта они послужили лишь закваской для приготовления духовной отравы, для изменения и порчи сознания людей.

Юлия недоверчиво покачала головой, и прежнее блаженное выражение вновь промелькнуло на её лице. Она до сих пор не могла понять, что именно выбранная ею жизнь по “Анастасии” привела её детей к краху. Помогите ей, Господи, мысленно

попросила я, твёрдо веря, что только по промыслу Божию даётся нам противоядие от всякого яда.

17 марта 2012 г. пос. Юго-Камск

Поединок

– Это что ещё за борода?

В лагерной столовой новому зам начальника Науму Слуцкеру сразу же бросился в глаза высокий худощавый мужчина лет пятидесяти, который медленно жевал крошечную краюшку хлеба, запивая её тёплой, чуть подслащённой водой из кружки. Тихое спокойствие и внутреннее достоинство таилось в правильных чертах его красивого типично русского лица. Длинные тёмно-русые волосы были собраны в пучок, а на грудь опускалась слегка посеребрённая сединой окладистая борода.

– Старообрядческий протоиерей отец Савватий, – нехотя ответил начал Борис Ковалёв, не ожидая ничего доброго в проявленном замом интересе к старOVERу.

– По какой статье был обвинён?

– Судимый по 58-й статье, пункт 10 11, но виновным себя не признал.

– Все церковники – ярые враги Советской власти. Почему этот не ест общую со всеми еду?

– Строго соблюдает Великий пост, почти ничего не ест.

Внезапный перевод Слуцкера из областного центра в северный этот лагерь казался ему обидным, незаслуженным понижением его, ревностного сотрудника ОГПУ, в должности, и он искал, на ком можно было бы сорвать всю накопившуюся в душе многодневную злобу. СтарOVER был самой подходящей для этого фигурой.

– Привести ко мне в кабинет, – распорядился новый зам.

Вскоре после обеда охранник ввёл о. Савватия в кабинет Слуцкера. Тот властным жестом повелел ему занять место на столом напротив себя, а лагерьный повар мигом поставил на стол

большую тарелку с сочным, источающим вкуснейшие запахи бифштексом и овощным гарниром.

– Я новый зам начальника, отец Савватий, – приторно ласковым голосом начал свою речь Слуцкер, подумав при этом не без удовлетворения, что затеянная им игра в кошки-мышки началась.

– Звать меня Наум Лазаревич. О многом хотелось бы потолковать с вами. Только что видел я в столовой, как скуден ваш паёк. Для начала прошу отведать моего угощения. Кушайте, не стесняйтесь!

– Благодарствую, товарищ зам начальника, – глубоким звучным голосом ответил старовер, но только вечную жизнь на кусок мяса я не променяю. Прикажите отнести это в госпиталь, отдать тем больным, кто совсем ослаб. Великий пост – время для добрых дел.

– Так, значит, не будешь есть сам?

– Не буду.

– Ах ты, гад! – Слуцкер схватил со стола тарелку с едой и бросил её в лицо о. Савватию. Тот еле успел увернуться, тарелка со звоном раскололась о стену, дорогая по лагерным меркам еда высыпалась на пол. Не сдержав ярости, точно зверь, бросился новый зам на протоиерея и принялся избивать его. На шум подскочил Ковалёв, с трудом оттащил Слуцкера от его жертвы и жестом велел о.Савватию удалиться.

– Ты чего разошёлся, Наум Лазаревич! Едва успел приехать, как свои порядки наводишь! Он у меня работает санитаром на кухне и в госпитале, еду делит справедливо между всеми, да и от лагерных работ не уклонялся. Его даже урки уважают за честность. Теперь таких людей днём с огнём поискать! А ещё слышал я краем уха, что в верхах готовится большое послабление для всех арестованных попов. Так что осторожней с ним. Как бы чего не вышло!

– Пригрел ты, как я вижу, Ковалёв, ярую контру. Это как бы у тебя чего не вышло! – хлопнул дверью Слуцкер. И всё же сломя я тебя, проклятый поп, думал он, уходя, отыщу твоё слабое место

и ударю в него. Забудешь про Бога и будешь просить у меня пощады. Поиграю с тобой, как кот с мышкой.

Из разбитого рта о.Савватия текла тонкая струйка крови. Он молча вытер её чистой тряпицей и отправился в свой барак, тихо шепча: “Господи Иисусе Христе сыне Божии, помилуй мя грешного!”. Соседом его по нарам был шестидесятилетний священник-новообрядец отец Михаил из вятской глубинки. Увидев избитого о. Савватия, он тут же принёс ему кружку с водой и стал участливо расспрашивать, что с ним случилось.

– Эх, отче! Не обмирщение ли да падение духа в никонианской церкви привели к тому, что к приходу 1917-го года лежала она в расслаблении? Призывы ваших архипастырей встать на защиту Церкви и веры не возымели действия. Великое оскудение веры было в народе, вот и попустил нам Господь эту власть. Но на всё воля Божия – и раньше христиане неизреченно терпели”. Умыв лицо водой, о.Савватий принялся читать каноны.

2

Дня два детально изучал Наум Слуцкер все присланные ему материалы по староверам, тайком наблюдая при этом за действиями протоиерея. О.Савватий, как мог, помогал заключённым: молился в бараке о их здравии, силой своего духа постоянно ободряя всех. На третий день новый зам снова вызвал к себе своего противника и, разложив на столе бумаги, язвительно спросил его:

– Почему ты сразу же не признал себя виновным? Вот твоё личное дело. Там прямо сказано: руководство антисоветской организацией церковников, действовавшей на территории Очерского района, проведение антисоветской пропаганды и агитации среди верующих.

– Декрет объявил имущество церковных организаций собственностью государства. Я никак не мог согласиться с этим, но антисоветскую организацию не создавал и пропаганду не вёл.

Кесарю – кесарево, а Богу – Богово.

Слуцкер был осведомлён о том, что курение считалось у староверов тяжким грехом. Не спеша, он закурил папиросу и, стараясь пускать клубы дыма прямо в лицо протоиерею, продолжил допрос:

– В 1928-м году ты был судим на шесть месяцев исправительно-трудовых работ, в 1932-м приговорен на пять лет лишения свободы, после был освобожден по кассации, а в тридцать восьмом снова взят. Опять скажешь, что невиновен? В деле есть показания, что ты категорически выступал против вступления граждан в ряды “Союза воинствующих безбожников”, руководимым Емельяном Ярославским?

– Сей бес в человеческом облике принимал в свой “Союз” даже четырнадцатилетних отроков, чтобы с их помощью стереть с лица земли русской тысячи церквей и сотни монастырей, – твёрдо ответил о.Савватий. – Ими безжалостно уничтожались старинные книги и иконы, церковная утварь. Надругались они и над могилами многих священников. Как же мог я молчать в лихое время войны с русским Православием и культурой?

– На что намекаешь, поп? На мою национальность? Скоро в стране не останется ни русских, ни татар, ни башкир, ни евреев, будут только марксисты-интернационалисты. А ещё неоднократно высказывался ты против “незаконности” гражданского брака. Было такое?

– Как же мог я, будучи священником, поощрять блуд?

– В деле сказано, что ты выступал против создания колхозов. Признаёшь свою вину?

– Я предупреждал, что колхозная жизнь может окончательно разорить крестьян. Особенно тех, кто раньше жили зажиточно.

Слуцкер, злобно ухмыляясь, раскрыл ещё одну папку с бумагами:

– Известно ли тебе, поп, как вели себя староверы в Гражданскую войну? Могу напомнить некоторые факты. В 1919-м году

старообрядческий съезд Пермской епархии обратился с призывом к Колчаку: “Да поможет вам Всевышний на избранном вами тернистом пути донести взятое бремя до сердца России – Москвы и очистить святыню русскую от коммунистической мерзости”. А Колчак тут же написал им в ответ: “Глубоко тронут приветствиями епархиального съезда старообрядческой Пермской епархии, жду от деятелей его активной и положительной работы по борьбе с большевизмом и его влиянием в русском быту, одним из хранителей чистоты которого искони было старообрядчество”. Известно ли тебе, что старшим старообрядческим священником у Колчака был о. Иоанн Кудрин?

О.Савватий молчал, мысленно творя молитву и вспоминая лозунг 20-30-х годов: “Борьба против религии – борьба за социализм!” Нас заставляют забыть Родину, вспомнил он слова из статьи, прочитанной незадолго перед арестом, заменить борьбу за Отечество борьбой за углубление революции. По Марксу, для рабочего нет и не должно быть Родины и национальных стремлений, все эти понятия он должен выкинуть из своей головы ради союза рабочего класса всего мира. Ради интернационала, благодаря которому и гибнет Россия.

– А вот тебе текст листовки сибирских староверов: “Товарищи красноармейцы! Посмотрите, что делается в ваших родных гнёздах, в ваших родных сёлах и деревнях, что делается с вашими родными отцами и братьями, матерями и сёстрами? У них отбирают хлеб, картофель, мясо, овощи. Уводят скот, лошадей, коров, овец, забирают даже одежду и бельё. А самих гонят на работу, замучили разными нарядами и приказами. Разве вы из-за этого воевали, проливая свою кровь. Вернитесь к своим родным домам и стойте за свои родные гнёзда”.

– Коли уж вы, товарищ зам начальника, – тихо сказал о. Савватий, – собрали все эти материалы, то добавлю к ним, что самыми зажиточными до революции были именно крестьяне староверы. А как отнеслась к ним советская власть? Оперуполномоченные

приезжали в деревни, увозили или расстреливали священников, а после начинали грабить крестьян.

– Грабить?! – рявкнул Слуцкер. – Скажи, кто из них добровольно отдал хлеб голодающим рабочим в городах и красноармейцам на фронтах?

– Не будь революции, не было бы и голода. Россия-матушка веками кормила себя.

– Не будь революции!?! Вот ты, контра, себя и выдал! Для начала ты расстанешься с бородой, а скоро – и с жизнью.

По знаку Слуцкера в кабинет быстро вошли трое дюжих охранников, двое из них заломили о.Савватию руки за спиной, а третий заранее припасёнными ножницами принялся кромсать ему бороду.

– Товарищ зам начальника! – крикнул протоиерей, ища взглядом бегающие глаза своего гонителя. – Вспомните, что Великий пост на дворе, что всем надлежит сохранять смирение и терпение, что нельзя так глумиться над священником-старовером! Побойтесь гнева Божия!

Слуцкер подскочил к нему, рванул на груди рубаху и, увидев нательный крест, в ярости потянул его на себя, пытаясь порвать гайтан. И вдруг точно острой иглой кольнуло ему в сердце. “Воды!” – пошатнувшись, прохрипел он. Охранники, державшие о.Савватию, тут же бросились на помощь к заму, осторожно усадили его в кресло, а третий побежал за лагерным врачом.

– Я при-ст-ре-лю тебя, проклятый поп! – Слуцкер попытался достать наган из кобуры, но пальцы не слушались его.

– Не волнуйтесь, Наум Лазаревич! – шепнул ему один из охранников. – Мы сделаем это сами. Нынче же. И скажем, что был убит при попытке к бегству.

Вбежавший в кабинет зама Борис Ковалёв мигом оценил обстановку, глянул на о.Савватию в разорванной рубахе, с безобразно искромсанной бородой и яростно потряс перед лицом Слуцкера листком бумаги:

– Срочный приказ товарища Сталина! Освободить всех священнослужителей ещё до Пасхи! В связи с надвигающейся угрозой войны народу понадобятся все духовные ресурсы. В том числе – и религия. Так что, отец Савватий, ты теперь свободен вместе с батюшкой Михаилом. Собирай вещи, готовься к отправке домой.

– Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе всяческих ради! Слава, Господи, Кресту Твоему Честному! Благодарствую, Борис Ефимович, за благую весть!

Страшный хрип вырвался из груди Слуцкера. Он забился в своем кресле и тут же затих.

– Обширный инфаркт! – поставил диагноз подоспевший лагерный врач. – И похоже, Борис Ефимович, что с летальным исходом. А ведь ещё сегодня с утра ходил здоровёхонек! Чудеса да и только!

Шла Страстная неделя весны тысяча девятьсот сорокового года. Был Великий четверг – канун Пасхи.

24 марта 2012 г. пос. Юго-Камск

Часть вторая

Путевые раздумья

Впечатления от двух сельских литературных музеев

В конце века минувшего и начале нынешнего, двадцать первого, мне как филологу и литератору довелось посетить Пушкинские Горы, Ясную Поляну, Тарханы, Спасское-Лутовиново, Константиново, Мару, где прошли лучшие годы жизни Е.А.Боратынского, сибирскую Овсянку, станицу

Вёшенскую на Дону, Шукшинские Сростки на Алтае, Аксаковские места в Уфе и на севере Оренбуржья. Возрождение, воссоздание и развитие в России десятков и сотен литературных музеев, городских и сельских, стало в эти времена одним из действенных “ответов” русской культуры на “вызовы” духовно-нравственной катастрофы, постигшей нашу страну в трагическом XX веке в небывалых ранее масштабах. Особенно в 20-30 годах, когда воинствующими русофобами по всей стране разрушались тысячи церковных храмов и планомерно уничтожались лучшие памятники культуры. Теперь, к счастью, большинство из них восстановлены, но пребывают они отнюдь не в равных условиях. В крупных городах и районных центрах литературные музеи финансируются из областного, а порой и федерального бюджета и формируют пространство культуры наряду с театрами, библиотеками, концертными и выставочными залами. В условиях села, как довелось мне убедиться, подобный музей нередко является единственным культурным очагом, одухотворённым “тением местности” – писателем, именем которого он назван, и развивается только благодаря усилиям энтузиастов-подвижников.

Летом 2004-го года посчастливилось мне посетить два сельских литературных музея: музей-заповедник С.Т.Аксакова в Бугурусланском районе Оренбургской области и дом-музей В.П.Астафьева в родном его селе Овсянка Красноярского края. Два эти уникальные очага культуры, находящиеся на весьма неблизком расстоянии друг от друга, имеют ряд общих проблем для дальнейшего своего развития. Хочется особо отметить, что и Сергей Тимофеевич Аксаков, и Виктор Петрович Астафьев были писателями государствообразующими, духовно освоившими огромные пространства Оренбуржья и Восточной Сибири. После выхода в свет главных их произведений эти места получили мощный импульс и для последующего экономического освоения да навсегда прочно закрепились в сознании русских людей как обжитые территории их обитания.

Привожу дневниковые записи своей поездки в Аксаковский музей-заповедник.

12.06.2004. Аксаково. Прохладный, серый, ветреный день, только что прошёл дождь. Бродить по парку и его окрестностям сыро и неудобно, но я не сетую на судьбу, напротив, благодарю Бога, что он дал мне возможность добраться сюда. Позади остался пятичасовой переезд на поезде от Уфы до Бугуруслана и суматошная поездка в Аксаково в переполненном, забитом до отказа “пазике”, где всю дорогу пассажиры и водитель крыли друг друга отборным матом. Однако, несмотря на все испытания, я добралась до места.

Сразу же догадалась я пройти к дому директора музея Сергея Ивановича Хиля, представилась ему, была тепло встречена, а чуть позже осмотрела с его женой, Тамарой Петровной, музей-заповедник, произведший на меня самое отрадное впечатление. Я была размещена во вновь отстроенной гостинице возле музея, а вечером мы впятером собрались в её холле: Сергей Иванович с супругой, сестра её Валентина Фёдоровна, главный хранитель фондов музея Корюкина Надежда Николаевна да я. Угощением нам послужили варёная картошка, зелёный лук, домашние куриные яйца и сало. Радужный хозяин выставил на стол домашний самогон отличного качества, и мы до позднего вечера говорили о проблемах музея да и всей русской культуры. А утром меня разбудило пение птиц в Аксаковском парке: я проснулась в состоянии полнейшего счастья от своей осуществлённой мечты, умылась, помолилась, позавтракала и села за записи.

Я узнала, что село Аксаково – одно из старейших в Оренбуржье – было основано в 60-х годах 18-го века дедом писателя, симбирским помещиком Степаном Михайловичем Аксаковым. Оно находится на севере Оренбуржья, в лесостепной зоне, в долине небольшой речки Бугуруслан, окружённой с двух сторон безлесыми холмами, среди которых выделяется голая вершина Челябинской горы. В этом селе прошли детские годы

Сергея Тимофеевича, воссозданные в его книгах. В 1814-м году по инициативе Марии Николаевны с селе стала строиться церковь Знамения Божьей Матери, возле которой впоследствии были погребены родители писателя. В 1932-34-х годах церковь была разрушена, и сейчас на её месте стоит сельский клуб, что является полным кощунством по отношению к роду Аксаковых. Судьба барского дома была драматична, как и судьбы многих дворянских гнёзд: в начале XX века дом был разграблен, потом разрушен и возле него была построена школа, о чём с горечью писал Владимир Солоухин в очерке “Аксаковские места”, созданном им в 1991-м году по случаю 200-летнего юбилея Сергея Тимофеевича. Теперь, к счастью, это школьное здание снесли и построили новое, добротное, двухэтажное – на въезде в село, а на месте разрушенного дома отстроили новый – по сохранившимся описаниям и чертежам.

Сергей Иванович, полный седовласый мужчина с крупными чертами лица, понравился мне осознанием своей миссионерской задачи – развитием аксаковского музея-заповедника. Несомненно, он – стратег по уровню мышления. Это по его инициативе за последние два года была построена гостиница. Это он наладил сотрудничество с аксаковским обществом охотников в Москве и с аксаковским столичным рестораном, готовым покупать чистую воду из “барского” источника. А впереди просматривалась грандиозная задача – восстановление всего аксаковского заповедника.

Вечер. Продолжаю записи, сидя на железнодорожном вокзале в Бугуруслане. Позади остался день ярких, незабываемых впечатлений. Правда, с погодой мне не повезло: тучи накатывали одна за другой, поливая обильными дождями аксаковские места, однако, милейший Сергей Иванович показал мне старинный парк с липовой аллеей, – под сводами этих лип гулял в детстве юный Серёжа Аксаков, – а чуть позже съездил со мной на музейной машине к “барскому” источнику – месту чудеснейшему,

живописному, где мы сфотографировались на память, и я наполнила целебной водой пластиковую бутылку.

Вода этого источника насыщена особыми ионами серебра, не зря её при жизни хозяев дома привозили в бочках к барскому двору! Никогда ранее не пила я столь вкусной и целебной воды! Потом мы посмотрели с горы на панораму Аксаково, и я увидела место, где некогда были пруд и мельница. Пруд спущен, его надобно восстанавливать, как и мельницу, и церковь, на месте которой стоит клуб. И всё-таки гений местности – дух нескольких поколений этой удивительной семьи – живо ощутим в Аксакове.

Во второй половине дня я ещё раз внимательно прослушала экскурсию, проведённую Надеждой Николаевной для приехавшей в музей-заповедник группы медицинских работников. В восстановленном доме две анфилады комнат: восточная и западная, окна которой выходят в парк. В восточной – комната деда, комната бабушки и девичья, где жили слуги. В западной – комната Марии Николаевны, обставленная изящно, со вкусом, присущим её хозяйке, детская, где нашлось место удочкам, и гостиная. Нигде нет ленточек, верёвочек и музейных витрин, специально сохранён “эффект присутствия”; кажется, что хозяева на какое-то время вышли в парк, а гости тем временем осматривают их жильё.

Сейчас музей-заповедник С.Т.Аксакова благодаря стараниям его сотрудников во многом приобрёл первозданный вид. В дни святок и других традиционных праздников туда приходят школьники всего села, их ласково встречает “дядька Евсеич”, а сидящая за прялкой “Пелагея”, Валентина Фёдоровна, рассказывает им сказки. Тут же, в гостиной музея, для детей разыгрываются сцены из “Аленького цветочка”, устраиваются концерты и спектакли. Сотрудники музея радушно встречают посетителей из всех уголков России, ближнего и дальнего зарубежья. В Аксаково постоянно проводятся встречи с писателями и научно-практические конференции всех уровней,

но проблем развития музея на сегодняшний день больше, чем достаточно. Вместе с тем я узнала, что памятник культуры федерального значения является музеем четвёртой категории, который финансируется из районного бюджета, а зарплата директора составляет всего-навсего 2300 рублей. Усилиями подвижников сделано немало, однако, нет средств на восстановление прудов и церкви, без которых уникальный музей-заповедник будет неполон. Колхоз в селе Аксаково, как выяснилось, находится на грани развала, многие жители села остались без работы, поэтому восстановление церкви, прудов и лицензированная продажа воды из "барского" источника могли бы остановить процесс распада села.

Долго размышляла я о том, почему значение творчества С.Т.Аксакова в современной духовной ситуации продолжает возрастать. Вспоминала слова Михаила Пришвина, что "Аксаков – это наш Гомер...", вспоминала главную мысль очерка В.А.Солоухина: книги Аксакова помогают людям в наше нелёгкое время обрести душевное здоровье, благостно воздействуют на семейное воспитание. Особенно привлекателен для меня был образ матери будущего писателя, а один из любимых моих эпизодов в "Семейной хронике" начинался так: "Утро, праздничное, великолепное майское утро, со всею прелестью полной весны...обхватило Софью Николаевну и подействовало на неё живительно...Появление невестки удивило свёкра и обрадовало. Её свежее лицо, блестящие глаза, убор волос и щегольское утреннее платье не показывали, чтобы невестку разбудили, чтобы она вскочила со сна и, не выспавшись, не прибравшись, неряхой прибежала к своему свёкру. Степан Михайлович любил живых, бодрых и умных людей; всё это находил он в Софье Николаевне, и всё это очень ему нравилось...С удовольствием смотрел старик на эту прекрасную молодую женщину, не похожую на всё его окружающее, у которой дело так и кипело в руках".

В семье родителей писателя, Тимофея Степановича и Марии Николаевны, было шестеро детей. Эта родительская установка на многодетную семью сохранилась у старшего их сына. Сергей Тимофеевич вместе со своей женой Ольгой Семёновной вырастили и воспитали четырёх сыновей и шестерых дочерей, большинство из которых – Константин, Иван, Григорий, Вера – были высокоодарёнными и обаятельными людьми, ставшими гордостью России. На гербе Аксаковых было изображено сердце, пронзённое стрелой – символ любви – и два вооружённых воина, что означало – “нежность и мужество”. Все в семье и в роду любили друг друга. Серёжа писал из Казани деду: “Добрый день, милый дедушка..”, Надежду называл “милой сестрицей”. Константин не смог долго пережить смерть отца, к которому был он так же сильно привязан, как Сергей Тимофеевич – к матери, главной героине “Семейной хроники”. Несколько поколений удивительной семьи Аксаковых созидали во благо Отчизны.

В настоящее время творчество С.Т. Аксакова встало в один ряд с такими гениями отечественной прозы, как А.С.Пушкин и И.С.Тургенев, Н.В.Гоголь и Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой и А.П.Чехов. Его произведение “Буря”, опубликованное в конце 1833-го года, оказало существенное воздействие на главное пушкинское творение в прозе – “Капитанскую дочку” /1836/, его “Записки ружейного охотника Оренбургской губернии” предвосхитили появление “Записок охотника” Тургенева, а православная направленность “Семейной хроники” благотворно повлияла на лучшие творения Гоголя, Достоевского, Толстого. Но главная заслуга Сергея Тимофеевича в том, что он стал основоположником целого литературного жанра – русской биографической и автобиографической прозы о детстве: “Детские годы Багрова-внука” породили великолепную традицию – “Детство. Отрочество. Юность.” Л.Н.Толстого, “Детство Тёмы” Н.Г.Гарина-Михайловского, “Детство Никиты” А.Н.Толстого,

“Жизнь Арсеньева” И.А.Бунина, “Лето Господне” И.С.Шмелёва, “Детство. В людях. Мои университеты.” А.М.Горького, “Времена” М.А.Осоргина, “Последний поклон” В.П. Астафьева.

Вернувшись домой из Аксаково и Уфы, я резонно подумала о том, что для восстановления первоначального облика музея-заповедника надобна поддержка Министерства культуры и Русской Православной Церкви. Сразу же, по свежим своим впечатлениям, написала я письма министру культуры и Патриарху Всея Руси Алексию Второму о необходимости их срочной помощи в создании “Аксаковского кольца” Оренбуржья и Башкирии, но никаких ответов так и не получила.

В июле 2004-го года во время непродолжительного, но памятного путешествия по Восточной Сибири я посвятила целый день осмотру Овсянки. Женщина-экскурсовод, узнав, что я приехала из Перми, где прожил несколько лет В.П.Астафьев, и что я знакома с Л.В.Мишлановой, пермским краеведом и подругой Марии Семёновны, показала мне всё, что называется, по полной программе. Мне как филологу было приятно узнать, что на улице Щетинкина совсем недавно был открыт музей повести “Последний поклон” или дом бабушки Екатерины, где прошли самые счастливые детские годы будущего писателя. Теперь это музей крестьянского быта, где в избе, в соответствии со страницами повести, точно воссоздан тот самый интерьер, который запомнил на всю жизнь юный Витя. Тут же находятся надворные постройки и небольшой огород, заставляющий вспомнить астафьевскую “Оду русскому огороду”, что помогал его хозяевам выжить в трудные времена. Наискосок от дома бабушки Екатерины стоит мемориальный дом-музей В.П.Астафьева – маленький, скромный, состоящий из кухоньки, кабинета, гостиной да комнаты для гостей в сенях. Во дворе – памятник хозяину и хозяйке, Марии Семёновне Корякиной-Астафьевой. Скульптор Владимир Алексеевич Зеленев сделал его ещё при жизни писателя в 1988-м году, он изваял супружескую

чету сидящей на скамейке в разгар лета. Памятник очень понравился Виктору Петровичу, и было решено поставить его в Овсянке, во дворе дома-музея. Ещё одну достопримечательность двора – сибирский кедр – сажал сам Астафьев, но дерево заболело после смерти писателя. В скромном доме-музее писателя побывало много знаменитых людей: здесь был А.И.Солженицын, возвращавшийся из Америки в Россию, был М.С.Горбачёв, В.В.Путин, В.Г.Распутин и многие-многие другие. Внутреннее убранство мемориального дома-музея подчёркнуто аскетично: в кабинете обращает на себя внимание большой письменный стол, за который с раннего утра садился работать Астафьев, а в гостиной – простые кресла и две кровати для отдыха. Правда, сейчас музей пополнился личными вещами, сувенирами и подарками, сделанными писателю в разные годы его жизни.

Впечатление об Овсянке было бы неполным без посещения великолепной, пока что единственной в России библиотеки-музея В.П.Астафьева, построенной по проекту известного красноярского архитектора Арэка Саркисовича Демирханова. В ней собраны почти все издания книг писателя, представлена в аудио и видеоматериалах вся история его нелёгкой жизни и творческой деятельности. От библиотеки идёт спуск к Енисею, красота и мощь природы у берегов которого буквально ошеломляет

всех, кому довелось побывать в Овсянке и почтить память писателя. Холодная река со стремительным, быстрым течением и стоящие по обеим её берегам лесистые и скалистые горы надолго остаются в памяти. Не зря Енисей воспет во многих произведениях Виктора Петровича. А завершает путешествие по Овсянке осмотр часовни, построенной на деньги В.П.Астафьева, который в последние годы своей жизни почти вплотную подошёл к идеям и ценностям Православия в его неискажённой староверческой ипостаси..

Дальнейшее развитие мемориального дома-музея

В.П.Астафьева напрямую зависит от количества его посетителей, особенно в осенне-зимний период. Перед сотрудниками музея остро встают те же самые финансовые проблемы, что и перед их коллегами из других сельских литературных музеев: мизерная заработная плата, нехватка средств на обновление экспозиций, приобретение экспонатов, организацию и проведение научно-практических конференций. И здесь неоценимую помощь развитию музеев призваны оказать учителя русского языка и литературы, вузовские преподаватели литературы, журналисты, писатели и ученые, из чьих уроков, лекций и статей школьники и взрослые смогли бы получить интереснейшую информацию о жизни и творчестве С.Т.Аксакова, В.П.Астафьева и других великих русских писателей.

Большой интерес мог бы вызвать мотив преодоления испытаний, выпавших на долю С.Т.Аксакова и В.П.Астафьева. Сергей Тимофеевич стал создавать свои лучшие произведения на седьмом десятке жизни, будучи слепнувшим от прогрессирующей болезни глаз, однако он сумел во многом преодолеть свой недуг, а, когда не смог писать сам, диктовал содержание своих будущих книг дочери Вере. Виктор Петрович Астафьев рядовым прошёл всю Великую Отечественную войну, был ранен, ослеп на один глаз, но стремление донести до читателей все свои жизненные впечатления, весь свой опыт и размышления было настолько велико, что от простого сельского парня, “весёлого солдата” он прошёл самый сложный путь до всемирно известного писателя.

Будучи в Овсянке, я не могла не подумать о том, что В.П.Астафьев является одним из тех великих русских писателей XX века, чьё творчество запечатлело наиболее драматические периоды отечественной истории: процесс раскулачивания и раскрестьянивания наиболее трудолюбивого слоя земледельцев и гибели традиционного деревенского уклада, трагедию народа на войне, проблему тяжелейшего детства и сиротства,

экологическую и нравственную катастрофу 70-80-х годов минувшего столетия. Большинство произведений писателя были глубоко выстраданы им и возникли на основе его собственного жизненного опыта.

Я вспомнила, что Виктор Петрович Астафьев родился 1 мая 1924-го года в селе Овсянка Советского района Красноярского края в крестьянской семье, впоследствии подвергшейся раскулачиванию, а умер писатель 23 ноября 2001-го года в Красноярске. В детстве довелось ему испытать участь беспризорника, воспитываться в детдоме, а затем рядовым пройти всю войну. По окончании войны поселился он на родине жены, Марии Семёновны Корякиной-Астафьевой в городе Чусовом тогда ещё Молотовской области. Наш Пермский край стал местом его творческого становления. Писать он начал с 1951-го года. В 1951-55-х годах был литсотрудником газеты “Чусовской рабочий”, в которой напечатал свой первый рассказ, а в 1961-м году окончил Высшие литературные курсы в Москве. В 1953-м году появился сборник рассказов писателя “До будущей весны”, за которым последовали повести и романы: “Стародуб” – 1959, “Звездапад” – 1960, “Кража” – 1966, “Последний поклон” – 1971-1992, “Ода русскому огороду” – 1972.

Для всех произведений Виктора Астафьева характерно философское осмысление предназначения человека в мире, поэтому так часто писатель обращался к темам любви и смерти, поведения людей в экстремальной ситуации. Много размышлял писатель об особенностях характера русского человека, о нравственности, милосердии, отношении к природе, что проявилось в полную мощь в одном из лучших его произведений “Царь-рыба” (1976), получившем Государственную премию СССР.

Литературный критик Наталья Иванова в предисловии к роману “Прокляты и убиты”, названном “Ярость слова”, отметила следующие особенности творчества писателя: “Виктор Астафьев

прожил сосредоточенную, плодотворную (пятнадцать томов! писали, не гуляли), но в то же время не спокойную, конфликтную жизнь в литературе. Он менял свои идейные предпочтения и вкусы. Он пробивался к свету с самой низкой точки – с голой почвы, на которой ничего не было для него построено. Сиротство, бродяжничество, заполярный детдом. Ремеслуха. Солдат, шофер, связист – это война. Вечерняя школа. Газета... Он все построил сам: создал, выстроил, вытянул к небу свой дом и насадил свой книжный сад. Несмотря на мрак и безысходность той судьбы, которая была уже ему приурочена обстоятельствами существования, где пропасть, спиться, сойти с круга было проще и закономернее всего. Жизнь и труд Астафьев – это сопротивление. Все сделанное им сделано вопреки уготованному ему “проекту”.

Характер Астафьева – и человеческий, и литературный – протестный. Против: лакировочной и облегченной беллетристики о войне. Против: столичной спесивости и снобизма. За: правду о прожитом. За: ненарушаемое единство человека с природой. За: одухотворение сердца, радость каждому проблеску красоты.

Жестокий писатель: нет для него героики на войне, а есть полный разрыв со стереотипами и клише военной прозы. Бескомпромиссный писатель: не нуждается ни в чем, кроме как в выражении собственной мысли. Одинокий писатель. Очень русский писатель”. Вся атмосфера сельского литературного музея в Овсянке в полной мере подтверждает эти слова.

Формирование характеров школьников да и взрослых людей на примерах великих жизней русских писателей – это ли не одна из актуальных задач нашего времени, и здесь неоценимую помощь может оказать посещение ими литературных музеев, роль которых должна возрастать в XXI веке.

2004-2010 гг.

Тайна “Тихого Дона”

– До Вёшек? – буднично спросил шофёр, открывая багажник автобуса.

– До Вёшек! – со счастливой улыбкой на лице подтвердила я, запинаясь в распыленный зев свою дорожную сумку.

Для него, водителя большого транзитного автобуса, шедшего из Луганска через Миллерово, это был обычный рейс, один из многих в его многотрудной шофёрской жизни, для меня – первая и долгожданная поездка в Шолоховский музей-заповедник, знаменитую на весь мир станицу Вёшенскую. За многие годы преподавания литературы мне довелось побывать в Пушкинских горах, Ясной Поляне, Тарханах, Спасском-Лутовинове, Маре, Аксаково, Овсянке, и везде взаимосвязь родных для писателей пенат с созданными в них шедеврами прослеживалась по-своему, но здесь случай был особый: главный мучивший меня вопрос сводился к одному, кто же всё-таки написал “Тихий Дон”?

Ни к одной из предыдущих поездок я не готовилась столь тщательно: неоднократно читая и перечитывая роман, выписывая в первом разделе своей рабочей тетради все встречающиеся там географические названия, во втором, – возраст героев романа и его главные исторические события, в третьем – упоминания о литературных произведениях, встречающихся в тексте, в четвертом – всё, что касалось православной символики и культуры, в пятом – художественные детали, могущие пролить свет на время создания эпопеи. В моей папке лежали две статьи с сенсационными точками зрения на проблему, которые я и собиралась показать работникам музея, дабы узнать их суждения на сей счет.

По дороге не без волнения смотрела я на неброские пейзажи, открывающиеся мне из окна, на донскую землю, обильно политую в минувших столетиях казачьей кровью, но видела лишь поля подсолнухов, сбитые в невысокие перелески акации да бескрайние степи. Сердце забилося при виде

бронзовой статуи конного казака, стоящей на вершине кургана, и, чуть позже – бронзового орла с раскинутыми крыльями, надпись под которым гласила, что в 2005-м году отмечалось столетие со дня рождения Михаила Александровича Шолохова.

Сомнения в том, что именно он был автором гениальной эпопеи, зародились у меня давно, едва ли не со студенческих лет, но в поисках истины я, как водится, металась из одной крайности в другую. И вот, глядя в окно автобуса, я в сотый раз перебирала в уме пять основных версий. Первая, официальная, сводилась к тому, что всё, вышедшее из-под пера Шолохова, написал он и никто другой. Интуиция подсказывала мне: тут что-то не так, тут есть некая тайна, которую необходимо разгадать. Поначалу разгадка казалась простой: Шолохов во время гражданской войны нашел дневники белогвардейского офицера и, обладая литературным талантом, сумел воспользоваться найденным сокровищем по максимуму. Такова была вторая версия, которую я вскоре отбросила за недостатком доказательств. Третья базировалась на авторитете А. И. Солженицына и изысканиях И.Н. Медведевой-Томашевской, вылившихся в книгу “Стремя “Тихого Дона”. В предисловии к ней под названием “Невырванная тайна” Александр Исаевич кратко и ёмко высказал то, над чем бились многие умы: “С самого появления своего в 1928-м году “Тихий Дон” протянул цепь загадок, не объясненных и по сей день. Перед читающей публикой проступил случай небывалый в мировой литературе. 23-летний дебютант создал произведение на материале, далеко превосходящем свой жизненный опыт и свой уровень образованности (4-х классный). Юный продкомиссар...опубликовал труд, который мог быть подготовлен только долгим общением со многими слоями дореволюционного донского общества, более всего поражал именно вжитостью в быт и психологию тех слоев... Автор с живостью и знанием описал мировую войну, на которой не бывал по своему десятилетнему возрасту, и гражданскую войну,

оконченную, когда ему исполнилось 14 лет... Книга удалась такой художественной силы, которая достижима лишь после многих проб опытного мастера, но лучший 1-й том, начатый в 1926-м г., подан готовым в редакцию в 1927-м, через год же за первым был готов и великолепный 2-й, и даже менее года за 2-м был подан и 3-й, и только пролетарской цензурой задержан этот ошеломительный ход. Тогда – несравненный гений?! Но последующей 45-летней жизнью никогда не были подтверждены и повторены ни эта высота, ни этот темп”.

Автором гениальной эпопеи Солженицын и Медведева-Томашевская назвали донского писателя Федора Дмитриевича Крюкова. Ирина Николаевна всерьёз пыталась доказать, что в тексте романа ощутимо противостояние автора и более позднего “соавтора”, причем один из них отстаивал “белую”, а второй – “красную” идеологии. Долгое время я придерживалась этой версии, несмотря на то, что Ф.Д.Крюков умер в 1920-м году, а действие романа заканчивается в марте 1923-го, пока мне в руки не попала книжечка А.Г.Макарова и С.Э.Макаровой “К истокам “Тихого Дона”, где сопоставлялись найденные ими совпадения в прозе Крюкова и Шолохова. И что же? По специфике художественной образности они разительно отличались друг от друга. С одной стороны – скучноватое приземленное бытописание, с другой – стремительный, свободный взлёт зрелого таланта.

Четвёртая версия захватывала воображение. Она была выдвинута молодым московским литературоведом Константином Германовичем Смирновым, и суть её сводилась к тому, что под именем Михаила Шолохова жил и творил Александр Дмитриевич Попов – правнук участника Крымской войны и обороны Севастополя Ивана Григорьевича Попова, внук епископа Воронежского и Борисоглебского Ефграфа Ивановича Попова, сын унтер- офицера линейного казачьего полка Дмитрия Ефграфовича Попова, жившего в своем родовом имении

Ясеновка. Он учился в Воронежском кадетском корпусе, затем в офицерской кавалерийской школе, воевал в действующей армии во время первой мировой войны, а после семнадцатого года, как уверял читателей К.Смирнов в своем интервью с Мариной Черкашиной на страницах “Российской газеты” от 9 февраля 2002-го года, жизнь его была полна таких невероятных приключений, что впору было писать о ней роман. Он был старше Михаила Шолохова более, чем на десять лет, а с трёхлетнего возраста его, рано потерявшего родную мать, нянчила Анастасия Даниловна Черникова, которая позже и отдала ему документы погибшего в годы гражданской войны своего сына Михаила. Прочтя зимой подаренную мне другом-старообрядцем статью М.Черкашиной “Шолохов – это псевдоним?”, я приняла окончательное решение съездить летом 2007-го года в Вёшенскую и хоть что-то узнать на месте.

Так я всерьёз “заболела” разгадкой тайны “Тихого Дона”. Узнав об этом, одна из новоиспеченных пермских писательниц подкинула мне ещё две статьи. Первая, опубликованная за подписью Николая Журавлева в “Новой газете” за 23-25 июня 2003-го года, называлась “Они писали за Шолохова”. Она-то и повергла меня в состояние шока. По пятой версии, выдвинутой израильским ученым по имени Зеев Бар-Селла, Шолохов почти ничего не написал сам, а ещё в начале 20-х годов в недрах ОГПУ возник социальный заказ на гения из народа, и вот выбор пал на юного казака, бывшего продкомиссара, которому дали перепечатать на машинке рукопись донского писателя Венеамина Алексеевича Краснушкина, чей литературный псевдоним был Виктор Севский. Краснушкин был расстрелян красными в 1920-м году после взятия Ростова-на-Дону, но он, якобы, успел написать первый и второй тома полностью, третий – более чем наполовину и несколько последних страниц четвёртого. Остальное дописывали проектанты. “Поднятую целину” написал вернувшийся в 1959-м году с Запада донской же литератор

Константин Иванович Каргин, ну а “Они сражались за Родину”, – находившийся в то время в опальном и тяжелейшем материальном положении Андрей Платонов. Доказательствами послужили некоторые очевидные неточности в тексте “Тихого Дона”, плюс – ссылки на то, что в последнем неоконченном романе имеются три персонажа, чьи имена: Настасья Филипповна, Лопахин и Поприщенко (Поприщин) – это имена главных героев трёх великих произведений русской классики – “Идиота” Ф.М.Достоевского, “Вишневого сада” А.П.Чехова и “Записок сумасшедшего” Н.В.Гоголя. “Ни один литератор, – утверждал Бар-Селла, – такого себе позволить не может ни при каких обстоятельствах... Это – как скромный автопортретик безымянного иконописца в левом нижнем углу Деисусного чина”. Я, помнится, тут же бросилась к своему старенькому огоньковскому восьмитомнику Шолохова и проверила сказанное. Всё так и есть! Ну ни загадка ли?

Сомнения мои усугубила вторая из подаренных мне статей. Обозреватель “Новой газеты” Станислав Рассадин озаглавил её “Самоубийство Шолохова, или Крушение гуманизма”. Речь в ней шла о духовном, моральном самоубийстве автора великой книги, который, по словам Евгения Шварца, постыдно гаерствовал и лизоблюдствовал перед партийной верхушкой, начиная с середины 1950-х годов, да так, что Александр Твардовский назвал его непонятным шутом. Не простили собратья-писатели Шолохову и его выпад на XXIII съезде КПСС в адрес Синявского и Даниэля, которые в 20-е годы “получили бы не ту меру наказания”. Я снова бросилась к своему огоньковскому изданию и стала перечитывать речи Шолохова, опубликованные в последнем, восьмом томе. Иначе, как примитивными, назвать их было нельзя. Неужели был прав Бар-Селла?

Бальзамом для моей истерзанной души уже незадолго до поездки в Вёшенскую послужила публикация В.Огрызко в “Литературной России”: “Тайна гения: Михаил Шолохов”, где

автор склонялся к тому, чтобы принять версию Константина Смирнова. Главный редактор газеты ещё раз напомнил своим читателям о перенесенной Шолоховым в начале 1942-го года страшной авиакатастрофе, вызвавшей у писателя сотрясение мозга и смещение внутренних органов, в том числе грудной клетки. Возможно, этим объяснялись все его последующие “чужачества”?

А что же сказали в начале нового столетия и тысячелетия сторонники официальной версии? Разумеется, они не молчали. Особенно в преддверии юбилейных торжеств. Юрий Поляков с пеной у рта доказывал на страницах “Литературки”, что отнять у нас Шолохова – всё равно, что отнять победу в Великой Отечественной войне. Но многие давно уже поняли, какой Пирровой оказалась эта победа, какую страшную цену заплатил за неё наш народ. Ещё он утверждал, что Григорий и Аксинья – вечные образы в мировой литературе. Да разве кто-нибудь сомневался в этом? Для всех читателей и почитателей “Тихого Дона” главным критерием оставался великолепный, созданный в традициях русской классики текст, достойный. вне всякого сомнения, Нобелевской и прочих премий. Литературный “маршал” Феликс Кузнецов со своих академических высот бил по “антишолоховедам” дальнобойными орудиями. Молод? А разве не в молодые годы начали писать Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Есенин, Фадеев и Леонов?! Недостаточно образован? Он упорно занимался самообразованием! Не имел должного жизненного опыта? Время революции и гражданской войны многократно ускоряли развитие человеческой личности! Не смог в последующие годы создать ничего равного “Тихому Дону”? А разве Сервантес написал что-то равное “Дон-Кихоту”, Гете – “Фаусту”, Данте – “Божественной комедии”, Гоголь – “Мёртвым душам”? “Не-е-е-ет! – внушал он, точно в советские времена, маловерам, – гений живёт и творит по своим законам! И цыцте! Не сумлевайтесь! Не сейте смуту!”.

Этот тяжеловесный и неудобопроизносимый ярлык – “антишолоховеды” – резал мне слух. Поляков выразился ещё круче – “шелуховеды”, да разве в этом дело? Во все времена были, есть и остаются люди с пытливым умом, те, что отвергают официальные мифы и пытаются самостоятельно докопаться до истины. Речь идет не об “очернении” или “обелении” отечественной истории или истории русской литературы, а об разгадке тайны – занятии преувлекательном. Не зря я так любила и люблю читать детективы.

– Ну, мисс Марпл, с чего мы начнём? – сказала я самой себе месяца за три до поездки. И ответила: “С анализа текста”.

Зеев Бар-Селла правильно сформулировал исходный вопрос: “Может ли сам литературный текст служить уликой в споре об определении авторства?” И ответил на него положительно: может!: “Потому что каждое произведение литературы несёт в себе не только неизгладимые черты личности автора (биографические моменты, круг чтения), но и времени, в которое оно было написано”. С этим невозможно не согласиться.

Для себя я заранее отбросила в сторону все разговоры о потерянных и найденных рукописях: любую рукопись можно переписать – бумага терпит! – и о компьютерных проверках – машина действует по заданной человеком программе. И так – текст?! О чем говорит он вдумчивому читателю?

Автор гениальной эпопеи был, несомненно, **уроженцем Верхнего Дона**. Нетрудно заметить, что романное действие развивается в трёх основных местах: на хуторе Татарском, в имении Ягодном и в станице Вёшенской, при этом постепенно распространяясь на близлежащие к ним станицы и хутора, вплоть до станции Миллерово. Именно в этом ареале следует искать место его рождения. Он был **великолепно и разносторонне образованным человеком**, чей склад ума в равной мере тяготел и к логическим умозаключениям, и к художественной образности. Некогда Юрий Лотман говорил о романе А.С.Пушкина “Евгений

Онегин”, что каждый год, месяц и дни недели в нем расписаны едва ли не по часам. То же самое с абсолютной уверенностью можно сказать о хронологическом, линейном времени “Тихого Дона”. В круг интересов автора входили занятия не только **географией** и **историей**, но и **ботаникой**: позднее ученые составляли гербарий, руководствуясь упомянутыми в романе многочисленными названиями донских растений, цветов и трав. Он любил штудировать труды известных европейских философов, его **философские размышления** о непостижимых превратностях жизни ощутимы едва ли не в каждой книге романа. Взять хотя бы одно из них – начало 18-й главы третьей части: “Выметываясь из русла, разбивается жизнь на множество рукавов. Трудно предугадать, по какому устремит она свой вероломный и лукавый ход. Там, где нынче мельчает жизнь, как речка на перекате, мельчает настолько, что видно поганенькую ее россыпь, – завтра идет она полноводная, богатая...”. Это обобщающее, дедуктивное суждение побуждает читателей задуматься над изменчивостью судеб двух главных героинь романа: Аксиньи и Натальи. После неудачного визита в Ягодное и тщетной просьбы вернуть ей мужа жизнь Натальи, казалось бы, потеряла всякий смысл, предельно пересохла, но далее следуют болезнь и смерть маленькой Тани, невольная связь измученной горем Аксиньи с Евгением Листницким, возвращение до глубины души оскорбленного этой изменой Григория обратно в семью, рождение Натальей двойни и новые перипетии в жизни героинь. Позже, уже оказавшись в доме-музее М.А.Шолохова в Вёшенской, я увидела на его письменном столе томик Бенедикта Спинозы, чья натурфилософия была особенно близка автору эпопеи.

Но глубже всего он, автор, **постиг военное дело**, без чего было бы невозможно создание крупномасштабного исторического полотна с исчерпывающими эпическими картинами участия донских казаков в первой мировой и гражданской войнах, революции и вёшенском восстании 1919-

го года. Передвижение штабов и частей, театр военных действий, драматические судьбы виднейших военачальников того времени – Корнилова, Краснова, Деникина и других, – названия различных видов оружия, вплоть до татарского сагайдака – всё это сопоставимо лишь с другой гениальной эпопеей в истории отечественной литературы – “Войной и миром” Л.Н.Толстого. Толстовская эпопея родилась из личного военного опыта Льва Николаевича: его участия в Крымской войне и обороне Севастополя, поэтому логично было предположить, что его великий последователь со своим линейным казачьим полком проделал путь до Петрограда и Финляндии, где неоднократно участвовал в боевых действиях.

Именно “Война и мир” послужила своего рода эталоном для создателя “Тихого Дона”. Это ощутимо в мироощущении ряда героев: “Дуняшка подпрыгивала на грядущке, счастливыми глазами разглядывала луг и встречавшихся по дороге людей. Лицо ее, веселое, тронутое загаром и у переносицы веснушками, словно говорило: “Мне весело и хорошо оттого, что день, подсиненный безоблачным небом, тоже весел и хорош; оттого, что на душе вот такой же синий покой и чистота. Мне радостно, и больше я ничего не хочу”. Радость Дуняшки во время поездки на луговой сенокос живо перекликается с восторгом Наташи Ростовой, любующейся прелестной летней ночью в Отрадном. “Война и мир” была не просто прочитана, но глубоко перепахана толстовским последователем. В главе 11-й третьей части даны дневниковые записи попавшего на немецкий фронт и вскоре погибшего молодого казака Тимофея: “У Толстого в “Войне и мире” есть место, где он говорит о черте между двумя неприятельскими войсками – черте неизвестности, как бы отделяющей живых от мертвых. Эскадрон, в котором служил Николай Ростов, идет в атаку, и Ростов мысленно определяет эту черту. Мне особенно ярко вспомнилось сегодня это место романа потому, что сегодня на заре мы атаковали немецких гусар...”. А в главе 14-й той же

части, в письме Евгения Листницкого к отцу есть строки о Николае II: “На той неделе я видел императора перед отъездом в ставку. Я обожествляю этого человека” вполне соотносимые с восторгом Николая Ростова при виде государя-императора Александра I, принимающего парад русских войск под Ольмюцем. Эпизод, воссоздающий горе семьи Мелеховых при известии о мнимой смерти Григория, перекликается с аналогичным известием о смерти князя Андрея Болконского в толстовском романе и последующим его возвращением в Лысые Горы. Здесь налицо заимствование и повторение сюжетного хода.

Однако не только “Война и мир”, но и другой толстовский шедевр – “Анна Каренина” лег в основу сюжетостроения “Тихого Дона”. Григорий и Аксинья – пара, бросающая вызов традициям окружающего их мира, своими действиями повторяют поступки Анны и Вронского. Да и внешне Аксинья напоминает нам Анну: “...А она гордо и высоко несла свою счастливую, но срамную голову”. У героини казачьей эпопеи все то же “полное тело”, “пушистые завитки волос на шее”, завораживающие “черные глаза”.

Дважды в донской “Илиаде” возникают отсылки к Тургеневу. В третьей части романа в ответ на объяснение Тимофея в любви Лиза Мохова не без насмешки отвечает ему: “Вы заговорили языком тургеневских героев”. Выходит, их язык был знаком и посвоему близок автору. В шестой части Горчаков, армейский друг Листницкого, просит его незадолго перед смертью позаботиться о своей жене Ольге и называет её “тургеневской женщиной”, каких теперь мало.

Примечательно, что литературные ассоциации и аллюзии являются способами создания характеров наиболее образованных героев эпопеи, принадлежащих к высшим слоям казачьего общества. Чаще других цитируют произведения русской классики отец и сын Листницкие. В откровенной беседе с богатым купцом Моховым, не на шутку обеспокоенным известиями о революции

1917-го года, старый помещик Николай Алексеевич вспоминает ключевой эпизод из сочинения Мережковского “Петр и Алексей”, где после пытки царевич Алексей говорит отцу: “Кровь моя падёт на потомков твоих”. Бунинская тема упадка и гибели дворянских гнёзд, элегической скорби по прошлому в полную мощь звучит в размышлениях Евгения Листницкого. При отступлении Добровольческой армии, будучи в гостях у Горчакова и предвидя своё безрадостное будущее, он вспоминает стихи Бунина:

Мечтай, мечтай... Всё уже и тусклей

Ты смотришь золотистыми глазами...

Влюбившись в Ольгу Николаевну Горчакову, Евгений читает ей строфу из “Незнакомки” А.Блока: “И странной близостью закованный, / Смотрю за темную вуаль / И вижу берег очарованный / И очарованную даль...”.

В четырнадцатой главе третьей части, находясь во главе казачьего полка в Петербурге, Евгений всячески стремится поднять боевой дух вверенных ему казаков, и здесь происходит его разговор с армейским доктором, ругающим бестолковщину в царской армии: “Помните Вересаева “Записки врача”? Вот-с! Повторяем в квадрате-с”.

Но это ещё не все. В двадцать четвертой главе шестой части, где речь идет о происшедшем в 1919-м году восстании верхнедонских казаков против троцкистского произвола, командующий войсками Григорий Мелехов получает полуграмотное письмо от члена штаба повстанцев: “... ты идешь со своими сотнями, как Тарас Бульба из исторического романа писателя Пушкина, и все предаешь огню и мечу и казаков волнуешь”. Здесь читатель не может не улыбнуться. Итак, автор эпопеи был прекрасно знаком не только с творчеством гениев русской литературы первого ряда: Пушкин, Гоголь, Толстой, Тургенев, Бунин, Блок, но и второго, и третьего – Вересаев, Мережковский... Право же, есть над чем задуматься.

При внимательном чтении мне нетрудно было заметить,

что хронологическое, линейное время в романе сопрягается не только с природным, но и с ежегодными циклами церковного календаря. Автору были **хорошо знакомы все православные обряды и обычаи, книги Ветхого и Нового заветов**, о чем говорит текст: “От обедни рассыпался по улицам народ...”, “За два дня до троицы хуторские делили луг...”, “С троицы начался луговой покос...”, “Пантелей Прокофьевич лишний раз перекрестился на образа...”, “Свадьбу назначили в первый мясоед. На Успенье приезжал Григорий провести невесту...” Офицер-артиллерист говорит Григорию: “И пускай бы как Давид с Голиафом бились”. Текст говорил о страшном надломе в сознании людей православной веры в её новообрядческом варианте: дикие суеверия, царившие среди жителей хутора Татарский, привели к расправе над беременной турчанкой, женой Прокофия Мелехова; о грехопадении самих служителей церкви: “вдовый отец Виссарион, от сифилиса гундосый...”; об антиправославном поведении молодежи в пасхальную Всенощную – “в ночь на пасху в церковной ограде гуртовались парни..., щупали девок, целовались, вполголоса рассказывали похабные истории”; о падении нравов во всех слоях донского общества: на рисунке офицера Меркулова была изображена “полуголая женщина с лицом Магдалины”, Дарья после побоев пыталась соблазнить свекра и тот размышлял: “Может, надо было мне с ней грех принять?”, Григорий заявил деду Гришаке: “Я до библиев не охотник”; “В церковной караулке растащили все метрические книги, а когда покурили их, по домам пошло на сигарки всё, включая старые ребячьи учебники и даже стариковские священные книги”, Прохор Зыков “Новый и старый завет искурил”. Характерно, что персонажами романа являются и казаки-староверы, чья вера в Бога воссоздана писателем на порядок прочней и основательней.

Мои размышления свелись к тому, что автор прекрасно **знал жизнь и быт зажиточного дореволюционного казачества**, о

чем говорили колоритнейшие сцены сватовства и поезжанья, поведение деда Гришаки, Мирона Григорьевича Коршунова, его сына Митьки и других героев романа.. Мощный пласт казачьего быта начала XX века, густо насыщенный зримыми и осязаемыми художественными деталями, не мог быть так достоверно воспроизведен в послереволюционных реалиях. Автору были ведомы и **основы медицинских знаний**, о чем гласят точные описания болезней, ран, увечий и смертей во всех четырех томах эпопеи. Он великолепно **разбирался в породах и достоинствах лошадей, был любителем охоты и рыбной ловли** – традиционных дворянских занятий. Он в равной мере тяготел и к вершинной дворянской культуре, и к фольклорной стихии: “Не сохами-то славная земелюшка наша распахана...”, к старинным казачьим песням (“Песни, песни, о чем вы кричите?...”). Его ухо было предельно чутко к народному говору, пословицам и поговоркам, метким, красочным выражениям. Обо всем этом и о многом другом поведал мне текст романа.

Тем временем автобус переехал мост через Дон. С замиранием сердца смотрела я на реку русской славы и на сверкающие в отдаленье позолоченные кресты на церковных куполах. Мне повезло: через полчаса я уже удачно устроилась в пустом двухместном номере гостиницы “Вёшенская”, где шёл капитальный ремонт, поэтому постояльцев почти не было. Наскоро сполоснувшись под душем и поменяв одежду, я вышла на лицу Шолохова и двинулась по направлению к церкви. Всё здесь, как гласили вывески, носило имя гения местности: Шолоховский районный суд, Шолоховский отдел образования, педагогический колледж имени М.А.Шолохова, Государственный музей-заповедник М.А.Шолохова, да и сама знаменитая станица была центром Шолоховского района Ростовской области. Выйдя на площадь, я обогнула массивную белую церковь с колокольней, и ноги сами привели меня в “Сад памяти”, живо напомнивший мне подстриженной поляной и соседством редкостных хвойных

дерев с восточными платанами – чинарами – любимые уголки Воронцовского парка в Алушке. Плакучая ива горестно качала светло-зеленой листвой над двумя высокими каменными надгробьями: белый камень стоял в изножии могилы Михаила Александровича, под черным покоилась его верная спутница жизни

Мария Петровна. Разлапистый кипарисовый кустарник, казалось, обнимал камни, заполняя собой пространство между ними. На низких ухоженных холмиках лежали красные цветы, чуть поодаль от них стояли в вазах два больших букета роз. И всё. Никаких крестов. Никакой православной символики. Долго и пристально рассматривала я надгробья: “Сад памяти” прочно хранил тайну “Тихого Дона”.

От калитки сада неширокая улочка вела прямо к реке. Я шла по ней, вспоминая, что “...Против станицы выгибается Дон кобаржиной татарского сагайдака, будто заворачивает вправо...” И дальше: “Вешенская – вся в засыпи желтопесков. Невеселая, плешивая, без садов станица”. Однако, за почти столетний период она изменилась неузнаваемо: застроилась добротными домами и коттеджами, украсилась любовно разбитыми цветниками, заметно похорошела под сенью множества посаженных в ней деревьев, и всё это – благодаря жившему в ней гению местности.

Жаркое июльское солнце клонилось к закату, на небе таяли лёгкие облачка. С высоты набережной далеко просматривалась излучина Дона в обрамлении густой зелени перелесков, на берегу желтел песчаный пляж, а чуть поодаль, возле казачьей вышки, возвышалась скульптурная группа: Григорий Мелехов верхом на коне, босой, в шароварах, рубаше и лихо заломленной на затылок казачьей фуражке с озорной улыбкой на лице преграждал путь Аксинье, несущей на коромысле тяжелые ведра с водой. Я схватила свой старенький фотоаппарат, спутник многих моих путешествий, и сделала несколько снимков, после чего искупалась в Дону и выпила холодного пивка, напевая про себя:

“Ах, не солгали предчувствия мне, ах, мне глаза не солгали!...” Душа давно влекла меня в эти места, в тот памятный вечер я, воистину, была счастлива.

Вторник семнадцатого июля две тысячи седьмого года стал для меня не отпускным, а рабочим днём. Свой осмотр территории я начала с посещения дома-музея М.Шолохова, небольшого, но добротного, с просторным двором, сараем и надворными постройками, где писатель с женой обосновались после приезда из станицы Каргинской и где, якобы, были написаны две первые книги “Тихого Дона”. Шолоховы жили здесь с матерью Михаила – Анастасией Даниловной, в девичестве Черниковой. Уже в то время у них была в услужении кухарка, ставшая верным другом семьи, а сам хозяин, как гласили о том материалы стендов, много занимался и литературной, и общественной деятельностью. Спальня матери, спальня писателя с женой, кабинет, небольшая гостиная-столовая, кухня на полуподвальном этаже – всё было осмотрено мною с неподдельным интересом. Особо запомнился сарай во дворе с богатейшей выставкой рыболовных и охотничьих снастей: охота и рыбалка были любимейшими занятиями Шолохова. Здесь я узнала, что прообразом хутора Татарский послужили одновременно хутор Калининский на берегу Дона и станица Каргинская, а помещичья усадьба Ягодное, детально воссозданная в романе, – это бывшая Ясеновка или Ясиновка, как называли её здешние жители.

“Шолохов-то? – в ответ на вопрос о любимых занятиях писателя сказал чуть позже пожилой мужчина, шедший со мной к центру станицы, – больше всего любил рыбалить и ходить по старикам, записывать их воспоминания”. Я обратила внимание, что все в Вёшках до сих пор говорят “рыбалить”, а не “рыбачить”, и это тёплое “л” ласкало мне слух.

Осмотр музея-усадьбы – великолепного, построенного в строгом и изящном классическом стиле двухэтажного особняка – по-своему впечатлил меня. В нем писатель жил с семьей с 1949-

го по 1984-й годы. К особняку примыкали сад, огород, просторный двор с гаражом, где стояли три достаточно вместительные по советским временам машины, а ближе к Дону располагался уже виденный мною накануне некрополь. В усадьбе жил уже не начинающий литератор, а прославленный на весь мир писатель, о чем говорил заваленный письмами рабочий стол в его кабинете, просторная столовая с большим овальным столом в центре – за которым дети и внуки Шолохова принимали у себя в гостях в юбилейном 2005-м году президента страны Владимира Путина, – гостиная, оружейная, где в шкафах бережно хранилась подаренная писателю за многие годы коллекция охотничьих ружей, и еще одна небольшая комната, где на видном месте висел фрак, а из полураскрытых чемоданов выглядывали вещи, взятые хозяевами в Швецию, на церемонию получения Нобелевской премии. Стройная молодая женщина в платье вишневого цвета завершила свой увлекательный рассказ на печальной ноте – кончине писателя 21 февраля 1984-го года – и показала нам, экскурсанта, остановленные в этот момент часы.

– Каковы значения слова “кобаржина” – спросила я её, процитировав по памяти три отрывка из текста, где оно упоминалось. Женщина, озадаченная вопросом “на засыпку”, на минуту задумалась, а я, ловя момент, добавила: “Может ли кто-нибудь из сотрудников уделить мне полчаса, чтобы выслушать мои сомнения в авторстве “Тихого Дона”? Ради этого я приехала сюда за тысячи километров из Перми”.

– Подождите! – бросив на меня удивленный взгляд, она поспешила прочь. Ждать пришлось недолго. Едва наша экскурсионная группа вышла из гаража, как приятная незнакомка подбежала ко мне со словарём лексики и фразеологии, составленном по произведениям Шолохова. “Позвоночник животного”, “изгиб”, “излучина”, – выразительно прочла она. “Однако, молодец! Дельная!” – подумала я и с радостью услышала, что Надежда Тимофеевна, главный специалист-шолоховед музея,

готова принять меня и развеять все мои сомнения.

Моя беседа с Надеждой Тимофеевной Кузнецовой, старшим научным сотрудником музея-заповедника и автором книги “Михаил Шолохов. Летопись жизни и творчества” длилась почти полтора часа. Седовласая, красивая в свои семьдесят с лишним лет, пользующаяся, как я увидела, огромным авторитетом и уважением среди всех сотрудников музея, она сразу же понравилась мне своей готовностью вести диалог. Услышав о моих пяти версиях и увидев газетные полосы с сенсационными материалами, Надежда Тимофеевна аж разволновалась и стала горячо доказывать, что автор всех произведений – Михаил Шолохов и никто иной. “Мой отец, Тимофей Тимофеевич Мрыхин, – убеждала она меня, – был первым учителем Шолохова, а читать Михаил научился в четыре года и уже тогда поражал окружающих своей памятью. В пятнадцать лет от писал пьесы, которые ставились в 1920-м году в станичном клубе хутора Каргина, о чем вспоминал впоследствии отец. В периоды войн и революций дети взрослеют рано: он воочию наблюдал многие будущие сцены “Тихого Дона”. Михаил стал свидетелем похорон прототипа Петра – хорунжего Павла Дроздова, на квартире которого жил в хуторе Плешакове. Видел он и страшное горе его семьи, и расправу над пленными красноармейцами. Видел, как командующий Донской Армии генерал Сидорин вручал награду жене убитого в начале восстания Дроздова. Отец Шолохова был дружен с Харлампием Ермаковым, и тот однажды продемонстрировал Александру и юному Мише знаменитый баклановский удар: стремительно перебросил шашку из одной руки в другую и срезал берёзки так, что их стволы воткнулись в землю вертикально. Да как можно сомневаться в его, Михаила Александровича, авторстве?! Основной материал он брал из рассказов участников тех событий. Был такой случай под Климовкой, когда конный казак порубил восемнадцать человек матросов, в романе их число уменьшилось: Григорий зарубил

шашкой четверых. Можно привести десятки примеров того, как судьбы реальных людей осмыслялись в романе.

– Скажите, а как можно было за пять лет, будучи продработником на Дону, а затем – разнорабочим в Москве, так глубоко изучить русскую историю, географию, православную культуру, естественные науки, военное дело, да ещё при этом прочесть всю русскую классику? – задала я Надежде Тимофеевне главный мучивший меня вопрос.

– Отец Шолохова был купцом и имел богатую библиотеку, кроме того Михаил постоянно брал книги у священника, отца Виссариона, а в период нэпа в Москве покупал множество книг в книжных лавках и читал их. Ничего сверхъестественного тут нет.

Я недоверчиво покачала головой: даже гению с немыслимой, фантастической работоспособностью, трудившемуся, допустим на миг, по девятнадцать-двадцать часов в сутки, невозможно охватить столь огромный объем материала в такой рекордно короткий срок, да ещё написать два первых тома эпопеи. Моя собеседница продолжала настойчиво убеждать меня: – А как он помогал людям! Я познакомилась с ним в 1949-м году в Москве, будучи студенткой иняза, и он, видя мою бедность, тут же помог мне устроиться в общежитие. А как огорчали его все нападки на его любимое детище, все обвинения в плагиате! В 1975-м году он пережил второй тяжелый инсульт, узнав об “изысканиях” Солженицына.

Точка зрения Надежды Тимофеевны на “шолоховский вопрос” была ясна, тверда и непоколебима, да иного, признаться, невозможно было бы и ожидать. Памятный фотоснимок запечатлел нас обеих на ведущей в сад лестнице особняка, после чего я записала её координаты, и мы попрощались.

Последней моей экскурсией в этот густо насыщенный впечатлениями день стало посещение литературного музея и осмотр экспозиции “М.А.Шолохов. Время и судьба”. “Не съездить

ли в Ясиновку, – размышляла я, внимательно разглядывая карту с названиями верхнедонских станиц и хуторов начала прошлого века, – похоже, что к ней стягиваются многие нити”. Увы, тут “мисс Марпл” ожидал облом! Один из сотрудников литературного музея любезно показал мне компьютерную фотографию того, что осталось от Ясиновки – два небольших пруда посреди степей. Бывшее дворянское гнездо было стёрто с лица земли со всеми окружавшими его постройками и курениями. Я тотчас вспомнила эпизод из романа, когда Григорий с Прохором Зыковым похоронили в Ягодном убитого красноармейцами деда Сашку рядом с могилкой Тани возле тополя на берегу затянутого ряской пруда. “Чем вызвано такое тотальное разрушение, – снова подумалось мне, – не попыткой ли окончательно уничтожить все следы, ведущие к разгадке тайны?”.

Как бы там ни было, но вёшенцы искренне понравились мне своей открытостью и радушием. Официантка кафе “Волна”, где я обедала и ужинала, уже на второй день приветствовала меня, как старую знакомую. С улыбкой слушала я, как подвыпивший станичник, пришедший к ней со свежей рыбой, уговаривал купить свой улов: “Ты можешь представить себе цыгана, сидящего с удочкой у реки? А я вот за полдня столько нарыбалил!”, – бесхитростно хвалился он. Екатерина Александровна Булавина, заведующая экскурсионным отделом музея-заповедника, узнав о моем неизбывном интересе к “шолоховскому вопросу”, подарила мне пять научных сборников “Вешенский вестник”, а сотрудники музея пригласили принять участие в их международных чтениях, организуемых через каждые два года. Ещё одна интересная беседа ожидала меня вечером на берегу реки. После жаркого и столь насыщенного впечатлениями дня я с особым наслаждением купалась в Дону, то отталкиваясь ногами от упругого песчаного дна и уплывая к самой стремнине, то возвращаясь обратно. Когда я, наконец, вышла на берег, ко мне с улыбкой приблизилась светловолосая голубоглазая красавица-женщина в бикини. Её в

меру полноватое тело было лишь чуть тронуте загаром.

– Боюсь сгореть, – призналась она, – хожу на пляж только вечером, после работы. А вы, я вижу, нездешняя.

Так я познакомилась с Ольгой Тимофеевной Кандауровой, жительницей станицы Вёшенской, и минут через десять мы уже сидели за одним из столиков летнего кафе с видом на реку, пили свежее пиво, щелкали орешки и заинтересовано обсуждали проблему авторства “Тихого Дона”. Ольга оказалась лет на десять с небольшим младше меня, но жизненный её опыт был достаточно богат, а наблюдения и выводы – точны и метки.

– Помню, как два года назад, в мае, сюда на юбилей приезжал Путин и отмахивался от мошкары, которая заела его и прочих гостей. У нас тут после разлива Дона страсть как много мошки! А ещё он съездил на крутояр, любимое место Шолохова. И вам бы надо побывать там: красота неопишемая!

Я без зависти подумала, что у Путина, в отличие от меня, было и есть больше возможностей побывать где бы то ни было. Вспомнила эпизод в романе, где майская мошкара забивалась в ноздри казакам и их коням, поразмышляла и о том, как страстно любил автор великой эпопеи родную донскую природу: пейзажи занимают по меньшей мере пятую часть романного текста. Ольга быстро согласилась с изложенной мною версией об авторстве Александра Попова и добавила к сказанному:

– Жена его, конечно, знала всю правду о нем, а вот дети, скорее всего, не знали. Не зря Марья Петровна никогда не оставляла его одного: ездила с ним и на охоту, и на рыбалку. А как он пил! Порой его даже привязывали к кровати, чтобы не сотворил чего с собой!

На прощание она оставила мне свой адрес и пригласила снова посетить Вёшки. Той ночью я долго не могла уснуть, мысленно перелистывая в памяти страницы “Тихого Дона”. О чем ещё говорил мне текст? А говорил он, что великий его автор уже в годы юности полностью разочаровался в идее монархии и монархе Николае II с его семьей, о чем красноречиво гласила

колоритнейшая сцена сговора двух сватов – Мелехова и Коршунова: “Мирон Григорьевич, снизив голову, глядел на залитую водкой и огуречным рассолом клеенку. Прочитал вверху завитую затейливым рисунком надпись: “Самодержцы всероссийские”. Повел глазами пониже: “Его императорское величество государь-император Николай...” Дальше легла картофельная кожа. Всмотрелся в рисунок: лица государя не видно, стоит на нем опорожненная водочная бутылка. Мирон Григорьевич, благоговейно моргая, пытался разглядеть форму богатого, под белым поясом мундира, но мундир был густо заплеван огуречными скользкими семечками”. Столь предельное снижение образа царя и его семьи никак не могло быть случайным: оно вытекало из мироощущения автора. А отступление Добровольческой армии во второй книге романа!? “Перед вечером из Ростова выступила густая колонна войск. Она протянулась через Дон жирной черной гадюкой, – извиваясь, поползла на Аксай... Взводы вели полковники и капитаны. В рядах были юнкера и офицеры, начиная с прапорщиков, кончая полковниками. За многочисленными подводами обоза шли беженцы – пожилые, солидные люди, в городских пальто, в калошах. Женщины семенили около подвод, застревая в глубоком снегу, вихляясь на высоких каблуках... “Цвет России”, – думал Листницкий, с отрой жалостью оглядывая ряды и голову колонны, ломано изогнувшейся по дороге”. Только бесчисленные примеры нескрываемого презрения офицеров-дворян к простым казакам, разгильдяйства, казнокрадства, бюрократизма и всевластия сановитых чиновников могли побудить автора к столь беспощадному воспроизведению “ледового похода”. Однако, вскоре после установления власти “красных” и наступления “красного террора” мировоззрения автора вновь подверглось самым серьёзным испытаниям и любимый его герой Григорий Мелехов стал “рупором” его идей: “...такому, мак молодой Листницкий или как наш Кошевой, я всегда завидовал... Им с

самого начала все было ясное, а мне и до се все неясное. У них, у обоих, свои, прямые дороги, свои концы, а я с семнадцатого года хожу по вилюжкам, как пьяный качаюсь... От белых отбился, к красным не пристал, так и плаваю, как навоз в проруби...". Автора донской эпопеи с его богатейшим духовным миром и приверженностью к традиционному казачьему укладу, несомненно, отталкивала убогая одномерность и прямолинейность как "белых", так и "красных", но выбор был сделан, обратный путь мог обернуться только его убийством или самоубийством... В образе Евгения Листницкого и его походе с казачьим полком до Петербурга он запечатлел своё прошлое, в образах Харлампия Ермакова и Григория Мелехова – свой взгляд на вёшенское восстание 1919-го года и на гибель милого его сердцу казачьего дореволюционного быта.

Третий день пребывания в Вёшенской ничего не прибавил к моим изысканиям, и, завершив свой отпуск на Кубани, я вернулась домой, где меня уже ожидала присланная друзьями по электронке новая статья Константина Смирнова под названием "Два таланта Михаила Шолохова". Молодой литературовед был твёрд и напорист в своих умозаключениях, только он шел к истине другим путем, внимательно исследуя загадки биографии Шолохова:

"Так можно ли однозначно ответить, кто автор "Тихого Дона"? Наверное – да! Только для этого нужно рассматривать не обстоятельства написания романа, или особенности его литературной стилистики, как это делалось до сих пор, а многочисленные загадочные события из жизни Шолохова! Такой подход совершенно неожиданно дает ключ не только к тайнам авторства "Тихого Дона", но и приводит к ошеломляющему открытию – литературное творчество было вовсе не единственным занятием классика, по всей видимости, другая его профессия лежала в сфере, весьма далекой от писательства".

К.Смирнов утверждал, что писатель вообще не любил

распространяться о себе. Его автобиография представляла собой отдельные высказывания, и до сих пор ни один из многочисленных шолоховедов не взял на себя труд проанализировать жизнь Шолохова, опираясь только на достоверные факты. Оказывается, что многие эпизоды, а порой и периоды жизни Михаила Александровича не подтверждены никакими документами и свидетельствами – это его служба в продотряде в годы гражданской войны, его работа грузчиком, мостильщиком дорог и служащим жилищного управления в Москве, обстоятельства его женитьбы и поведение писателя в 1929-м году – году сплошной коллективизации. Тогда он бросил литературную работу и пустился в бесконечные поездки по Донщине, изучая все случаи перегибов в деле создания колхозов и излагая их в письме к своей московской знакомой Евгении Левицкой, работавшей в издательстве “Московский рабочий”. Это письмо попало не кому-нибудь, а самому Сталину. Изучив его, Иосиф Виссарионович написал знаменитую статью “Головокружение от успехов”, в которой, по сути дела, ответил на вопросы, поднятые в послании Шолохова. После этого Михаил Александрович и Сталин постоянно переписывались и обменивались телеграммами.

Смирнов объяснил всё это предположением о том, что на протяжении многих лет под именем Михаила Александровича Шолохова скрывался другой человек, более образованный и существенно старше по возрасту. Этот человек не только переписывался с вождем, но и неоднократно встречался в нем, и по каким бы вопросам Михаил Александрович не обращался к Сталину, он, практически, всегда находил поддержку. Иосиф Виссарионович явно симпатизировал Шолохову и высоко ценил его литературный талант. Вполне возможно, что третья книга “Тихого Дона”, в которой РАППовские вожди увидели белогвардейские настроения и дискредитацию партийных руководителей, чьи бесчинства на Дону в годы гражданской

войны показал писатель, вообще не увидела бы света, если бы не вмешательство Сталина, фактически приказавшего печатать ее. Мало того, однажды Иосиф Виссарионович просто спас Шолохова от смерти. Как только местные ростовские руководители НКВД – некие Гречухин, Григорьев и Когана – начинали творить беззакония, как Михаил Александрович связывался с Москвой, и им давали по рукам. В 30-е годы писатель спас многих честных людей от произвола, большинство перегибов на Дону было исправлено при его непосредственном участии. Влияние Шолохова стало столь велико, что его решили попросту убрать. В 1938-м году на него состряпали ложное обвинение в контрреволюционной деятельности. Роль изобличителя решили поручить старому чекисту Ивану Погорелову, однако тот повел себя странно: по непонятной причине проникся к Шолохову уважением, предупредил его о провокации, а сам, рискуя жизнью, отправился в Москву, где в приемной Сталина оставил подробное письмо об операции своих коллег. Вскоре на заседание ЦК были вызваны Михаил Шолохов, Иван Погорелов и их противники – Гречухин, Григорьев и Коган. Погорелов в лицо обвинил их в том, что они состряпали против писателя ложное обвинение и предъявил подтверждающие это документы, после чего Сталин лично распорядился оставить Михаила Александровича в покое и впредь не трогать. А Шолохова и Погорелова на всю оставшуюся жизнь связала крепкая дружба.

Ещё на одно довольно странное обстоятельство из жизни Михаила Александровича обратил внимание Константин Смирнов. С началом войны не имевший военного образования Шолохов становится фронтовым корреспондентом в чине полковника! Его работа не была особенно активной, зато он неоднократно лично встречался со Сталиным. Содержание этих бесед неизвестно, но их темой были вовсе не литературные вопросы.

Во время боевых действий на Дону, как отметил К.Смирнов, с архивом Шолохова случилась весьма загадочная история. Перед уходом на фронт он запечатал свои бумаги в железный ящик и сдал в районный отдел НКВД на хранение. Основную часть архива, по официальной версии, составляли автографы “Тихого Дона” и “Поднятой целины”. Летом 1942-го года, при внезапном прорыве фашистских войск, бумаги писателя погибли. Сохранилось лишь около 100 страниц “Тихого Дона”, которые прямо на улице Вешенской подобрали бойцы одной из танковых частей. Непонятно, почему Шолохов сдал архив именно в НКВД? Едва ли эта организация должна была заниматься хранением пусть даже гениальных литературных произведений. Может, в ящике Михаила Александровича находились не столько рукописи романов, сколько бумаги совсем иного рода, сохранность которых относилась к компетенции спецслужб?

По расследованиям К. Смирнова, Шолохов был вовсе не тем, за кого себя выдавал, и литература являлась отнюдь не единственное делом в его жизни. У него были другие обязанности, которые заставляли его, бросив все, пуститься в 1929-м в поездки по колхозам и бороться с перегибами, а позднее, в 30-е, по сути, корректировать работу местных спецслужб. Смирнов попытался ответить на вопрос: кто скрывался под именем Шолохова, и почему именно под этим именем укрылся человек, ставший великим русским писателем.

Он предположил, что, скорее всего, настоящий Шолохов действительно учился в московской гимназии, а затем служил в продотряде, который, по-видимому, целиком был перебит году в 20-м, и настоящий Миша погиб. Личность погибшего оказалась идеальной для подмены, ведь его в родных местах никто не видел с 1915-го года, когда он 10-летним мальчишкой уехал в Москву, – следовательно, не было людей, кроме родителей, которые могли бы уличить двойника. Конечно, подобная операция должна была проводиться с ведома высокого московского начальства и о ней

не должны были знать даже местные органы госбезопасности. Так кто же человек, занявший место Миши Шолохова?

Среди руководителей Вешенского мятежа нет людей, даже отдаленно похожих на писателя, поэтому он, скорее всего, был одним из связников-офицеров деникинского штаба, которые неоднократно пробирались к повстанцам и корректировали их действия. Тот факт, что псевдо-Шолохов имел отношение к Вешенскому восстанию, подтверждается еще и тем, что его описание в "Тихом Доне" снабжено подробностями, которые были засекречены и стали достоянием общественности лишь в последние годы. Видимо, Шолохов просто оперировал теми данными о Вешенских событиях, которые были известны ему как участнику.

Есть много свидетельств того, что после гражданской войны писатель имел тесные контакты с советскими спецслужбами. Он свободно пользовался автомобилем начальника Вешенского НКВД, неоднократно встречался с Ягодой и Ежовым, не говоря уже о многочисленных и загадочных свиданиях со Сталиным. Поэтому вполне правомерным будет предположение о том, что и в саму гражданскую он был связан с ЧК. Короче, человек, скрывавшийся под именем Шолохова, был не просто деникинским штаб-офицером, но и большевистским агентом.

Так объяснил Константин Смирнов все загадочные события и обстоятельства жизни писателя. Псевдо-Шолохов был старше настоящего лет на десять. Не исключено, что он и вправду был офицером царской армии и принимал участие в первой мировой войне, в дальнейшем столь правдиво описанной им в "Тихом Доне". Обосновавшись в деникинском штабе, наверное, под своим настоящим именем, он, по-видимому, сделал неплохую карьеру. На протяжении всей гражданской войны он занимался разведдеятельностью в пользу красных, а после разгрома Деникина появился в Москве еще под своим именем. Конечно,

он не работал грузчиком, не мостил улиц, не был счетоводом в жилищном управлении. Попросту получал жалование в ЧК, которая предоставила ему и жилплощадь.

Женился он еще под своим настоящим именем, и вовсе не в 1923-м, а значительно раньше. Вскоре после своего приезда в Москву будущий писатель получил новое назначение и новое имя – М.А. Шолохов. А произошло это, судя по всему, после его встречи со Сталиным. Именно он решил отправить опытного разведчика в качестве своего доверенного лица в район Северного Кавказа, считавшегося тогда взрывоопасным. По вполне понятным причинам явиться туда под своим собственным именем он не мог. Тогда для него разработали легенду, и по ней он стал Мишей Шолоховым, который на самом деле погиб и внешне был несколько схож с ним. Для органов госбезопасности не составило труда убедить родителей погибшего выдавать чекиста за своего сына.

Лишь в 1926-м году, после длительной подготовки, Шолохов окончательно обосновался в Вешенской и приступил к работе. Обо всем происходящем на Дону он докладывал непосредственно Сталину. Одним из каналов связи, по-видимому, стала Евгения Левицкая – член партии с 1903-го года, которой он направлял завуалированные под письма донесения, а та переправляла их в аппарат генерального секретаря. Для экстренной связи у Михаила Александровича был московский телефон Сталина, об этом свидетельствуют многие знакомые писателя, правда, они вряд ли представляли, зачем он ему был нужен на самом деле. Кроме исполнения своих служебных обязанностей, Шолохов писал “Тихий Дон”, работа над которым была начата им еще в бытность деникинским офицером.

В 1929-м году началась сплошная коллективизация, и эта пора стала особенно горячей для Михаила Александровича. Возможно, благодаря действиям Шолохова, удалось избежать массовых волнений на Дону в период создания колхозов.

Пользуясь своим положением и будучи человеком справедливым, Михаил Александрович неоднократно спасал от репрессий честных и дельных партийных руководителей. Легко объяснить и историю с архивом писателя. Основную массу документов составляли вовсе не рукописи его произведений, а секретные бумаги, касающиеся основного рода деятельности Шолохова. Поэтому-то он и сдал архив на хранение в НКВД. Мало того, вопреки расхожему мнению, при спешной эвакуации чекисты отнюдь не потеряли ящик с бумагами Михаила Александровича. Они вскрыли его, уничтожили секретные документы, а отрывки рукописей “Тихого Дона” и второго тома “Поднятой целины”, не имевшие для них никакой ценности, попросту бросили.

После войны Шолохов остался доверенным лицом вождя на Дону вплоть до самой смерти Сталина, после чего, скорее всего, вышел в отставку. По сути дела, Михаил Александрович, став знаменитым писателем и оказавшись на виду у общественности, дал возможность приоткрыть завесу таинственности над целой засекреченной системой информации, изобретенной Сталиным. Он был лишь одним ее звеном. По всей видимости, у Иосифа Виссарионовича в каждом регионе страны был доверенный человек, подобный писателю. Эти люди, жившие не обязательно под чужими именами, снабжали вождя правдивой информацией о событиях в стране, минуя цензуру местных партийных чинов. Благодаря им, Сталин не раз изумлял всех своей осведомленностью во многих, казалось бы, частных вопросах, и принимал единственно правильное решение. Именно опыт работы подобных агентов, скорее всего, и натолкнул Верховного на мысль о создании наблюдателей Генерального штаба, которые, по сути, выполняли те же функции, но в военных условиях.

Смирнов утверждал, что его версия позволила опровергнуть основные доводы тех, кто обвиняет писателя в

плагиате. Получалось, что роман создан вовсе не “зеленым юнцом”, а человеком, прошедшим горнило империалистической и гражданской войн, хорошо образованным, да к тому же и белым офицером в некоторой степени... Он верил, что настанет время, когда мы будем гордиться автором “Тихого Дона” и “Поднятой целины” не только как писателем, но и как одним из удивительных разведчиков XX в.

По первому впечатлению его гипотеза могла показаться читателям до неправдоподобия фантастичной. Но им надлежало вспомнить свирепую обстановку, в которой в годы революции оказались сотни и тысячи ни в чем не повинных людей. Спасаясь от угрозы неминуемой расправы, они присваивали чужие документы, выдавали себя не за тех, кем были на самом деле. А уж разведчику пользоваться чужим именем сам Устав велел!

Прочтя статью, я тут же подумала, что большинство читателей, да и профессиональных шолоховедов, воспитанных советской школой, весьма критически восприняли доводы автора, но официальная историография до сих пор содержит в себе множество мифов и о победоносном Петре I, и о мудром Ленине и большевиках, и о Великой Отечественной войне, и о нашей печальной современности.

Вновь задалась я вопросом, как мог сын горничной и купеческого приказчика, вначале, по официальной версии, будучи подростком и командуя продотрядом численностью свыше двухсот штыков в годы гражданской войны на Дону, а затем работая грузчиком и мостильщиком улиц в Москве, в свободное от работы время изучить и осмыслить непомерно огромный объем знаний и умений и при этом успеть написать два тома гениальной эпопеи? Скорее всего, “Донские рассказы” были написаны позже двух первых книг “Тихого Дона” по горячим следам событий революционных лет.

А какова же разгадка послевоенных лет его жизни? Мысленно попыталась я поставить себя на место великого

писателя и разведчика. В 1953-м году умер его покровитель Сталин, и вскоре началось хрущевское разоблачение “культа личности”. Тайна Шолохова могла быть раскрыта правящими властями, а у него уже было четверо детей – Светлана, Александр, Михаил и Мария, – за судьбы которых от был в ответе. Вот и пришлось ему одеть на себя унижительную маску шута, балагура, такового “деда Щукаря”, лояльного к правящим властям. Внутренняя раздвоенность ломала и калечила его: он начал пить, и домашние ничего не могли с этим поделать... Не исключено, что многие его речи были написаны идеологами тех времен, а он лишь зачитывал их на писательских собраниях и съездах. Конечно же, ещё с детских и отроческих лет прочел он всю русскую классику, уже тогда чувствуя, каковым будет его собственное предназначение. Читал он и Гоголя, и Достоевского, и Чехова, а позже его ёрничанье и скрытый протест выплеснулись в “Настасье Филипповне, Лопухине, Поприщенко”, выведенных в качестве персонажей в книге “Они сражались за Родину”. Однако, вскоре сам он счел эту литературную игру мелкой и недостойной его дара и охладел к своей последней книге. Умирая, он завещал жене свято хранить его тайну, что она и сделала.

Бронзовый его бюст установлен на постаменте в самом центре вёшенского мемориала: высокое чело, умные глаза с легким ироничным прищуром, пшеничные усы над твердо сжатыми губами. Взгляд его устремлен в те неоглядные дали за Доном, которым посвящено одно из самых проникновенных лирических отступлений в романе: “Степь родимая!...”. Подобно орлу, парит он над родными просторами, питавшими его мощный талант. За сто с лишним лет времена изменились, и ученые уже вплотную приблизились к разгадке тайны “Тихого Дона”. Думается, что сейчас он и сам был бы не против этого. Но, как бы там ни было, его литературное имя – Михаил Шолохов – навечно останется в одном ряду с величайшими именами гениев русской словесности.

2007 г.

Турция глазами русской староверки: впечатления и размышления

Желтого цвета резиновая полоска, тонкая, но прочная, с надписью “Werola Beach” была ловко пристёгнута на запястье моей правой руки молодой женщиной по имени Ирина, русскоговорящей, внешне достаточно привлекательной, приехавшей на заработки в Турцию с Украины и удачно нашедшей себе работу на рецепции, то бишь регистрации отдыхающих в отеле “Werola Beach Hotel”, в двадцати километрах от турецкой Алании. Полоска стала опознавательным браслетом, дающим мне право проживать в отеле в сроки, отведённые фирмой “Tez tour” по купленной мною путёвке, питаться в его ресторане и отдыхать на его пляже. Моё вселение в отель произошло первого июня в половине девятого вечера по местному времени, а в Перми в это время была уже половина двенадцатого ночи.

Подобно известному выражению “театр начинается с вешалки”, моё путешествие в Турцию началось с пермского аэропорта Большое Савино. В последний раз доводилось мне летать лет двадцать пять тому назад, ещё в советские времена, и порядки, царящие в обновлённом аэропорту, мне не понравились. В туалете громко звучала передача “Авторадио” – пошлейшие шутки и соответствующие комментарии к ним. Пассажирам авиарейсов бесплатно предлагался журнал “Соль”, разложенный на столике. На передней обложке – фотография школьницы в белом фартучке, белых бантах, белых гольфах и с сигаретой в руке. Я бегло пролистала полупорнографический журнальчик и с отвращением положила его на место, подумав при этом, кто же тот мерзавец, что бесплатно издаёт духовный наркотик в столь великолепной полиграфической упаковке? Цены в кафе были запредельными, заоблачными: маленькая бутылочка питьевой воды стоила сто рублей, ужин – более тысячи. На чьи доходы они были рассчитаны? Явно, не на мои. Наш рейс в Анталию под номером 8521 опоздал аж на тринадцать часов! Мне

пришлось почти всю ночь слоняться по аэропорту, дремать на жёстких сидениях второго этажа и лишь под утро получить от представителя авиаперевозчика бумагу с разрешением бесплатно поспать три часа в одноместном номере гостиницы “Полёт” и талоны на горячее питание. А потом нас долго держали в “накопителе” или “обезьяннике”, как порой называют сие предполётное место. Я вместе с другими разъярёнными пассажирами написала коллективную жалобу на имя начальника аэропорта, но позже представители “Tez tour” объяснили нам, что перевозка на чартерных рейсах может задержаться и на сутки. Задержка была объяснена технической неисправностью самолета. Как знать, не отвёл ли нас Господь от большей беды?!

При взлёте и посадке я раз десять прочла про себя Псалом 90-й “Живыи в помощи вышняго...”, вызывающий к заступничеству Господнему. Полёт, к счастью, прошёл нормально: перед нами извинились, измученных пассажиров быстро угостили напитками и накормили, и вот через четыре часа пред нами предстала во всём своём блеске Анталия. Первое, что увидела я с борта самолёта – море теплиц на земле, в которых выращивают, буквально, всё: огурцы, помидоры, лук, перцы, баклажаны, клубнику да и многое другое. Дары теплиц в огромных количествах поглощаются обитателями отелей, вывозятся на экспорт, оставшаяся их часть потребляется внутри страны. Тепличные хозяйства, расположенные по всему средиземноморскому побережью, надо полагать, создают множество рабочих мест, в России такого размаха пока нет.

После пермского холода и дождя я словно попала в другой мир: всюду росли пальмы и кусты цветущих олеандр, на горизонте виднелась гряда гор, а из окна автобуса, развозившего нас по отелям, увидела я необычные по своему архитектурному облику четырёх и пятиэтажные дома-коттеджи с прикреплёнными на их крышах бочками для подогрева воды. Отели чередовались с небольшими городками и посёлками, где все дома и прибрежные

виллы были каменными и по-своему нарядными, через каждые шесть-семь километров стояли мечети с горделиво устремлёнными ввысь минаретами. Особое внимание обратила я на самую большую – с четырьмя минаретами – мечеть в Сидэ. Магазины, рынки, бензозаправочные станции, снова отели и великолепная автотрасса – по три полосы вперёд и обратно, – что и говорить, мощнейшая инфраструктура курортного бизнеса поражала воображение! Особенно, если учесть, что всё средиземноморское побережье Турции застраивалось в пятидесятые годы двадцатого века. Вначале отели строили немцы, потом подхватились и сами турки, а вскоре туризм стал одной из ведущих статей национального дохода.

Отель “Werola” мне сразу не понравился, и не только мне одной, а многим отдыхающим здесь туристам со всей России и стран СНГ. Расположен он был на пригорке, метрах в пятистах от моря, и по правую его сторону расстиралось ещё не облагороженное предгорье с выжженной сухой травой, остатки которой поедали местные длинноногие козы причудливой бурой окраски. Разместили меня на последнем шестом этаже, и, хотя Ирина по моей просьбе подыскала мне комнату потише, балконное окно-стеклопакет лишь немного смягчало доносившийся шум автотрассы, а по вечерам мне долго не давала уснуть громкая музыка устраиваемой для детей и молодёжи дискотеки, своего рода бесовского времяпровождения. Питание оставляло желать лучшего: лишь один раз за девять дней нам дали на обед немного поджаренной рыбки, в основном же мы довольствовались блюдами из непонятно какой птицы. Да и по прочим показателям на заявленные четыре звёздочки отель явно не тянул. Позже из бесед с отдыхающими я поняла, что “звёздность” гостиниц здесь весьма условна, а комфорт, удобства и питание всецело зависит от хозяев отелей. Зато из моего балконного окна открывался чарующий вид на Средиземное море и стоящие неподалеку на пирсе три небольшие “пиратские” яхты.

Невольно вспомнилось название книги Владимира Набокова “Другие берега”. Да, это были другие берега со всем их очарованием, соблазнами и скрытыми опасностями.

На следующий же день представительница фирмы “Tez tour” подробно проинструктировала нас, отдыхающих, что следует, а что категорически не рекомендуется делать на отдыхе:

– Если какой-нибудь Ахмед или Мехмед предложит вам развлечение, не предусмотренное услугами нашей фирмы, то в случае неприятных последствий фирма за это ни малейшей ответственности не несёт.

Короче – “пеняй на себя!”, – как образно было сказано в “Тёмных аллеях” Ивана Бунина. У всех на слуху было недавнее трагическое плавание российских туристок на ночной “пиратской” яхте, где их угостили коктейлями с водкой, приготовленной из метилового спирта на Северном Кипре. Мощный подпольный гадюшник-синдикат вскоре был раскручен и ликвидирован – туркам, как никогда ранее, нужна добрая репутация о их стране!, – но свыше десяти человек отравились, а пятерым молодым женщинам это плавание стоило жизни. Дневные “пиратские” яхты, стоявшие на пирсе неподалеку от нашего отеля, собирали-таки ежедневно за двадцать пять долларов необходимое количество туристов и медленно отплывали в сторону Алании под мелодию из кинофильма “Титаник”. “Хороший намёк!” – шутили отдыхающие на пляже.

На week-end, пятое-шестое июня, я выбрала себе за сто сорок долларов двухдневный тур по маршруту: Демре – Мира – Кекова – Памуккале и не ошиблась в своём выборе. Автобус, мощный Mercedes-Benz, подошёл ровно в четыре утра, в составе группы оказались туристы из разных отелей. Меня поразила почти европейская чистота городков, мимо которых мы проезжали. Хороши были и общественные туалеты на стоянках: свежeweымытые, сверкающие чистотой, с непременно туалетной бумагой и рулончиками-полотенцами для вытирания рук. Нам

повезло на водителя, им оказался опытный шофёр Орхон – улыбчивый и внимательный, в белоснежной рубашке с погончиками, чёрном галстуке и тщательно отутюженных чёрных брюках. Его имя тут же ассоциировалось в моей памяти с Орхоном Памук, известным турецким писателем, ставшим лауреатом Нобелевской премии. Но особенно понравилась мне наш гид – турчанка по имени Тюркай – стройная пятидесятидвухлетняя женщина, седовласая, голубоглазая и на редкость доброжелательная. Незадолго до Демре мы проехали несколько километров по дорожной серпантине между горами и морским побережьем; красота открывшихся нашим взорам пейзажей была захватывающей.

В Демре, так теперь называется бывшая Мира Ликийская, основанная в 5 веке до н.э., мы сразу же направились к центру города, где располагались несколько больших иконных лавок. Покупателям был предложен огромный выбор икон разной величины, формы и стоимости, изготовленных в итальянском Бари, на Афоне и в Иерусалиме. Разумеется, я не приобрела ни одной из них: все они были новообрядческими. Никакой святости здесь не было и в помине: назойливая торговля иконами превратилась в очередной бизнес. Тюркай на ломаном, но по-своему приятном русском языке рассказала нам несколько историй и легенд из жизни Святителя Николы, бывшего епископом Миры Ликийской, совершившего множество добрых дел и чудес и погибшего за веру в период очередных гонений на христиан. В моей походной сумке лежала иконка с изображением Николы Чудотворца, ставшая уже девять лет моим талисманом. Я молилась на неё во время всех своих путешествий, и мне всегда хотелось оказаться вместе с ней на том месте, где навечно сохранилась память о великом Святителе.

Храм Николы Чудотворца, к моему удивлению, был расположен не на возвышенности, а в низине; его не раз подтопляли воды реки Миры, а в настоящее время он существовал

лишь как музей. Внимательно осмотрела я это величественное сооружение из серого камня, на стенах его кое-где сохранились остатки древних фресок, но в целом стены и потолок были безжизненно голыми, часть дверей тоже не сохранилась. Храму пытался в своё время помочь император Николай I, установивший в нём свой саркофаг, но сделано было ничтожно мало. Сейчас двадцать процентов денег от продажи икон, якобы, идёт на восстановление храма, однако, песня эта долгая: новообрядцы никогда не отличались единством слова и дела...

Ликия в переводе означала “солнечная страна” – и впрямь солнца и моря здесь оказалось предостаточно! Мы прокатились на небольшой прогулочной яхте до острова Кекова, полюбовались всей фантастической красотой Средиземного моря и проплыли над некогда затонувшим от землетрясения древним античным поселением. После обеда – шведского стола в местном ресторане – наш путь лежал дальше в горы. По дороге мы заехали в дегустационный зал “Дионисиус”, где попробовали три сорта марочных турецких вин. Вина, признаться, были хороши: не чета той кислой дряни, которой потчевали нас в “Werole”. День завершился в красивом отеле – этакой вариации сказок “Тысяча и одной ночи” – близ Памуккале. Вечером у бассейна я вместе с другими туристами посмотрела небольшое представление: танец живота в исполнении местной танцовщицы – эротические стремительно-плавные движения натренированного тела в ярко-красном бюстгалтере и приспущенной на одно бедро полупрозрачной красной юбке. Чуть позже женщина пригласила на подиум сперва несколько мужчин из числа зрителей, а потом несколько молодых женщин, предлагая им поплясать вместе с ней и повторять её телодвижения. Танец мужиков вызвал всеобщий смех, женщины куда как более успешно покрутили попками – таков был очередной нехитрый “прикол” для туристов, что, как объяснила мне Тюркай, повторялся в отеле каждый вечер. Надобно сказать, что в курортный сезон в Турции существует

множество экзотических способов заработка: это и вечерние выступления танцовщиц, и более развёрнутые ночные представления “Турецкие ночи” аж с плясками дервишей, и массажи в знаменитых хамамах – турецких банях, и прыжки со скалы в Алании молодого парня “Джека Воробья” – в подражание главному герою сериала “Пираты Карибского моря”. Всяк зарабатывает здесь, как может, стараясь побольше урвать за лето.

Памуккале означает в переводе с турецкого “хлопковая крепость” или “хлопковый замок”. Это, воистину, одно из чудес света, о котором в справочнике туриста сказано следующее: “Едва ли где-нибудь на нашей планете можно увидеть такое чудо из созданных самой природой каскадов, наполненных сильно минерализованной водой, естественных бассейнов, окаймлённых причудливыми известковыми барьерами. Тёплые воды источника (до 37 С) тысячелетиями бьющие из-под земли, по мере испарения формировали эти удивительные известковые травертины, создающие издали впечатление огромного белоснежного замка. Целительная сила источников была известна ещё с древних времён. В период Римского господства здесь был курорт, который неоднократно посещался римскими императорами”.

Отрадно, что наша автобусная группа прибыла сюда рано утром, до наступления жары, и экскурсия началась с посещения развалин древнего античного города Хиераполис. Тюркай показала нам великолепно сохранившийся театр на пятнадцать тысяч зрителей с высеченными из камня скамьями, схеной и орхестрой и рассказала о бывшем городе, некогда пережившем свой расцвет, а теперь лежащего в бережно охраняемых руинах. Большая часть группы ринулась купаться в “бассейне Клеопатры”: по сохранившимся сведениям, легендарная царица бывала в Эфесе и вполне могла добраться до Памуккале. Я предпочла прогулку по удивительному месту, побродила босиком по травертинам, полюбовалась наполненными целебной водой

чашами из голубой плитки, потрясающим видом на окрестные горы и лежащим в долине городом Денизли. А вокруг и около бродили толпы народу! Кого только тут не было: китайцы, корейцы, итальянцы, туристы со всей России и СНГ. Всяк на своём родном языке восхищался чудом природы.

Продолжение памятного воскресного дня стало посещение мастерской по изготовлению изделий из оникса, полудрагоценного природного камня, что добывался только в двух местах в Турции: в Памуккале и в Каппадокии. Изделия, действительно, были подлинно художественными: пропускающие свет изящные кубки, бокалы, украшения, сувениры. Я бегло осмотрела всё это великолепие, и тут моё внимание в фойе магазина-салона привлёк портрет Мустафы Кемали Ататюрка. В моей памяти прочно запечатлелись даты его жизни – 1881-1936 годы. Я вспомнила, что статуя Ататюрка была в центре Демре и чем-то напоминала одно из тех скульптурных изображений Ленина, что так набили всем оскомину в советские времена. Однако, в Турции отношение к Мустафе Кемалю было и осталось самое что ни на есть благоговейное, как к величайшему национальному герою. Из краткой его биографии, рассказанной нам Тюркай, я узнала, что он родился в Греции, в Салониках, затем окончил высшее военное училище в Турции, достиг звание генерала и в самом начале двадцатого века повёл борьбу за освобождение турецких земель от оккупировавших их французов и итальянцев. Второй его не менее важной задачей стало полное преобразование Турции по западноевропейским и американским образцам. Придя к власти в 1923-году, он упразднил Османскую империю, провозгласил себя первым президентом страны, а пятью годами позже заменил арабскую письменность латинским алфавитом, разработанным в соответствии со звуковыми особенностями турецкого языка. Мустафа Кемаль, буквально, сломал костяк бывшего султаната: он перенёс выходной день с пятницы на

воскресенье, дал равные избирательные права женщинам – ярким тому примером стало недавнее премьерство Тансу Чилер, – провёл в кратчайшие сроки беспрецедентные реформы и прожил всего-навсего пятьдесят пять лет. На всех своих фотографиях он выглядит по меньшей мере семидесятипятилетним: настолько напряжённой была его жизнь! До его правления турки не имели фамилий, только имена, и вот национальному герою была первому присвоена фамилия Ататюрк – отец турок.

– Какова была роль отца турок в геноциде армян 1915-го года? Приложил ли он к этому руку? – спросила я Тюркай и услышала в ответ:

– Никакого геноцида не было. Армяне попытались захватить наши восточные земли, они стали убивать турок, захватывать их дома и имущество, чтобы завоевать для себя жизненное пространство, вот и пришлось подавить их восстание.

Подобный ответ – эти ли не пример отстаивания национальных интересов!? Мне сразу же вспомнилась книга Андрея Битова “Семь путешествий”, одна из частей которой была посвящена страшному истреблению армян младотурками, где счёт жертв достиг восьми миллионов, а зверства турок были так чудовищны – вспоротые животы у беременных женщин, самые изощренные пытки и казни, – что кровь застывала в жилах даже при чтении этих страниц. Видя по моей реакции, что я не поверила её словам, Туркай тут же позвонила кому-то по телефону и попросила меня записать имя Ованэса Качаре Нони – первого президента Армении, избранного в 1923 году от партии “Ташнак” и, якобы, поведавшего миру правду о событиях 1915-го года. Как бы там ни было, но отношения между турками и армянами до сих пор остаются крайне напряжёнными.

Реформы Ататюрка привели к созданию в Турции общества потребления по западноевропейским и американским стандартам. Современные турки, в отличие от арабов, не реагируют отрицательно на полуголых или одетых в купальники-

бикини женщин-туристок: лишь бы те платили как можно больше за все услуги. “У денег нет ни национальности, ни страны, ни религии”, – сказала мне Тюркай, и я решительно не могла согласиться с этим утверждением. Но необходимо было оценить по достоинству вышколенную прислугу нашего отеля: всем отдыхающим они неизменно желали приятного аппетита и доброго утра, вольно или невольно стремясь стереть в памяти русских образы свирепых башибузуков, рубящим головы своим противникам и выпускающим у них кишки.

Турция привлекательна не только сравнительно дешёвым отдыхом, но множеством мест, связанных с историей античного мира и раннего христианства. Это на её территории, близ пролива Дарданелла, находилась легендарная Троя, воспетая в “Илиаде” Гомером и раскопанная в девятнадцатом веке Генрихом Шлиманом. Туристам предлагают посетить и античный Сидэ, и развалины древней крепости в Алании, и Хиераполис, и удивительные по красоте острова Эгейского моря. А разве не поучительна судьба бывшего Константинополя, ставшего Стамбулом, огромным мегаполисом со множеством достопримечательностей?!

Что же касается Эфеса, места, где прожила последние годы своей жизни Пресвятая Богородица вместе с Иоанном Богословом, которому Иисус перед казнью наказал быть её сыном, а ей – его матерью, то здесь лет пять тому назад произошло самое настоящее чудо. В Эфесе вспыхнул пожар, и стена огня двинулась вперёд, пожирая всё на своём пути, но огонь остановился, не дойдя до церкви, построенном на священном месте, и охваченные ужасом люди обрели там своё спасение.

Очень понравились мне две отдыхавшие в нашем отеле пожилые москвички-геологи, которым перевалило далеко за семьдесят, но которые не утратили энергии и любознательности, вечного стремления посмотреть что-то новое. Они съездили на два дня в Каппадокию, один из самых интересных природных

заповедников в Турции, где на протяжении тысячелетий дождь и ветер разъедали туф, создавая долины, расщелины и причудливых форм каньоны. Здесь, как говорится в туристическом справочнике, природа проявила всю свою буйную фантазию: этот пейзаж, состоящий из малых и больших долин со скалистыми стенами, пирамидами и конусами из туфа, не имеет себе равных в мире. Жилища выбивались прямо в скалах. А когда здесь появились первые христиане, в скалах же стали строиться церкви и монастыри, возникло около тридцати пяти подземных городов. В Каппадокии сформировалась уникальная школа христиан-богословов, но после османского завоевания в шестнадцатом веке скальные жилища использовались как стойла, сараи и хранилища. Сейчас они реставрируются и сохраняются: как-никак туризм – это важнейшая статья национального дохода.

Во время отдыха на пляже с неизменным интересом слушала я рассказы отдыхающих о том, где они бывали и чего видали. Собеседники мне попались дошлые, ушлые, бывалые... Две женщины из нашего отеля успели слетать на пару дней в Иерусалим, на Святую землю, и я позавидовало им белой завистью, мечтая хоть когда-нибудь попасть туда же. Многие туристки побывали в Китае, Таиланде и Египте, ну а в Турцию они летали ежегодно, как некогда советские люди постоянно отдыхали в Болгарии, считая её едва ли не своей республикой. С юмором передавали они мне рассказы своих гидов о том, как проходят турецкие свадьбы. Жених, как водится, платит калым родителям невесты. Гостями в деревнях бывает не менее тысячи человек, и гуляют они по меньшей мере месяц. Молодым приходится потом лет десять расплачиваться за свадьбу, а в подарок они могут получить сто утюгов и головную боль, что делать с ними дальше?

Мы, женщины, организовали на пляже небольшой “субботник”: расчистили от камней в море двухметровую полосу, получилась удобная дорожка для входа и выхода из воды. А вот

большие каменные глыбы-риффы приходилось огибать во время плавания – таковы были неудобства верольского пляжа да и многих других мест близ Алании.

Классовое и социальное расслоение в Турции было ощутимо: все отели, яхты и виллы были частными, а требования к работникам предъявлялись немалые, за плохую работу хозяева могли тут же их уволить. Наши “пляжные хлопцы” – трое бедно одетых парней – с утра до вечера чистили пляж и готовили его к высокому сезону. Другой молодой человек, подменивший Ирину на рецепции, поведал мне, как стремился он занять это место и как ревностно изучал в школе английский и русский языки. Я заметила, что отношение к своей работе у турок было крайне добросовестным: к этому их, очевидно, подталкивала и конкуренция, и желание сделать свою страну привлекательной для иностранцев.

Каждый мой день на отдыхе начинался и заканчивался молитвами с неизменными их атрибутами – иконкой с изображением Николы Чудотворца, лестовкой и подручником. Но всё, что имеет начало, по утверждениям философов, имеет и свой конец. Обратный мой путь в России, произошёл без малейших задержек, и ранним утром одиннадцатого июня я уже наслаждалась на родной земле морем зелени, открывшемся моему взору со всех сторон, и благодарила Господа за удачное возвращение. Нет, не смогла бы я жить среди выжженных палящим солнцем предгорий – даже вблизи ласкового Средиземного моря, а, если и снова нужен мне будет берег турецкий, то только для посещения находящихся на нём великих христианских святынь. А вскоре начавшийся Петровский пост принёс нам, жителям России, новые катаклизмы и катастрофы. Как тяжко предстоит расплачиваться всему человечеству за отказ от подлинной веры в Христа, думалось мне по возвращению домой... Жёлтая резиновая полоска-браслет, лежащая теперь в верхнем ящике моего письменного стола, надолго останется для

меня сувениром, напоминающем мне о земле турецкой, о её городах и весях, некогда бывшими христианскими и православными святынями.

Июнь 2011 года

Мой первый крестный ход

Впервые довелось мне побывать в Шамарах летом 2004-го года на престольном празднике в церкви во имя рождества Иоанна Предтечи. Праздник прошёл с участием покойного митрополита Андриана, и благодатное это место прочно запечатлелось в моей памяти, хотя тогда крестным ходом я не ходила. Шли годы. Разного рода причины, признаться, не столь уж существенные, мешали мне принять участие в благом деле, но нынешним летом я отчётливо поняла, что больше откладывать нельзя: надо ехать и идти. И вот позади остались полдня езды на автобусе и электричке, а в Шамарах встретила я множество знакомых староверов из самых разных приходов Уральской епархии. Нас, вновь приехавших, тут же накормили и разместили в комнатках гостевого дома, похожего в ту ночь на набитый до отказа пчелиный улей или муравейник. Оно бы всё хорошо, да молодёжь, не спавшая всю ночь, не дала уснуть и нам, взрослым. Парни и девчата лупили внизу теннисные шарики, ходили из одной комнаты в другую, громко смеясь и разговаривая. Уснуть было решительно невозможно. Дважды вставала я со своих нар и гневно призывала молодёжь к порядку, но после недолгой тишины снова возникал шум. Попустительское, снисходительное отношение организаторов хода к этой проблеме – ну, пошумели молодые, обрадовались встрече друг с другом! – меня, признаться удивило: староверческая молодёжь не должна быть столь эгоистичной, должна думать о старших и о духовном смысле хода.

После утренней напутственной молитвы в церкви все участники хода бодро двинулись в путь. О.Павел Зырянов из

Екатеринбурга нёс крест, шамарские молодые мужчины шли рядом с хоругвями, а возглавляли крестный ход шесть священников: братья о.Михаил и о.Никола Татауровы, о.Родион Чумаков из Верещагино, о.Никола Егоров из пос. Мурашкино Нижегородской области и о.Михаил Лоскутов из пос. Баранчинский Свердловской области. Через деревянный мост-настил на Сылве прошло сто двадцать человек, вскоре к ним присоединились ещё более трёх десятков паломников. Благо, что ночью над Шамарами прогремела и разразилась ливнем сильная гроза: асфальт был мокр, воздух свеж и поначалу идти было легко. Я старалась шагать вслед за батюшками и этак добралась до первого привала, но по мере наступления жары силы мои — после бессонной ночи —заметно поубавились и я оказалась ближе к арьергарду. Издали ход выглядел величественно: высоко над головами идущих возвышался крест, плавно плыли хоругви, свет струился от белых платков женщин, в пути звучали молитвы, читались каноны и духовные песнопения. Водители встречных машин не без удивления взирали на необычайное шествие, а иные даже фотографировали его.

Самым младшим участником хода был третий сын о.Родиона, полуторагодовалый Арсений Чумаков, его катила в коляске матушка Марья. Самой старшей было 81-летняя женщина из Екатеринбурга, которая поведала мне, что ходит крестным ходом почти каждый год и Господь даёт её здоровье и силы. В колонне паломников было множество детей: наравне со взрослыми к святому источнику во имя некогда убиенных там иноков Константина и Аркадия шли дети всех шестерых батюшек. О.Никола Егоров шёл вместе с женой, двумя сыновьями и дочерью. О. Михаила Лоскутова сопровождали в пути сын, дочь и беременная жена, которой предстояло родить через три недели. Трудно передать словами весь благодатный смысл крестного хода! Каждый его участник просил у Господа исполнения самого заветного его желания. Молодая замужняя женщина из

Бородулино призналась мне, что у неё детей и в пути просила Бога даровать ей долгожданное чадо. Я просила Господа дать мне силы для служения русскому делу.

Последние километры дались мне особенно тяжело: ноги в кроссовках, буквально, горели от усталости, меня слегка пошатывало, но я отказалась от предложения сесть в машину и, шатаясь, продолжала идти, творя Иисову молитву: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешную!”. Долгожданное облегчение наступило лишь возле источника, когда я разулась, приложились к кресту, а чуть позже искупалась в прохладных водах Сылвы. Зато как вкусен был обед из доставленной на берег полевой кухни, как отрадно было ощущение выдержанного испытания, духовного единения со всеми! Подобные чувства, вне всякого сомнения, ощутили все участники хода, прошедшие пешком двадцать восемь километров, в их числе – староста нашего прихода Николай Трифонович Мальцев, который стойко прошёл весь путь с рюкзачком за спиной.

Отрадно, что крестный ход в Шамарах, ставший одним из важнейших событий в жизни Уральской староверческой епархии, год от года набирает силу, становится, по существу, общероссийским, но искренне хочется, чтобы досадные промахи в его организации были устранены, а с молодыми его участниками была бы проведена соответствующая работа. И всё же неповторимая благодать крестного хода будет пребывать со всеми нами весь год, до новых встреч в Шамарах.

Июль 2011-го года

Путешествие в Воткинск и Селетки

Южное кладбище Воткинска – одно из самых старых в городе, о чём гласили надписи на надгробных памятниках и плитах, издали напоминало густой лесной массив с высокими, раскидистыми деревьями. Шла последняя суббота июля две тысячи одиннадцатого года, во второй половине дня стал

накрапывать мелкий дождик, печально шелестящий в кронах деревьев и создающий особое ностальгическое настроение. Мой спутник Серафим Михайлович Бусыгин, в прошлом – поэт, журналист местной газеты и сотрудник заводского музея, а ныне – пенсионер, готовящийся вскоре отметить семидесятилетний свой юбилей, уверенно провёл меня по центральной аллее до самого знакового памятника – высокого надгробья и плиты из чёрного мрамора. В нише надгробья был небольшой бюст, а, точнее, голова человека с волевым выражением застывшего лица и двумя упрямыми бугорками на лбу. Ниже была выбита надпись “Садовников Владимир Геннадьевич” (1928 – 1990) и две почётные награды – орденские ленточки со звёздами, означающие, что покоящийся здесь человек был дважды Героем Социалистического труда.

– Третья могила от Садовникова направо вниз, так объяснила мне Борина жена, – извиняющим тоном сказал Серафим, – но вчера я был здесь и ничего не нашёл.

– Так какого же рожна ты, Сусанин, потащил меня сюда в дождь?

– хотелось съязвить мне, но я промолчала и, глядя на знаменитую могилу, стала читать слова молитвы.

О Владимире Геннадьевиче Серафим успел рассказать мне вчерашним вечерам, когда я приехала в Воткинск и от автовокзала мы вышли на набережную очаровавшего меня огромного красавца-пруда: “Всё это строилось при жизни Садовникова, по тем временам – полного хозяина города. Двадцать два года возглавлял он коллектив Воткинского завода. Вспомни, каким сложным было послевоенное время, но он смог наладить серийное производство ракет “Тополь” и “Булава”. Свою задачу он видел в переоборудовании завода до мирового уровня, но в 1990-м году съездил в Америку, увидел, как налажено производство там, вернулся домой и покончил жизнь самоубийством”.

Я продолжала тихо молиться. Серафим углубился метров

на двадцать направо вниз, прочёсывая два-три ряда надгробий, и тут я услышала его радостный крик: “Нашёл!”. Пospешив к нему, я увидала скромный серый памятник с прикрепленной к нему овальной фотографией нашего общего друга – Бориса Яковлевича Аншакова. “Ну, вот мы и встретились, Боря, по Божьему промыслу”, – погладила я фотографию и трижды прочла молитву за упокоевание души: “Покой, Господи, душу усопшего раба твоего...”. Потом поставила в бутылку из-под минеральной воды четыре жёлтых цветка, данные мне Ритой, женой Серафима, и словно на машине времени вернулась памятью своей в прошлое, в середину семидесятых годов века двадцатого, когда Борис Аншаков учился на заочном отделении филфака университета и мне довелось принять у него экзамен по зарубежной литературе. Отвечал он настолько глубоко и основательно, что я заинтересовалась, где и кем он работает. Выяснилось, что студент-заочник Аншаков являлся заместителем директора по науке Воткинского дома-музея имени П.И.Чайковского. После экзамена у нас получился интересный разговор о взаимосвязях литературы и музыки, и Борис пригласил меня посетить свой музей. Я приняла приглашение, но тогда Воткинск без нынешней великолепной набережной и новых современных зданий показался мне захолустным провинциальным местечком, который сам Боря иронически называл “наш городок Окуров”. Мы подружились и стали переписываться; мой новый друг писал мне интереснейшие письма, которые вполне заслуживали быть изданными отдельной книгой, однако, общение наше то вспыхивало, то затухало. И всё же несколькими годами позже за недолгий срок моей работы в Глазовском пединституте я помогла заочно поступить на филфак лучшему приятелю Бориса Серафиму Бусыгину, тогда-то я познакомилась и с ним. Позже волны времени окончательно разбросали нас в разные стороны. Я вспомнила про Борю, уже будучи старшим преподавателем Мичуринского пединститута, когда впавшее в старческий маразм

руководство КПСС решило после кончины маршала Устинова переименовать город Ижевск в Устинов. Краткое моё письмо, адресованное Боре в музей, содержало в себе призыв яростно протестовать против очередного партийного произвола. В ответ я получила несколько строк от одной из сотрудниц музея, гласящих, что Борис Яковлевич Аншаков утонул летом 1985-го года и смерть его стала огромной потерей для музея.

Стоя под морозящим дождём на кладбище, я подумала о том, что объединяло двух покоящихся недалеко друг от друга людей: бывшего генерального директора завода и бывшего замдиректора музея. Их, несомненно, объединяли взаимосвязанные судьбы завода и города. Воткинский завод, построенный в 1759-м году по указу императрицы Елизаветы Петровны, всегда занимал ведущее положение в истории России. Вначале он выпускал металлургическую продукцию, в XIX веке – первые в России речные и морские суда с металлическим корпусом, в годы Великой Отечественной войны – артиллерийские снаряды, в послевоенные годы – ракеты. В начале века девятнадцатого приехавший сюда Илья Петрович Чайковский стал одним из ведущих специалистов завода, а Воткинску суждено было стать местом рождения гения русской музыки. Субботнее утро в доме Серафима началось для меня с просмотра груды книг о истории завода, города и музея, среди которых особое моё внимание привлекла книга “След на земле” – тёплые, сердечные воспоминания заводчан о своём замечательном директоре В.Г.Садовникове. Владимира Геннадьевича и Бориса Яковлевича объединяло, воистину, самоотверженное служение своему делу.

В десять часов утра, едва открылись двери музея, я стала первой его посетительницей, и вновь передо мной предстали когда-то виденные ранее прихожая, кабинет Ильи Петровича, гостиная с роялем, на котором играл юный Петя Чайковский, комната, где он появился на свет, детская, где резвился он с братьями и сестрой. В гостиной на аудиозаписи негромко звучали

отрывки из лучших музыкальных творений Чайковского. Всё здесь умиляло, радовало и вдохновляло. На втором этаже размещалась экспозиция, посвящённая постановкам опер и балетов великого композитора. Новым был присвоенный музею статус музея-усадьбы площадью в два с половиной гектара. Пасмурный тёплый денёк как нельзя лучше располагал для прогулки по парку и осмотру всех заново восстановленных строений: чайного домика, беседки, людской, каретного сарая с экипажами той имперской эпохи. В памяти моей тут же мгновенно возникла ассоциация с другим великолепным музеем-усадьбой – Аксаковским, близ Бугуруслана на севере Оренбуржья, так же бережно восстановленного из руин усилиями энтузиастов. Но одно обстоятельство всерьёз огорчило меня: сотрудники музея, в основном молодые, совершенно ничего не помнили и не знали о деятельности Бориса Яковлевича Аншакова. Лишь одна пожилая женщина в ответ на мой вопрос сказала, что был тут такой научный работник да память о нём почти напрочь стёрлась. А ведь это по инициативе Бориса в музее в мае стали ежегодно устраиваться музыкальные фестивали, на которые приглашались лучшие мировые исполнители произведений музыкального гения. Это он написал путеводитель по музею и книгу об отце Чайковского. Где теперь эти книги? В музее, как ни прискорбно, я их не увидела. С Борисом постоянно консультировались ведущие чайковсковеды Москвы и Ленинграда: настолько глубоки и обширны были его знания о Петре Ильиче.

А ещё двух ярких личностей Воткинска – В.Г.Садовникова и Б.Я.Аншакова – объединила преждевременная их смерть. Серафим напомнил мне, что зарплата Бори составляла всего-навсего девяносто рублей, жена его, Лариса, будучи культработником, получала и того меньше, а в семье росли две дочери. На почве постоянной нехватки денег у Бориса часто возникали серьёзные ссоры с женой. После одной из таких затяжных ссор трагическим для него летом 1985-го года он ушёл

из семьи и прожил три дня в квартире Серафима. Потом восемнадцатого июля решил навестить свою старшую дочь Лену, отдыхавшую в летнем детском лагере, и отправился туда пешком после работы. Прошёл по жаре пять километров, стал переходить высокий мост через реку Сива и тут увидел тонущего в реке мальчика. Не раздумывая, Боря прыгнул с моста и бросился спасать его. Вытащил ребёнка на берег и сам, измученный, упал навзничь на траву. Медсестра подоспевшей скорой помощи в первую очередь занялась мальчиком, возвращая его к жизни, а на Боря не обратила внимания, как и собравшиеся вокруг зеваки. Нужно-то было всего-навсего перевернуть его на живот, чтобы вода вытекла изо рта и лёгких, но никто не догадался сделать это. Сердце у Бори было слабым, помощь ему была не оказана, и он умер тут же на берегу. Смерть его стала шоком для родных, друзей и работников музея. Огромное количество людей провожало его в последний путь, как пятью годами позже – Садовникова.

Знакомы ли были эти два человека? Вполне возможно, что нет, хотя и трудились они совсем недалеко друг от друга: дом-музей располагался на берегу пруда рядом со знаменитым заводом. Исконно русская взаимосвязь гуманитарной и технической, производственной культуры некогда породила гений Чайковского: в семье “технаря” Ильи Петровича все пели и музицировали, прекрасно знали творения современных поэтов и писателей – это не могло не дать толчок творцу великих симфоний, опер и балетов. Но навряд ли Садовникова занимал тот факт, что где-то рядом талантливейший замдиректора музея Чайковского живёт с семьёй на жалкую советскую зарплату в девяносто рублей? Он решал иные масштабные задачи, однако, в Божьем мире всё взаимосвязано... Впрочем, по словам Серафима, навестившего после смерти Владимира Геннадьевича его вдову, генеральный директор завода никогда не грёб под себя: в трёхкомнатной его квартире по улице Мира на полу были постланы обычные

половики, а обстановка была самой скромной. И всё же именно в советскую эпоху взаимосвязь гуманитарной и технической культур была разорвана, да и по сей день русская культура влечит самое жалкое существования: творцы и хранители её не ощущают на себе государственной поддержки. За день пребывания в Воткинске размышляла я, что ещё безбожие, неверие в высший Промысел привело к тому, что каждый из этих двух незаурядных людей умер несобственной смертью.

Душа Бори, надо полагать, возрадовалась на том свете от краткой, но сердечной молитвы и памяти о нём друзей. На обратном пути с кладбища я посмотрела центр города, обошла вокруг реставрируемого храма Благовещения, где крестили новорожденного Петю Чайковского, ещё раз полюбовалась прудом и панорамой Воткинска. Чуть позже, за ужином, мы с Ритой решили помянуть Борю бутылочкой “Каберне”. Серафим, уже успевший куда-то заглянуть с и кем-то выпить, обругал Риту матом за поданный ему излишне горячий борщ и снова ушёл из дома. Я искренне изумилась и возмутилась его выходкой, пока Рита не призналась мне, что пьёт он уже давно, практически, ежедневно, а по дому делает самую малость. Ей приходится обслуживать себя, мужа, гостей у неё всё лето внуку и внука да ещё помогать живущему в Подмоскowie сыну, с женой которого она окончательно рассорилась за разгульную её жизнь и невнимание к семье. Слушая горестную исповедь Риты, я вспомнила, что вчерашним вечером на автовокзале я не сразу узнала в постаревшем и облысевшем старичке бывшего интересного мужчину. Серафим, увы, деградировал, и остановить разрушительный этот процесс могла бы только крепкая вера в Бога. От души посоветовала я Рите – опоре всей семьи – прийти к Богу, но она в ответ только покачала головой: смолodu де не привыкла, теперь, вроде, поздно. Я, как могла, убеждала её, что не поздно... Всё же ранним воскресным утром в семье наступил кратковременный лад: Серафим с Ритой и их любимицей, внучкой

Анечкой, проводили меня до автовокзала, откуда проходящий автобус снова доставил меня в Пермский край, в Большую Соснову.

Сорокаминутная поездка на такси по грунтовой, местами ухабистой дороге, и я вновь оказалась на западной границе с Удмуртией, в маленькой деревушке под названием Селетки. Выйдя из машины, я остановилась возле добротного облицованного кирпичом брусчатого дома и огляделась по сторонам. Деревенька представляла собой одну-единственную круто уходящую под гору улицу с названием Молодёжная – таким замахом на перспективу. С косогора открывался захватывающий вид на окрестные лесные дали, справа увал прятал деревеньку от посторонних глаз, слева виднелось огороженное тыном пастбище для скота. Из дома, улыбаясь, вышел хозяин – сорокавосемилетний старовер Владимир Михайлович Подюков, чьей книжечкой “Староотеческие бывальщины” я, буквально, зачитывалась, восхищаясь сочным, красочным, колоритным её языком, сплошь пересыпанным меткими пословицами и поговорками. Теперь Володя сдал в типографию вторую книжечку своих бывальщин, и нам предстояло обсудить кой-какие проблемы, касающиеся дальнейшего его творчества.

– Боже, милостив буди мне, грешной! Создавая меня, Господи, и помилуй мя! Без числа согреших, Господи, помилуй и прости мя грешную! – произнесла я, входя в дом и совершая крестное знамение, молитву мытаря и тут же добавила традиционное старообрядческое приветствие: “Мир дому сему!”.

– С миром приемлем! – отвечал Володя, а вскоре его жена Валентина уже потчевала меня вкуснейшими домашними щами с курицей, помидорами да огурчиками из теплиц, козьим молочком и мёдом с собственной пасеки. С отрадой подумала я, что уж тут-то хозяин, вне всякого сомнения будет трезвым: Володя не употреблял спиртного вообще.

После сытной трапезы гостеприимный хозяин решил

показать мне свою деревню, и вот мы стали неспешно спускаться вниз по косогору. Все дома на единственной улице Молодёжной были под стать друг другу: крепкие, основательные, нарядные. Особенно удивили меня цветочные клумбы, выложенные хозяйками прямо на улице перед каждым домом и радующие глаз пышным летним разноцветьем. Дорога была выложена бетонными плитами, а возле каждого дома стояла легковая машина, без которой её хозяевам тут никак нельзя было обойтись: рейсовые автобусы в Селетки не ходили, лишь школьный автобус возил детей в ближайшую среднюю школу посёлка Петропавловск. В низине ласково журчала маленькая речушка, тут же был выкопан небольшой пруд – для разных хозяйственных нужд да купания в летнюю жару.

– Когда-то, как гласит местное предание, – рассказывал мне Володя, – здесь скрывалась от гонений семья старовера: их домик стоял в низине и был не виден постороннему глазу. Староверы прочно обосновались в Селетках и прожили тут более трёх столетий, однако, в начале девяностых годов деревня оказалась на грани вымирания. Тогда родители Валентины и пятеро её братьев решили возродить гибнущую деревню. После венчания и женитьбы мы с Валентиной последовали благому их примеру. По Федеральной программе поддержки селу всем нам выделили средства на постройку домов, а дополнительные дотации не понадобились: трезвость, здравомыслие, хозяйская смекалка вскоре дали хорошие плоды – все мы поднялись на ноги. Братья жены занялись разведением и откормом свиней, сейчас у них имеется уже три собственных свинофермы, ну а наша семья выбрала для себя пчеловодство и тоже не ошиблась в выборе. Теперь в деревне живёт чуть больше тридцати человек, почти ежегодно у нас рождаются дети. Все мы, за исключением трёх-четырёх человек, староверы, многие деревенские работы делаем мы сообща: выкопали пруд, помогаем друг другу обустраиваться, зимой все вместе чистим нашу улицу от снега, а когда в одном из домов из-за неисправной проводки случился пожар,

все тут же бросились на выручку. Дело было в апреле, дорогу развезло, пожарная машина прибыла к нам только через час, но Господь услышал наши молитвы: пошёл дождь со снегом, и огонь не перекинулся на соседние строения. Так вот и живём, поддерживая друг друга. Электричество, слава Богу, у нас есть, хлеб и почти привозят нам регулярно, муку, сахар и крупы мы покупаем оптом, а питаемся исключительно своими натуральными продуктами. Ягод и грибов кругом – хоть косой коси! Скоро расширим свой пруд и разведём в нём рыбку. Для полного счастья не хватает только Интернета, но со временем будет и он.

Слушая Володин рассказ о своём житье-бытье, я размышляла о том, что только православная община может возродить загубленное, угробленное наше сельское хозяйство. В Селетках довелось мне увидеть наглядный пример и прообраз такой общины. После мы долго сидели на пасеке возле дома, слушая мирное жужжание пчёл. Давно не испытывала я такой отрады и успокоения, как в этот последний воскресный день июля, ласковый и солнечный. Володя объяснял мне, как мудро устроена жизнь в пчелином улье, где каждая особь знает своё место и своё дело, а пожилые пчёлы порой сами покидают улей, чтобы умереть где-нибудь на стороне и не отнимать у своих сородичей столь нужный им для пропитания мёд.

Но человеческое общество устроено намного сложнее, думала я уже поздним вечером, глядя на обширную библиотеку хозяина дома, где самое почётное место отведено было трудам выдающихся русских историков. Отечественную историю Володя знал превосходно, особенно изначальный её период – время перехода от языческой Руси к православной. Это время и воспел он в своих “Староотеческих бивальщинах”, изданных зимой нынешнего года в Верещагинской типографии владельцем её, старовером Михаилом Тиуновым.

– Эту бы книжечку переиздать крупным шрифтом, да на хорошей бумаге, да с талантливо выполненными иллюстрациями – цены

бы ей не было! А как бы зачитывались ею дети! – размечталась я. – Какую “духовную” пищу получают они сейчас, сам знаешь. А ещё хорошо бы тебе написать и издать книжечку о боевых приёмах и искусствах: ты их изучил основательно.

– И испробовал все эти искусства на самом себе, а теперь обучаю своих парней, – улынулся Володя. – Старший сын Михаил уже знает многие приёмы рукопашного боя, прыгал с парашюта, был после одиннадцатого класса хорошо подготовлен к армии, но, слава Богу, имея одни пятёрки и четвёрки в аттестате, поступил на отделение технологии в педуниверситет. Мечтает перевестись на филфак, любит, как и я, литературу. Младший Илюша, круглый отличник, перешёл в третий класс, каждый день, по примеру старшего брата, начинает с молитвы и утренней гимнастики.

Володина семья, дружная и трудолюбивая, понравилась мне, как и сама деревня Селетки. Несмотря на кажущуюся глухомань и оторванность от районного центра из-за частую перемертвевшей снегом или размытой дождями дороги, здесь у каждого члена семьи крутлый год есть своё дело: летом – сад-огород, пчёлы, козы, куры, грибы и ягоды, всякого рода домашние заготовки, зимой – учеба Валентины и сыновей да литературный труд Владимира, действительно требующий всё больше времени и сил.

После многократно прочитанных мною двух его книг, я твёрдо поняла, что Владимиру Подюкову есть о чём сказать людям, а пермской писательской организации уже в ближайшей перспективе нужны яркие, самобытные таланты, верящие в Бога, в возрождение русских семей, деревень, городов, во всё то, без чего невозможно достойное будущее России.

Много впечатлений и раздумий дало мне, казалось бы, совсем небольшое путешествие в Воткинск и Селетки, вот и захотелось в очередной раз поделиться ими со своими друзьями, ибо пред каждым из нас стоит ежедневный выбор: как жить дальше и как сделать российскую нашу жизнь хоть немного лучше.

Август 2011-го года

Восточная сказка, или отдых в Тунисе

“Восточная сказка налетает на меня порывами, овеяная неясным ароматом, от которого ширится душа”, – так писал в своих дневниках Гюстав Флобер вскоре после завершения работы над романом “Госпожа Бовари” – повествовании о провинциальных нравах, которые казались ему слишком уж унылыми и пошлыми. Иная историческая реальность – яркая, экзотическая и глубоко драматичная – волновала воображение великого французского писателя. В основу нового произведения легли воспоминания о путешествии по Египту и Нилу, и о тех контрастах, что довелось ему там наблюдать. Флоберу, творившему неторопливо и основательно, понадобилось пять лет для создания романа “Саламбо”, который он окончил в 1862-м году. В эпоху Пунических войн III века до новой эры его привлёк катастрофический момент в истории Карфагена – борьба рабовладельческой республики с войсками наёмников. Но то был роман и о страстной всепоглощающей любви, вот почему он причаровал меня ещё со студенческих лет. Мой выбор зарубежной поездки 2012-го года, второй по счёту после прошлогоднего посещения Турции, не случайно пал на Тунис: таково было огромное воздействие на меня флоберовского шедевра о событиях древнего мира – я задалась целью увидеть легендарный Карфаген.

На сей раз моей спутницей стала Зинаида Сергеевна Орлова – староверка из нашего Пермского прихода, для которой путешествие это стало первым дальним туром в её жизни. Вдвоём легче и лететь, и отдыхать, думалось мне, испытавшей некий страх в канун и во время поездки. Страх этот вызван был мощными волнениями в исламском мире после выпущенного в прокат откровенно провокационного фильма живущего в Америке еврейского радикала Сэма Бейсила. Фильм назывался “Невинность мусульман”, и пророк Мухаммад был изображён в нём отъявленным лжецом и развратником. Другой радикал – христианский пастор Терри Джонс из Флориды, – посмотрев

фильм, тут же сжёг несколько копий Корана. Всё это мгновенно вызвало цепную реакцию в ряде арабских государств. В Ливии, в Бенгази, был убит посол США Кристофер Стивенс, рьяно боровшийся с режимом Каддафи и поддерживавший исламистов. Как говорится, за что боролся, на то и напоролся... Я видела на телеэкране, как в Йемене и Каире разъярённые арабы осаждали американские посольства, прочла в Интернете, что МИД РФ призвал россиян быть осторожней в Тунисе, где исламисты-салафиты тоже устроили беспорядки в столице. И всё же отказаться от долгожданной поездки я не захотела, полагаясь и тут на волю Божию: в составленном мною списке вещей первыми значились не загранпаспорт, деньги и документы, а дорожная моя иконка с изображением Святителя Христова Николы, покровителя всех путешествующих, молитвы, подручник да лестовка.

Наш ночной полёт на боинге Оренбургских авиалиний состоялся вовремя, экипаж порадовал отличным сервисом, а время прибытия в Тунис оказалось сдвинутым на шесть часов назад. Столь стремительное перемещение в пространстве и времени всякий раз напоминало мне сказку М.Ю.Лермонтова

“Ашик-Кериб”. Я просила подобрать для нас в агентстве Tez-tour уютный и спокойный отель: “Marina Palace” – “морской дворец” вполне соответствовал этим просьбам. Скромное моё знание английского языка оказало нам неоценимую помощь: ночной служащий на рецепции – эlegantный и изысканно вежливый молодой араб – предложил нам с Зинаидой относительно тихие номера, правда, в разных крыльях гостиницы, помог каждой из нас донести вещи, и утренняя моя молитва сотворена была уже во вполне комфортабельном номере, где предстояло мне прожить десять дней и десять ночей.

Открытие Туниса началось с раннего утра шестнадцатого сентября. После достаточно плотного европейского завтрака:

гренки, омлет, варёное яйцо, сосиски, сыр, кофе с молоком да плюс к этому восточные орешки с мёдом – всего нам хотелось отведать понемножку! – мы с Зинаидой отправились на пляж, что был через дорогу, в семи минутах ходьбы от отеля. Иная реальность окружала нас – белокаменные дома с плоскими крышами, голубыми балконами и оконными наличниками, высаженные в прямые ряды пальмы, цветущие кусты олеандр, тёплый, напоённый ароматами воздух, а впереди уже виднелся широкий песчаный пляж и призывно плескались о берег ласковые тёмно-голубые волны Средиземного моря. Освоились мы быстро, на гостиничном пляже нас уже ожидали лежаки под тентами-грибками с крышами из тростниковой соломы, а морское дно – упруго песчаное, пологое, идеальное для купания туристов всех возрастов – привело меня в восхищение. Восторг мой решил поубавить пятидесятилетний механик Валерий из Омска, расположившийся со своей женой рядом с нами:

– Чему вы радуетесь? Бедная, грязная страна, грязный город. Пляжи и улицы почти никем не убираются. Поезжайте на тропический остров Хайнань, где были мы год назад. Увидите, как там человек тридцать-сорок китайцев убирают мельчайший мусор на пляже, даже смахивают щёточками песок с лежаков, приговаривая при этом: “Пазялуста!”.

Я присмотрелась окрест. И впрямь, кое-где валялись пакеты, пластиковые бутылки, окурки, при входе на пляж лежали неубранные мешки с мусором, но всё это с лихвой окупалось широким песчаным пляжем и дивным морским дном. В Турции, где довелось мне отдыхать в начале июня прошлого года километрах в двадцати от Алании, невозможно было спокойно войти в море из-за крупного галечника, а метрах в десяти от берега повсюду были каменные рифы, опасные для пловцов. Иное дело – тунисские берега! Вдоволь накупавшись в тёплом сентябрьском море, я продолжила внимательное их изучение. Вскоре появился темнокожий араб, ведущий на поводу верблюда,

и жестами стал предлагать всем покататься на нём. “Верблюды пришёл на работу!”, – пошутили отдыхающие. Следом цепочкой шли торговцы: один – с жареным миндалем, другой – с дешёвой бижутерией, третий – с шарфами и платками, четвёртый – с сигаретами. Мы

отмахивались от них, точно от назойливых мух. Признаться, мне было жаль этих бедолаг, другой работы у них, по-видимому, не было, но их товар ничуть не привлекал меня. Ближе к полудню в небо над морем стали взмывать парашюты, под которыми были привязаны ремнями любители экстремальных ощущений, а над морскими волнами совершали лихие виражи шлюпки-бананы, тросами прикреплённые к катерам.

Решив отдохнуть по полной программе, мы с Зинаидой за доллары приобрели у отельного гида Анны Беляевой пакет из двух наиболее примечательных экскурсий: в четверг мы пожелаем отправиться в Тунис-Карфаген, а в субботу и воскресенье – в Сахару. Место, где довелось нам прожить незабываемые десять дней, называлось Ясмин-Хамамет – жасминовый Хамамет – и представляло собой новый, самый фешенебельный район вытянувшегося на многие километры вдоль побережья одного из курортных центров Туниса. Белокаменные отели с лепными фасадами в мавританском стиле, морской причал с множеством красивых яхт, набережная и аквапарк, вход в который украшали выполненные в натуральный рост фигуры боевых слонов с сидящими на их спинах вооружёнными арабами, магазины, ослепляющие блеском витрин, оживлённые кафе и ресторанчики на каждом шагу – всё это осмотрели мы за два вечера, гуляя по центру жасминового города. Колорит усиливали цоканье копыт лошадей, запряжённых в двуконные прогулочные кареты, гудки бойко бегающих по улицам паровозиков с вагончиками и жаждающие пассажиров жёлтые такси. Пёстрая разноязычная толпа туристов развлекалась, как могла.

Не могу не упомянуть о случившемся с нами забавном

случае. При выгрузке багажа в аэропорту у меня порвалась одна из ручек дорожной сумки, и, по совету отельного гида, мы с Зинаидой направились в торговый центр, в отдел по продаже сумок, дабы договориться о ремонте. Нас с улыбками встретили два продавца-араба. Один из них, слушая мою просьбу на английском языке, загадочно качал головой, другой присматривался к Зинаиде и, наконец, прямо по-русски спросил её: “Сколько дашь?”. Озадаченные, мы вышли на улицу, и тут Зинаида объяснила мне, что пожилые немки и другие женщины из Западной Европы специально приезжают в Тунис, чтобы снять на несколько ночей молодых арабов и таким греховным образом омолодиться. “Теперь понимаю! Они решили, что мои разговоры о ремонте сумки – лишь предлог для снятия их на ночь!”, – воскликнула я, и мы долго и от души хохотали. А оторванную ручку чуть позже пришила мне моя спутница, благо, что я захватила с собой иголку и чёрные нитки.

Наши первые памятные впечатления начались с катания на пиратской яхте “Kolambus”. Прогулка эта – чисто развлекательная – была предназначена, в основном, для молодёжи, но на судёнышке было битком набито народу самого разного возраста и национальностей. За три с половиной часа плавания нас развлекали два молодых араба, наряженные пиратами. Они совершали акробатические упражнения на сети, натянутой между мачтовыми канатами, плясали, пели, устраивали всякого рода немудреные затеи, свистом подзывали дельфинов. Я искупалась в открытом море, с аппетитом съела предложенную туристам еду, однако, невероятно устала от громкой, назойливой музыки. Вторую половину дня мы решили провести в райском уголке “морского дворца” – под сенью пальм, на лежаках возле бассейна, дно которого было выложено голубой плиткой. Потягивая через соломинку коктейль, я внимательно перечитывала данную мне в Tez-tour “Памятку по Тунису”: “Тунис – страна кальяна и мятного чая, ярких, шумных рынков и белых

домиков, за голубыми дверями которых скрываются утопающие в жасмине тихие дворики. Здесь море сливается с небом, а пески пустыни – с солнцем, которое в Тунисе такое же тёплое, как и улыбки его обитателей. Эта страна находится в сказочном Магрибе на севере Африки, где, согласно арабским сказкам, происходили главные события “тысячи и одной ночи”. Она протянулась полоской великолепных пляжей от Средиземного моря до Сахары, недаром отдых в Тунисе необычно популярен среди туристов всего мира”. Что и говорить, реклама была поэтичной! Мне, воспитанной на волшебных сказках, прежде всего – родных, русских, а потом и на сказках многих других народов мира, в том числе и на арабских, она не могла не понравиться.

И вот наступил день долгожданной поездки в Карфаген. Большой комфортабельный автобус фирмы “Пегас” вместил в себя около сорока человек туристов. Нашим гидом оказался невысокий худощавый смуглый араб, который представился нам как “папа Максим”. “Во время путешествия все вы – мои дети, о которых я буду заботиться, а я – ваш папа”, – так прокомментировал он выбор своего имени, и я высоко оценила его чувство юмора. По дороге наш “папа” блистал эрудицией: говоря о географии Туниса, он ссылаясь на мысли Н.А.Бердяева, что от климата и природных условий каждой страны напрямую зависят нравы её обитателей. Чуть позже речь зашла о истории Пунических войн. Местоположение Карфагена в Средиземноморье, пояснял гид, вскоре сделало его самой известной и богатой метрополией древнего мира. Потомки финикийцев – карфагеняне – торговали с сильными народами и покоряли слабых: город на полуострове был несметно богат. Но главным его соперником быстро стал могучий Рим. Было три Пунических войны, в ходе второй великий военачальник Ганнибал Барка первоначально одержал ряд побед над римлянами, но римлян поддерживали берберы, для которых карфагеняне были захватчиками их земель. Подумайте,

легко ли было воевать на два фронта? В 146 году до новой эры Карфаген был разрушен, а потом римляне заново отстроили его по своим образцам. В двадцатом и нынешнем веках он стал “Меккой” для туристов со всего мира. На знаменитой земле, после добавил он, был в своё время поэт Андрей Вознесенский и написал стихи -о Карфагене – одну из строф “папа” тут же процитировал на ломанном русском языке. Волнение моё нарастало.

Широкая дорога тянулась по большой насыпи, ведущей от нынешней столицы Туниса на полуостров, где некогда располагался легендарный город. Папа Максим показал нам возвышающийся на холме великолепный дворец, построенный французами в честь одного из королей, участника крестовых походов – я слушала вполуха, мысленно погружённая в содержание флоберовского романа, внимательно перечитанного мною перед отъездом в Тунис. Автобус встал на площадке неподалеку от вершины холма. Наш осмотр всемирно известной достопримечательности начался с двухэтажного музея истории Карфагена. Эрудированный гид обратил внимание группы на статуи римских богов и военачальников с отбитыми носами, объясняя, что то было делом рук вандалов, для которых отбить нос даже у статуи означало лишить человека достоинства. При этом он напомнил нам, что и в повести Н.В.Гоголя “Нос”, главный её герой, лишившись носа, вмиг потерял своё достоинство, свою собственную сущность. “Однако!” – мысленно воскликнула я, отдавая дань уважения его профессионализму.

Глиняные и бронзовые черепки в витринах музея являли собой следы римской цивилизации, географические карты гласили о покорении Карфагена Римом, а чуть позже автобус подвёз нас к сохранившимся руинам некогда огромных римских бань. Нам было дано около получаса, чтобы побродить по территории возле музея, сделать снимки каменных колонн и

останков древнего города. Но чьими были эти останки? Ужель опять римскими? С холма открывался чарующий вид на морской залив и утопающую в дымке гряду гор на противоположном его берегу, но всё это мало утешило меня. Подобно тому, как в веке девятнадцатом археолог-любитель Генрих Шлиман искал Трою с томиком “Илиады” Гомера в руках, мне хотелось бы совершить экскурсию по Карфагену с романом “Саламбо”. “Это было в Мегаре, предместье Карфагена, в садах Гамилькара”, – так начиналась первая его глава под названием “Пир”. Где была эта Мегара? Что сохранилось от неё?

Работая над романом, Флобер перечитал сотни томов специальной литературы, он даже называл своё произведение археологическим. Четвёртая глава, названная “У стен Карфагена”, даёт его читателям самое полное представление о древнем городе, защищённом от врагов во всю ширину перешейка. Холм Акрополя был окружён храмами: храм Камона, храм Мелькарта, храм богини луны и плодородия Танит и зловещий чёрный храм бога войны Молоха. Позднее, как узнает читатель “Саламбо”, в чреве Молоха были сожжены принесенные в жертву мальчики из самых родовитых семей карфагенян для достижения победы над восставшими варварами. Великолепна география романа: “Дальше за городом, в глубине Мегары, над Акрополем, возвышался дворец Гамилькара”. Потрясающая история жестоких нравов карфагенян! Коварный Гамилькар Барка в канун жертвоприношения подменил своего сына Ганнибала на мальчика-раба. Было ли это на самом деле? Где была Камонская площадь, до которой добежал истерзанный толпой своих мучителей Мато, чтобы в последний раз глаза его встретились с глазами Саламбо? Романист, по мысли Флобера, не имеет права высказывать своё мнение о чём бы то ни было: “Разве Бог когда-нибудь высказывает своё мнение?” “История и естествознание – вот две музы современной эпохи”, – писал он. Величайший мастер художественной формы, Флобер родился двенадцатого

декабря 1821-го года в семье главного врача одной из местных больниц в Руане и, будучи ребёнком, перелезал через стену, чтобы рассматривать трупы в зале для вскрытия. Сами его романы представляли собой бесстрастное анатомирование жизни, именно таков трагический финал “восточной сказки”: “Кроме глаз, в нём не осталось ничего человеческого, он представлял собою сплошную красную массу; разорвавшиеся верёвки свисали с бёдер, но их нельзя было отличить от сухожилий его рук, с которых сошла кожа... Он дошёл до подножия террасы. Саламбо наклонилась над перилами; эти страшные зрачки были обращены на неё, и она поняла, сколько он выстрадал за неё. Он умирал, но она видела его таким, каким он был в палатке, на коленях перед нею, обнимающим её стан, шепчущим ей нежные слова. Она жаждала вновь их услышать, она готова была крикнуть. Он упал навзничь и больше не шевелился”. В отличие от мадам Бовари, Саламбо – существо чистое, прекрасное и естественное, её ответное чувство к Мато скрыто в области подсознательного: ведь для всех жителей Карфагена он был врагом, похитившим покрывало богини Танит и возглавившим армию варваров. Но совершил он всё это ради великой любви к дочери Гамилькара, и она умерла несколькими минутами спустя, не будучи в силах перенести гибель любимого. Картины жизни и быта древнего Карфагена способны заворожить читателей, а мастерски выписанные сцены страшных казней и смертей – заставить содрогнуться и задуматься над состоянием мира, где прекрасное, по-прежнему, гибнет под натиском жестокого и безобразного. Повторяю, было бы великолепно изучать Карфаген по роману Флобера, но, увы, от того древнего города мало что осталось, разве что детальное воссоздание его на страницах “Саламбо”. А вот варварства и вандализма в современном мире, практически, не убывало!

Мою печаль после встречи с Карфагеном немного скрасило посещение Сиди-Бу-Саида, города, некогда бывшего столицей

Туниса и расположенного тут де поблизости, на карфагенской земле. Ныне, по словам папы Максима, он превратился в некий духовный центр, обиталище богемы, город поэтов и художников. Всех нас восхитил вид уютных невысоких бело-голубых домов, жмущихся друг к другу на холмах, и узких петляющих улочек, заполненных туристами. По одной из улочек, главной, я поднялась на вершину холма и медленно спустилась обратно, любуясь музеем под открытым небом – выставленными на продажу картинами художников да сувенирами и всякого рода изделиями местных мастеров. В центре города возвышалась массивная белая мечеть с высоким прямоугольным минаретом, я сфотографировала её на память.

Наш путь лежал в современную столицу Туниса. Всезнающий гид пояснил, что страна его обрела независимость от Франции лишь в 1956-м году, а год спустя первым президентом стал Хабиб Бургиба, выучившийся в Сорбонне. Он отменил многожёнство, ввёл бесплатное образование и медицинское обслуживание, дал многие права женщинам, и теперь его именем названы главные улицы всех городов Туниса. Последующие правители по масштабам личности не смогли сравняться с “отцом тунисцев”. Выйдя из автобуса, в сквере на центральной улице увидели мы армейские машины и вооружённых солдат. Ужель началась очередная заварушка, подумала я, но добрый наш папа Максим тут же успокоил нас, сказав, что солдаты бдительно охраняют французское посольство, точно так же, как и американское, и британское. Русское, к счастью, никто не пытался штурмовать... Красивые здания театра и посольства удачно соседствовали с современными высотками, улица была хороша, но уж слишком грязна: после недавнего переворота в стране не стало хватать средств на уборку городов и дорог. Порой на борьбу с мусором бросали армейские подразделения.

После обеда в прибрежном ресторанчике папа Максим

поведал нам на обратном пути о великой русской даме Анастасии Александровне Ширинской, эмигрантке, умершей совсем недавно в Бизерте в возрасте девяти лет и написавшей книгу “Бизерта. Последняя остановка”. Она была талантливым преподавателем математики, добавил он, обучившей этому предмету многих знаменитых французов, и её похоронили с большими почестями. Как много русских встретили свой последний час в чужих краях, размышляла я, но большинство из них, воистину, были великими людьми. А что же ныне? Каковы современные русские за рубежом?

Вечером того же дня, за ужином в ресторане нашего отеля, мне довелось увидеть компанию соотечественников – молодых парней и девушек. Стол их был заставлен спиртными напитками, они были изрядно навеселе и вскоре стали громко кричать на весь зал, перейдя на матерщину. “Давненько не слыхала я русского мата, – сказала я с иронией, подходя к ним, и жёстко отчеканила: “Ребята, вы не дома! Посмотрите, как достойно ведут себя арабы. Прекратите кричать и сквернословить! Не позорьте Россию!”. По счастью, мой призыв был услышан: весёлая компания приумолкла. Но не всегда во вразумлении россиян содействовал мне успех. На пляже неподалеку от нас загорала средних лет женщина в плавках из двух крошечных треугольников ткани и с обнажённой грудью. Я сделала замечание и услышала грубый ответ, что ей де нет никакого дела до реакции окружающих. Какой резкий контраст являла она с арабами, что приходили к морю, как правило, вдвоём – супружескими парами. Арабки в традиционных хиджабах были закутаны с головы до ног, иные из них даже в море купались в одежде. Бесстыжая эта женщина, выросшая на либеральных “ценностях”, размышляла я, наверняка, поддержала бы кощунниц-пусек, осквернивших непотребной своей пляской храм Христа Спасителя, тогда как почти весь арабский мир грозно выступил против попытки поношения пророка Муххаммада. Судите сами, какая из цивилизаций

победит при таком раскладе? Та, что сумеет защитить свои фундаментальные святыни.

В канун Рождества Пресвятая Богородица и утром этого дня мы с Зинаидой усердно молились в её номере, умоляя Пресвятую Богородицу, защитницу всего рода человеческого, спасти и нас своей великой милостью. Нынешний мир устроен так, что смерть, буквально, бродит по пятам каждого человека, и тот, кто не прибегает к защите Божией, не только не мудр, но и не умен.

Рано утром в субботу двадцать второго сентября мы отправились на двухдневную экскурсию в Сахару, и вновь комфортабельный автобус с кондиционером был весь заполнен туристами, а нашим гидом оказался уже знакомый папа Максим. Экскурсия началась с посещения римского Колизея – одного из самых впечатляющих монументов на африканском континенте, третьего в мире по величине и первого по сохранности. Построен он был во втором веке до нашей эры и рассчитан на тридцать пять тысяч зрителей. Именно в этом грандиозном сооружении был снят фильм “Гладиатор”. Мы спустились в цокольный его этаж, где некогда размещались клетки со зверями и рабами-гладияторами, потом поднялись на арену и зрительские ряды. Я искренне недоумевала, как можно было наслаждаться кровавыми бойнями на арене? Не зря именно на территории бывшей Римской империи явился миру Христос – Спаситель рода человеческого. Разрушительному, бесчеловечному глобализму был противопоставлен иной, созидательный.

По мере нашего продвижения на юг пейзаж менялся на глазах: оливковые рощи уступали место финиковым пальмам, потом их сменили невысокие кустарники, а дальше – горная и песчаная пустыня с колючками – пищей для верблюдов. Папа Максим показал нам пещеры берберов. В одну из них мы зашли, обойдя все “комнаты” бедного жилища, вырубленного в горах. – Получают ли их дети хоть какое-то образование? – спросила я у

Максима, оживлённого беседовавшего со старым хозяином.

– Да. Их отвозят на автобусе в школу, – последовал ответ. – Наша страна не делит своих людей ни по национальным, ни по этническим признакам. Моя мать – берберка, а я получил хорошее образование во Франции и знаю семь языков.

Как я заметила, по-английски и по-французски в Тунисе достаточно сносно говорили и водители автобусов, и служащие отелей, и организаторы разного рода курортных развлечений. Без знания двух-трёх языков им в сфере обслуживания туристов было бы делать нечего.

Самое яркое впечатление ожидало нас вечером – это было катание на верблюдах, на которое отважилась почти вся наша большая группа. Водитель автобуса привёз нас к “верблюжьему аэродрому”, где нас уже ожидали с полусотни лежащих на коленях верблюдов и молодые арабы-погонщики. Всем нам намотали на головы большие тюрбаны-бурнусы и нарядили нас в длинные полосатые халаты. Мы сфотографировались в таком прикиде, после чего началась посадка. Одна из женщин при этом упала, но, к счастью, всё обошлось без повреждений. Мы с Зиной с превеликой осторожностью взгромоздились на наших дромадеров, и я мёртвой хваткой вцепилась в металлическую ручку седла, боясь навернуться с высоты “корабля пустыни”.

И вот, наконец, наш караван тронулся в путь; выглядел он более чем живописно. Верблюды то и дело мотали головами, я беспрерывно ёрзала на неудобном сидении, так ехали мы минут тридцать, пока добрались до края пустыни. Там мы спешились, и тотчас мой дромадер стал валяться в песке, словно в знак презрения к неумелой своей наезднице. Следом за ним песочные ванны приняли ещё несколько верблюдов. Вокруг нас были разной высоты барханы и редкие пальмы, солнце на наших глазах медленно заходило за горизонт, а мне хотелось ущипнуть себя за руку: не мираж ли это? Действительно ли созерцаю я закат солнца в Сахаре? Обратный путь до стоянки автобуса мы проделали уже

уверенней и после ужина в гостинице “Махари” – “Белый верблюд” – искупались в тёплом бассейне с термальными водами. Уснули мы в тот памятный день мгновенно, едва коснувшись наших постелей в двухместном номере.

Рано утром нас разбудил телефонный звонок дежурного по отелю, и сразу же после завтрака, ещё в полной темноте наш автобус тронулся в путь уже по другой дороге. Первая остановка была в солончаковой пустыне, вся наша группа с фотоаппаратами и кинокамерами в руках выстроилась в ряд и зачарованно наблюдала за тем, как далеко на горизонте над гладью солончаков медленно поднимался оранжевый диск солнца. Зрелище было незабываемым! Главным приколом дня стало катание на джипах по маршруту трассы “Париж-Дакар”. Нашим водителем оказался молодой араб в бурнусе и национальной одежде. Демонстрируя всю свою джигитовку, он лихо покатал нас по крутым барханам, выкрикивая при этом “Зашибись!” – словечко, выученное от русских туристов. На одной из остановок осмотрели мы место, где снимались эпизоды фильма “Звёздные войны”: пещеры в песках да устремлённые ввысь макеты ракет. И снова на протяжении дня пейзаж менялся на наших глазах, пока не появились знакомые оливковые рощи в окрестностях Хамамета. Удручали меня лишь пустые пластиковые бутылки да пакеты, во множестве разбросанные вдоль дороги, но всё это с лихвой искупало доброе, сердечное отношение нам папы Максима, сделавшего всё возможное, чтобы поездка в Сахару запомнилась и понравилась нам. Позже, перед отъездом в аэропорт, мы с Зинаидой написали благодарность ему, нас поддержала супружеская пара Гурьяновых из Екатеринбурга, оставившая на бумаге и свои подписи.

В понедельник, вдоволь накупавшись в море и загорая на лежаке, я думала о том, что наряду с миром дольным, земным, и миром горним, небесным, существует и мир литературных героев. Воображение моё продолжали удерживать главные герои романа

“Саламбо”. Мечтой надменного Гамилькара было великое будущее его сына и наследника Ганнибала, а его раб Спендий – безжалостный интриган, освобождённый наёмниками, стремился занять место своих господ. Вождь нумидийцев Нар Гавас, перебежавший ради выгоды из одного лагеря в другой, желал возвыситься в браке с Саламбо, а соперник его, ливиец Мато, мечтал поселиться со своей любимой на сказочно красивом острове. Сама же прекрасная дочь Гамилькара хотела бы жить в мире без варварства, крови и насилия, в окружении любимых ею людей. “Какой захватывающий фильм можно было бы поставить по этому роману! – мечтала я. – Но это потребовало бы огромных средств и мощной плеяды талантов! Навряд ли это осуществимо во времена всеобщих кризисов”. Лицо моё сделалось печальным.

– Интересно, что произошло за эти восемь дней в России? – спросила я механика Валерия из Омска.

– Путин попал в клинику Склифасовского.

– Неужели?!

– Там у него взяли все необходимые анализы, после чего главврач сказал ему: “Владимир Владимирович! Больше вы не сможете ходить по большому”. “Это почему же?” “Вам всю задницу зализили!”.

Дружный хохот раздался сразу с нескольких лежаков. Смеялась и я: это был первый услышанный мною анекдот про Путина.

Вечером у нас случилась накладка с посещением лазерного шоу “Эль Зухра”: вульгарная бабёнка из Казахстана, взявшаяся за его организацию, объявила нам с Зинаидой, что поездка будет стоить всего-то по двадцать динар с человека. Я не догадалась проверить эту информацию у русскоязычной арабки на рецепции, что подрабатывала на устройении подобных левых экскурсий, и по приезду на место нам пришлось занять деньги у наших спутниц и доплатить ещё по двадцать динар на каждую. Чужой и

собственный прокол рассердили меня, но увиденное нами зрелище было захватывающим! Нам была показана история Туниса за три тысячи лет. Группа молодых артистов старалась, как могла, разыгрывая сцены возникновения Карфагена, битву Ганнибала с римлянами, завоевания Туниса арабами, турками и французами, а позже – обретения им независимости. Тут была и финикийская ладья на глади водоёма, и великолепные слайды на зубчатых стенах, и бешеные скачки на лошадях, и танец любимицы султана Зухры в освещении лазерных лучей, и многое другое. Постановка оказалась, воистину, грандиозной!

В день отъезда домой мы, пройдя таможенный осмотр в аэропорту Монастира, коротали время в просторном зале ожидания перед вылетом – не в тесном “накопителе”, не в “собирателе” или “обезьяннике”, как называют подобное заведение в пермском аэропорту, а в уютном современном зале с туалетами, кафе, магазинчиками и игровыми установками для детей. Нам бы такой сервис в Перми! Позади остались незабываемые десять дней, и вот наше путешествие благополучно окончилось на пермской земле. Но солнечный, гостеприимный Тунис навсегда остался в моём сердце, всем читателям моего очерка настоятельно рекомендую я посетить его. Только предварительно прочтите “восточную сказку” Флобера, его роман “Саламбо”! Право же, не пожалеете.

Октябрь, 2012 г.

Оглавление

1. Предисловие.....	3
---------------------	---

Часть первая

2. Ино еще побредем. Повесть.....	7
3. Яко на мя упова. Рассказ.....	84
4. На сороковой день. Рассказ.....	93
5. Жизнь по “Анастасии”. Рассказ.....	98
6. Поединок. Рассказ.....	106

Часть вторая. Путевые раздумья

7. Впечатления от двух сельских литературных музеев.....	112
8. Тайна “Тихого Дона”.....	124
9. Турция глазами русской староверки: впечатления и размышления.....	154
10. Мой первый крестный ход.....	166
11. Путешествие в Воткинск и Селетки.....	168
12. Восточная сказка, или Отдых в Тунисе.....	179

Литературно-художественное издание

Галина Чудинова

Ино еще побредем

Корректор Людмила Пермякова

Компьютерная вёрстка Сергей Беклемышев

Дизайн Георгий Лоскутов

Тираж 500 экз.

Издатель ООО "Печатник"

Пермский край, г.Верещагино, ул. Энергетиков, 2.

тел/факс: (34254) 3-63-91

Email: Pechatnik2008@mail.ru